

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

ЗАПИСКИ
СОВРЕМЕННОГО

съ 1805 по 1819 годъ

Часть I

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНИЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА

1859

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННОГО

ЗАПИСКИ
СОВРЕМЕННОИКА

съ 1805 по 1819 годъ

Часть I

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1859

891.7128

У613

к. 1.

501558

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С.-Петербургъ, 18 февраля 1859 года.

Цензоръ П. Новосильскій.

Въ типографіи И. И. Глазунова и Копи.

080 1 0 1947 01

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА.

съ 1805 по 1807 годъ

Если намъ такъ пріятно встрѣчать давнознакомыхъ людей, то еще пріятнѣе встрѣтиться съ самимъ собою въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ, или въ прежнемъ происшествіи.

Дневникъ, 13-го мая 1805 г.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

«Записки Современника» остались послѣ покойнаго князя Степана Степановича Борятинскаго въ письмахъ къ нему близкаго его родственника С. П. Ж —'ва, съ которымъ, несмотря на разность въ лѣтахъ и на обстоятельства, ихъ разлучавшія, онъ соединенъ былъ, сверхъ узъ родства, искреннею и безусловною дружбою до самой своей кончины.

Князь Борятинскій еще при жизни своей успѣлъ пересмотрѣть всѣ эти письма и сдѣлать имъ строгій разборъ: изъ однихъ многое, по разнымъ отношеніямъ и уваженіямъ, исключилъ, другія совсѣмъ уничтожилъ, остальные приведены имъ въ періодическій порядокъ двухъ «Дневниковъ»: а) *Студента*, съ 1805 по 1807 годъ, и б) *Чинovníка*, съ 1807 по 1819 г., по которымъ объясненія и замѣчанія сдѣ-

ланы прежде княземъ, а впоследствии самимъ С. П. Ж — мъ.

Эти «Дневники», кромѣ собственныхъ приключеній писавшаго, заключаютъ въ себѣ живую панораму большей части тогдашнихъ современныхъ лицъ и происшествій. Трудно настоящимъ образомъ судить о степени теперешней ихъ занимательности, ибо самое занимательное въ нихъ большею частію уничтожено; но, кажется, что и въ настоящемъ видѣ они не лишены интереса, который, по мѣрѣ продолженія «Записокъ», возрастаетъ, точно такъ же, какъ возрастаетъ неопытный, открытый и словоохотливый студентъ въ наблюдательнаго и дѣятельнаго чиновника, познакомившагося короче съ жизнью и ея превратностями.

ДНЕВНИКЪ СТУДЕНТА.

съ 1805 по 1807 годъ.

2-го января, понедельник.

Не беспокойся, любезный братъ, я не перестану быть твоимъ неизмѣннымъ гримомъ. Писать къ тебѣ обратилось мнѣ въ привычку. Благодарю за присылку денегъ; теперь, вѣроятно, не одна красенькая запечатывается въ пакетъ для подарка новому студенту. Званіе мое не бездѣлица и порадуетъ моихъ домашнихъ. Ожидаю непременно экстраординарной благостыни. Правду сказать, еслибъ кто, шесть мѣсяцевъ назадъ, вздумалъ предрекать мнѣ, что въ нынѣшній новый годъ я поѣду поздравлять родныхъ и знакомыхъ моихъ въ синемъ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ и при шпагѣ, я бы принялъ это за обидную насмѣшку. Однакожь это сбылось.

Конечно прилежанія, трудовъ и хлопотъ было не мало, но что значило бы все это безъ помощи и содѣйствія добраго моего Петра Ивановича¹? Онъ объ успѣхахъ моихъ заболѣлся болѣе меня самого. Математика мнѣ не очень далась; но на нее не обратили вниманія, и Алексѣй Ѳедоровичъ² — дай Богъ ему здоровья — сильно поддерживалъ меня.

Вчера ѣздилъ съ поздравленіемъ къ графу Ивану Андреевичу³, Ивану Петровичу Архарову, къ тѣткѣ Вишневской, къ брату Ивану Петровичу⁴, къ Аксеновымъ и къ Кудрявцевымъ; разумѣется, заѣзжалъ и къ Лобковымъ — какъ хорошѣетъ Арина Петровна! Нельзя довольно налюбоваться ею; что за глаза! И эту красавицу, къ общей досадѣ нашей, мать зоветъ Орюшкою! Звали вечеромъ танцовать; танцами распорядить будетъ Югель. Танцы не по моей части, но какъ не полюбоваться олицетворенною Терпсихорою!

Графъ Иванъ Андреевичъ добивался, сколько мнѣ лѣтъ и куда я намѣренъ опредѣлиться въ службу. Не хотѣлъ вѣрить, что мнѣ

¹ Магистръ Богдановъ.

² Мерзляковъ, адъюнкт-профессоръ.

³ Остерманъ, государственный канцлеръ.

⁴ Поливановъ, впоследствии сенаторъ.

только 16 лѣтъ. Не совѣтоваль служить въ архивѣ, но ѣхать прямо въ Петербургъ и опредѣлиться въ коллегію, сперва на черную работу; обѣщаль дать къ кому-то письмо; обласкаль, однакожь не посадиль. Старикъ чѣмъ-нибудь огорченъ, или угрюмъ по природѣ. За-то какъ обнималь меня Иванъ Петровичъ Архаровъ! Созваль все семейство смотрѣть на мой мундиръ, и чего-чего не наговориль: называль милымъ, умницею, роднымъ и проч. Заставляль насильно завтракать, приглашалъ обѣдать, хотѣль пить шампанское за мое здоровье — словомъ, я не зналь куда дѣваться отъ его нѣжностей. Говорять, что онъ со всѣми таковъ, и чѣмъ малозначительнѣе человекъ, тѣмъ больше старается обласкать его. Это мнѣ растолковала тѣтка, которая, Богъ-знаеть почему, называетъ эту привѣтливость кувырканьемъ; иначе я могъ бы возмечтать о себѣ и Богъ знаеть что! Между-тѣмъ я сегодня попалъ туда, куда бы и ѣздить не слѣдовало. Кудрявцевъ, въ великой заботѣ о моихъ знакомствахъ, возилъ меня къ графу Михаилу Федотовичу Каменскому, Богъ вѣсть зачѣмъ! развѣ только для того, чтобъ похвастаться своими связями, и что онъ нѣкогда въ кадетскомъ корпусѣ преподавалъ графу нѣмецкій языкъ. Графъ, безспорно, знаменитый полководецъ и не

*

даромъ фельдмаршалъ , но могъ бы и не уничтожать меня своимъ приѣмомъ: «Въ какой это ты , братецъ , мундиръ нарядился? Въ полку бы тебѣ не мѣшало послужить солдатомъ: скорѣе бы повиытерли». И только. Не посадилъ; простоялъ больше часу , покамѣстъ старики вдоволь не наговорились о прежнемъ житьѣ-бытьѣ : видишь , въ ихъ время будто бы все было лучше. Немудрено: въ ихъ время у нихъ зрѣніе было острѣе , слухъ былъ тонѣе и желудокъ исправнѣе.

Таскался по профессорамъ : я началъ съ *Страхова и кончилъ Снѣгиревымъ*. Хорошие , благонамѣренные , почтенные люди ! все время жизни своей посвящаютъ другимъ , въ непрерывныхъ трудахъ , а съ нашей стороны признательности немного. Вотъ напр. хоть бы взять Никифора Евтроповича¹. До-сихъ-поръ , какъ только появится на кафедрѣ , такъ тотчасъ наши шалуны и давай повторять третьегодичную его фразу : «Оное Гарнерево воздухоплаваніе не столь общеплезно , сколько оное финновъ Петра Великаго о лаптяхъ ученіе есть». Разумѣется , конструкція фразы смѣшна , да за-то въ ней есть глубокій смыслъ.

Обнимался съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ и

¹ Профессоръ Чераспановъ.

Буринскимъ, который написалъ превосходные стихи. Сказывали, что С. Смирновъ переводить «*Sabale und Liebe*», которую разыгрывать будутъ на пансіонскомъ театрѣ. Хотятъ мнѣ назначить роль Вурма, потому-что я смугль и тощъ, а главное, потому, что ее никто не беретъ. Благодаренъ; будетъ съ меня и Франца Моора, котораго отхлесталъ я, къ полному неудовольствію переводчика¹.

3-го января, вторникъ.

Обѣдалъ у князя Михаила Александровича Долгорукаго и время провелъ чрезвычайно-приятно. Князь попрежнему такой же любитель театра и покровитель русскихъ актеровъ. Я встрѣтилъ у него Плавильщикова, Померанцева, Украсова и Злова. Сила Николаевичъ Сандуновъ пересталъ къ нему ѣздить, и о немъ не жалѣютъ. Бойкій талантъ, ума палата, языкъ — бритва, но неуживчивъ. За обѣдомъ много разсуждали о театрѣ и театральномъ искусствѣ. Ораторствовалъ Плавильщиковъ. Въ качествѣ дѣйствительнаго студента, позволилъ я себѣ нѣкоторыя возраженія, что нашему Росціусу, кажется, было не по праву, особенно когда я упомянулъ о петербургскихъ актерахъ Шушеринѣ и Яков-

¹ Ник. Ник. Сандуновъ.

левъ. *Шушеринъ* еще и такъ и сякъ, сказалъ онъ, но *Яковлевъ* неучъ. Я не видалъ ихъ, слѣдовательно защищать не могъ. Плавильщиковъ написалъ новую комедію: *Братья Своеладовы*, которая представлена будетъ въ его бенефисъ. Зловъ сказывалъ, что въ половинѣ мѣсяца пойдетъ и моя опера *Любовныя шутки*, которую переводилъ я по заказу Соломони. Эта глупая страсть къ театру отнимаетъ у меня пропасть времени. Съ завтрашняго числа запрусь дня на три дома, чтобы выиграть прошатанное время.

6-го января, пятница.

Большой балъ у *Высоцкихъ*. Кузины наши показывали мнѣ свои наряды: кружева, кружева и кружева; есть въ четверть аршина шириною. Много денегъ оставлено въ магазинѣ мадамъ *Обер-Шальме*! достаточно было бы на годовое продовольствіе иному семейству. Не даромъ старики эту *Обер-Шальме* переименовали въ *Обер-Шельму*. Мы съ *Петромъ Ивановичемъ* ѣздили взглянуть на освѣщенные окна дома *Высоцкаго*. Вся *Басманная* до *Мясницкихъ* Воротъ запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерамъ раздавали по калачу и разносили по стакану пѣнника. Это по-барски. Музыка слышна издали: экоссеэзъ и а-ла-грекъ такъ и заставляютъ подпрыгивать.

8-го января, воскресенье.

Были на пирушкѣ у Гаврилы Ивановича Мягкова¹. Домикъ на Мясницкомъ Валу пре-хорошенькій, жена красавица въ полномъ смыслѣ слова. Счастливецъ! Домикъ и жена приобрѣтены трудами: тѣмъ болѣе они для него драгоценны. Пили пуншъ и слушали игру хозяина на арфѣ—прекрасно! Какъ находитъ онъ время заниматься музыкою! Геометрія и музыка, арфа и фортификація какъ-то не гармонируютъ между собой. Всѣ были нѣсколько на-веселѣ, и Алексѣй Федоровичъ острилъ безпрестанно. Нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на-распашку. Я все смотрѣлъ на хозяинку: какой бы этюдъ для Тончи! Завтра приглашаетъ насъ И. И. Дмитриевъ на вечеръ. Петру Ивановичу нельзя: у него вечерніе уроки у Скульскихъ и графинѣ Гудовичевыхъ. Поѣду одинъ.

9-го января, понедѣльникъ.

У Ивана Ивановича никого изъ записныхъ охотниковъ читать стихи свои не было. Зато самъ хозяинъ заставилъ меня прочитать посланіе его къ Державину въ отвѣтъ на

¹ Преподаватель фортификаціи.

присланные стихи безъ подписи нашего Пин-
дара.

«Бардъ безъшмянный, тебя ль не узнаю?
Орлія издавна знакомъ мнѣ полетъ,
Я не въ отчизнѣ, въ Москвѣ обитаю,
Въ жилищѣ суеты!»

Вотъ такъ стихи! Ивана Ивановичъ вла-
дѣеть языкомъ мастерски. Платонъ Петровичъ
Бекетовъ толковалъ все о своей типографіи.
Это истинный ревнитель отечественнаго про-
свѣщенія; при бѣльшихъ способностяхъ онъ
былъ бы другимъ Новиковымъ, и особенно
теперь, когда нѣтъ ни одной отрасли наукъ,
которой бы правительство не поощряло. Иванъ
Ивановичъ, которому Бекетовъ близкій род-
ственникъ, говоритъ, что онъ не щадитъ ничего
для учебныхъ и литературныхъ предпріятій,
и даже разстроилъ на нихъ свое состояніе.
Иванъ Ивановичъ жалѣеть, что пособія Пла-
тона Петровича падаютъ большею частью на
бездарныхъ писателей, довольно-назойливыхъ.
Дождитъ на злыя и благія!

12-го января, четвергъ.

Наконецъ вотъ письмо изъ дома съ день-
гами: 300 р. матушки, 5 золотыхъ имперіа-
ловъ и 10 червонцевъ отъ батюшки и тѣтки
княжны Марьи Гавриловны очень-очень кста-
ти. Отецъ посылаетъ мерлушекъ на два тулу-

па для обоихъ насъ съ Петромъ Ивановичемъ , и ему особенно пару лошадей. Эти пегасы также очень ко времени, потому-что уроки Петра Ивановича умножаются ; одной моей пары становилось для обоихъ насъ недостаточно ; теперь , когда я перешель Рубиконъ , нѣкоторые лишніе выѣзды не могутъ быть для меня предосудительны ; я успѣлъ уже заказать Занфтлебену пюсовый фракъ изъ лучшаго сукна и синіе панталоны , съ узорами по бантамъ à la husard за 40 р.—дорого да мило. Между-тѣмъ , по случаю радостнаго событія , ѣдемъ завтра къ отцу Іоанну! на вечеринку. Тамъ будетъ и Василій Ивановичъ², котораго слово въ институтѣ такъ всѣмъ понравилось. Какъ удачно онъ умѣлъ выбрать текстъ къ этому слову : *иныхъ не имамъ радости, да вижду чада моя во истиннѣ ходяща*. Для преподавателя закона Божія нельзя было отыскать текста приличнѣе.

Говорятъ о назначеніи И. И. Дмитріева сенаторомъ. Дай Богъ ! Кромѣ таланта , неліцепріятенъ и не подверженъ ни чьему вліянію.

¹ Отецъ П. И. Богданова, умный и благочестивый старецъ, бывшій діаконъ въ приходѣ архидіакона Евила и отказавшійся добровольно отъ священства.

² Старшій братъ Петра Ивановича, священникъ и законоучитель института со времени его учрежденія. Скончался въ прошломъ году.

16-го января, понедельник.

Сегодня у Антона Антоновича встрѣтилъ Жуковскаго. Чуть-ли не будетъ онъ сотрудникомъ Каченовскаго въ изданіи «Вѣстника Европы»; по-крайней-мѣрѣ Антонъ Антоновичъ этого желаетъ. Какъ удивился Жуковский, когда я прочиталъ наизусть новые стихи его, которые нигдѣ еще не напечатаны и никому не были читаны, кромѣ самыхъ его близкихъ. Антонъ Антоновичъ очень забавлялся этимъ, и «вотъ (сказалъ) каковы-тѣ у насъ студенты-тѣ : все-тѣ на-лету ловятъ ; а кабы поменѣе-тѣ по театрамъ шатались, такъ бы и въ математикѣ-тѣ не отставали». Я сгорѣлъ : не въ бровь, а прямо въ глазъ ; да впрочемъ, за дѣло, за дѣло : что за безсчетный студентъ ! Однакожь не теряю надежды : Андрей Анисимовичъ ¹ вдолбитъ что-нибудь въ бѣдную мою голову, во время ваканцій. Но какъ отстать отъ театра ?

17-го января, вторникъ.

Поспѣшая сегодня на обѣдъ къ Лобковымъ во всю прыть моихъ каурокъ, я набѣжалъ на какую-то женщину и совершенно смялъ ее,

(¹) Сокольскій, преподаватель ариѳметики и геометріи.

такъ—что она очутилась подъ санями. Вопли и крики! Ъхавшій мнѣ на встрѣчу частный приставъ соскочилъ съ саней, остановилъ лошадей моихъ и высвободилъ бѣднягу, которая продолжала кричать безъ памяти. Онъ спросилъ меня, кто я таковъ, и объявилъ, что хотя, по принятымъ правиламъ, долженъ былъ бы отправиться со мною въ полицію, но что онъ не хотѣлъ бы мнѣ сдѣлать эту неприятность, и потому предлагаетъ дать женщинѣ сколько—нибудь денегъ на лекарство и тѣмъ предупредить ея формальную жалобу. Я бы радъ былъ дать все, что угодно, но со мною не было денегъ, и когда я объявилъ о томъ приставу, то онъ заплатилъ женщинѣ 5 рублей своихъ, съ тѣмъ, чтобы я послѣ возвратилъ ихъ ему, а впредь старался ѣздить осторожнѣе. Этого почтеннаго человека зовутъ Иванъ Петровичъ Гранжанъ, и Петръ Тимоѣевичъ за обѣдомъ сказывалъ мнѣ, что онъ бываетъ съ семействомъ у нихъ, принять въ лучшихъ домахъ и уважаемъ начальствомъ. Вотъ какіе люди служатъ въ здѣшней полиціи! Николай Петровичъ Аksenovъ также былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, еще при Эртелѣ, частнымъ приставомъ; а какой человекъ! что за душа и обращеніе! и какъ вообще уважаемъ всѣми, несмотря на недостаточное состояніе! Правду говорятъ,

что не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто.

19-го января, четвергъ.

Любовныя мои шутки—вовсе плохія шутки. Опера не понравилась публикѣ, а еще болѣе мнѣ: холодно, вяло и скучно. Бѣдная Соломони пѣла хорошо, голосъ у ней огромный, да какъ-то все не ладилось. Лизета крестьянка, а она представляла какую-то барыню, хотя и брала уроки у Сандуновой. Я думаю, безъ этой наставницы, которая порядочно жеманится, она сыграла бы лучше. Впрочемъ, въ неуспѣхѣ пьесы виноватъ одинъ бенефициантъ: зачѣмъ выбирать такой вздоръ? Петръ Ивановичъ, говорить, что я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не отказался отъ предложенныхъ мнѣ Соломони 50 р. за переводъ: по крайней-мѣрѣ душа бы не болѣла.

Балетъ «Мщеніе за смерть Агамемнона», во вкусъ Новерра, какъ гласить афиша, прошелъ такъ и сякъ: какой Эгистъ, какой Орестъ и какая Электра! Въ этой Электрѣ ни искры электричества. Говорятъ, что она выходитъ замужъ за старика—англичанина Банкаса, извѣстнаго торговца лошадьми. Онъ большой пріятель съ Н. П. Аксеновымъ, который, содѣйствіемъ и пособіемъ его, развелъ свой конный заводъ и свой извѣстный огром-

ностью рогатый скотъ—единственные теперь источники его доходовъ.

Старшая Соломони играла концертъ на скрипкѣ съ полнымъ оркестромъ. Это лучшая часть бенефиса.

20-го января, пятница.

Ай-да Freiherr von Steinsberg! Ай да Malteser Ritter! какъ ухитрился онъ поставить такую сложную пьесу, какова вторая часть «Русалки», на маленькой сценѣ демидовскаго театра, со всеми переменными декораціями, полетами, превращеніями и Богъ-вѣсть съ какими еще затѣями, при его ограниченнѣхъ средствахъ! Какъ бы то ни было, «Русалка» прошла весело. Театръ ломился отъ зрителей, несмотря на возвышенныя цѣны: ложа 12 р., кресла 2 р. 50 к., партеръ 1 р. 50 к., галерея 1 р.—дорогонько! Мамзель Штейнъ играла русалку, Штейнсбергъ—Минневарта, Коронъ—Ларифари, мадамъ Гебгардъ—старуху Jungfer Salome, Литхенсъ—рыцаря Адальберта, Вильгельмъ—ловчаго, мадамъ Штейнсбергъ—Берту, и проч. Мамзель Штейнъ принимали прекрасно, кричали нѣсколько разъ *vorauß*, а Canon между ею, Штейнсбергомъ и Вильгельмомъ: *Nach Regen folget Sonnenschein* заставили повторить три раза. Право, Штейнсбергъ — волшебникъ. Впродолженіе одного

года сформировать труппу, въ которой одни и тѣ же сюжеты играютъ сегодня шиллеровыхъ «Разбойниковъ», а завтра «Русалку», сегодня «Cabale und Liebe», а завтра «Die deutschen Kleinstädter», или «Zigeuner», сегодня «Беньовскаго», а завтра уморительнаго «Das neue Sonntagskind», и играютъ очень-недурно. Это, право, непостижимо; и между-тѣмъ изъ какихъ лицъ составлена эта труппа? Кромѣ Штейнсберга, который, не смотря на свое баронство и мальтійскій крестъ, можетъ назваться превосходнымъ актеромъ во всѣхъ амплуа, всѣ актеры его труппы большею частью Anfänger изъ петербургскихъ мастеровыхъ. Даровитая мамзель Штейнъ, играющая русалку, Амалію, Луизу и проч. — булочница; братъ ея — переплетчикъ, Литхенсъ — каретный обойщикъ, Коропъ — сидѣлецъ изъ виннаго погреба, Петеръ — столярный подмастерье, Канъ — садовникъ, Беренсъ — портной, Вильгельмъ Гасъ — писецъ изъ конторы нота-ріуса, послѣ нотный переписчикъ и наконецъ музыкантъ, Эме — деревенскій экономъ, Кистеръ¹ золотыхъ дѣлъ подмастерье. Подумаешь, какой сбродъ! и что изъ него вышло? Всѣ эти актеры — сами декораторы, сами ко-

¹ Нынче камергеръ одного нѣмецкаго двора, баронъ и милліонеръ.

стюмеры, сами машинисты, сами портные, сами копиисты. Штейнсбергъ не нанимаетъ ни одного посторонняго для надобностей своего театра. Удивительное свойство угадывать дарованіе въ людяхъ, привлекать ихъ къ своей цѣли и въ то же время заставлять ихъ любить и уважать себя. Сколько ни остороженъ пасторъ Гейдеке въ сужденіи о людяхъ, какъ онъ ни проницателенъ и опытенъ въ сношеніяхъ съ ними, однакожь утверждаетъ, что молчаливый и задумчивый Штейнсбергъ имѣетъ способность неотразимо дѣйствовать на кого онъ захочетъ.

22-го января, воскресенье.

Приходилъ Ф. П. Граве. Онъ непременно хочетъ играть на нѣмецкомъ театрѣ. Сколько мы ему ни возражали и ни указывали на неприличіе такого поступка, онъ стоитъ на своемъ. На прощаньѣ объявилъ, что уже выучилъ нѣсколько ролей и скоро дебютировать будетъ въ какой-то роль «Влюбленнаго башмачника». Завтра же отправляюсь къ Штейнсбергу и попрошу, чтобъ не допускалъ такого скандала. Одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ университета благороднаго пансіона, студентъ, получившій золотую медаль, и котораго имя, какъ отличнѣйшаго воспитанника, осталось на золотой доскѣ, будетъ играть роль

влюбленнаго башмачника и большею частью передъ вовсе — невлюбленными сапожниками. Есть отъ чего съ ума сойти!

23-го января, понедѣльникъ.

Дѣло Граве могли уладить только вполонину. Сколько его ни усовѣщивали, онъ и въ усь не дуетъ. Несетъ свое, увѣряетъ, что это вдохновеніе и онъ чувствуетъ свое призваніе. Непонятно, что случилось съ нимъ: ему давно за двадцать, а сталъ хуже всякаго капризнаго ребенка. Положили, покаместъ, на томъ, что будетъ по-крайней-мѣрѣ дебютировать послѣ пасхи и подъ другимъ именемъ. Онъ выбралъ себѣ латинское прозваніе: *Nemo*. Теперь, если убѣжденія на него не дѣйствуютъ, придется прибѣгнуть къ другому лекарству — свисткамъ: авось они отучатъ его отъ паясничества. Добро бы имѣлъ настоящій талантъ, или былъ какой красавецъ — сердце бы не болѣло; а то въ родѣ рыцаря печальнаго образа, съ присовокупленіемъ огромной сутулины. Впрочемъ, Штейнсбергъ говорилъ *qu'il ne faut rien prescrire* и заранѣе огорчатъ его, а что дѣло обойдется само-собою.

За хлопотами о нашемъ *Nemo* не былъ сегодня во французскомъ спектаклѣ. Давали оперу «*Paul et Virginie*» и комедію «*Faussees consultations*». Можетъ-быть, и къ-лучшему: день-

ги дома, а мадамъ Кремонъ что за Виргинія! Кругленькаго личика и затянутой талии недостаточно для этой милой роли.

Бълавинъ сказывалъ, что *Савиновъ*, дебютировавшій вчера въ роли Алексѣя въ драмѣ «Бѣглый солдатъ», ниже всякой критики. Это, будто-бы, Прусаковъ, помноженный на Кондакова.

26-го января, четвергъ.

Былъ въ бенефисѣ Сандуновой, въ ложѣ князя Михаила Александровича. Та же вѣчная первая часть «Русалки». Княжны восхищались бенефицианткою, а мнѣ какъ-то грустно видѣть эту даровитую пѣвицу въ такихъ роляхъ, которыя вовсе къ ней не пристали. Я не смѣлъ высказать свое мнѣніе, потому-что предвидѣлъ обыкновенное возраженіе: «небось ваша мамзель Штейнъ лучше?» Но, помилуйте! женщина въ лѣтахъ, небольшого роста, очень, очень полная, чтобъ не сказать толстая, прыгаетъ, пляшетъ или, вѣрнѣе, хочетъ прыгать и плясать какъ 18-тилѣтняя хорошенькая, безъискусственная, веселая нѣмочка, у которой роль русалки въ ея природѣ, ибо эта роль составлена большею частью изъ вальсовъ, національныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ и танцевъ и проч. Что же тутъ хорошаго? Удивительно, какъ люди мало зна-

ютъ свои средства! Сандунова не играетъ въ «Волшебной Флейтѣ», предоставляетъ прекрасную роль Памины *Бутенброковой* и ломается въ «Русалкѣ»! Настоящія роли талантливой Сандуновой, какъ пѣвицы и актрисы, въ операхъ итальянскихъ: въ «*Molina*», въ «*Діаниномъ дровѣ*», въ «*Cosa гага*», въ «Венеціанской ярмаркѣ», въ «*Serva padrona*» и проч. и проч. Пусть играетъ и Наталью въ «Старинныхъ святкахъ»: тутъ ей можно пощеголять своимъ пѣніемъ въ куплетахъ: «Слава Богу на небѣ» и проч., пусть поетъ въ «Водовозѣ», въ «Элизѣ, или Путешествіе по ледянымъ горамъ» и проч., слова нѣтъ: это ея амплуа; но русалка — ахъ, Господи! полунагая, вертлявая нимфа съ ея фигурою и формами и съ ея итальянскимъ жеманствомъ!... Лицо до-сихъ-поръ сохранило свою пріятность, фізіономія игрива, но нѣтъ натуры, какъ утверждаетъ и самъ Штейнсбергъ, а онъ непогрѣшительный и безпристрастный судья въ этомъ дѣлѣ. Отчего русалки не играетъ Насова, хорошенькая, веселенькая актриска и премиленькая пѣвичка съ вѣрнымъ голоскомъ? Я рѣдко въ комъ видалъ столько натуры, при совершенномъ отсутствіи всякаго жеманства. Говорять, танцовать не умѣеть; да у кого жъ ей, бѣднягѣ, было и учиться?

Штейнсбергъ говоритъ, что въ Петербургѣ

русалку неподобно играет Черникова¹, воспитанница театрального училища, и что такой актрисы въ роли русалки никогда не бывало, по-крайней-мѣрѣ видѣть ему не случилось ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ. Какъ бы хотѣлось взглянуть на этотъ феноменъ! Говорить, что и Воробьевъ, ученикъ Мартини, или Маркетти, отлично играет Тарабара, и хотя спалъ съ голосу, но умѣетъ управлять имъ такъ, что этого почти незамѣтно.

Я слышалъ отъ А. А. Арсеньева, что управляющій театромъ отъ воспитательнаго дома князь Волконскій посылалъ Волкова, играющаго здѣсь Тарабара, нарочно въ Петербургъ поучиться у Воробьева—какъ онъ выражается — тарабарской грамотѣ, и Волковъ точно усвоилъ будто-бы манеру своего образца; можетъ быть; только, кажется, пересолилъ, и вмѣсто пѣнія лаеетъ пособачьи.

28-го января, суббота.

Сегодня, въ бенефисъ мадамъ Дюпаре и Merienne, давали мелодраму «Le jugement de Salomon» и оперку «La danse interrompue». Первая пьеса, несмотря на пространное и высокопарное объявленіе о ея высокомъ достоинствѣ, о господствующей въ ней, съ первой до послѣдней сцены, нравственности и проч.,

¹ Впослѣдствіи Самойлова.

есть такое литературное уродство, которому и названья придумать не умѣю, и, сверхъ-того, такъ скучна, такъ скучна, что мѣчи нѣтъ! Это древняя мистерія, въ родѣ той, «какъ Олоферну царю Юдифь отрубила голову». Рыжая m-me Duparai играла Соломона, а m-me Me-gieppe—настоящую мать ребенка. Охота же французамъ давать такой вздоръ, а намъ платить за него деньги! За-то «La danse inter-gomprue» премиленькая пьеска и прошла весело.

Николай Ивановичъ Кондратьевъ разгадалъ мнѣ, отчего въ афишахъ передъ фамилією нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ ставится буква Г., т. е. господинъ или госпожа, а передъ другими нѣтъ. Это оттого, что послѣдніе изъ крѣпостныхъ людей, напр. Уваровъ, Волковъ, Баранчеева, Лисицына и проч., и что когда они зашибаются, чтò случается нерѣдко, то имъ дѣлается выговоръ особеннаго рода. Однакожь носятся слухи, что русскій театръ присоединится къ театральной дирекціи, отъ которой назначится особый директоръ, и что всѣ эти *не-господа* пріобрѣтутся въ принадлежность дирекціи, съ присвоеніемъ имъ буквы Г. Дай Богъ! Нѣтъ сомнѣнія, что казенное управленіе исправитъ теперешнюю неурядицу и обратитъ вниманіе на нѣкоторые отличные таланты, неимѣющіе, покамѣстъ, никакой будущности.

Завтра опера «Иванъ царевичъ». Непременно ѣду; а на дняхъ у французовъ «L'Amant statue» опера, въ которой Сандунова играетъ роль Селимены пофранцузски. Вотъ еще новость!

29-го января, воскресенье.

Подъ шляпку-невидимку
Скрою бѣлую личинку.
Сапожки-самоходы
Отслужатъ мнѣ походы, и пр.

кажется, вздоръ, а такъ и поется. Очень понимаю, отчего нѣмцы любятъ пьесы, составленныя изъ ихъ національныхъ Märgchen и преданій. Все родное какъ-то шевелитъ сердце, и, несмотря на нелѣпость вымысла, тарбарскій языкъ и варварскіе стихи, нарочно подобранные изъ сочиненій Тредьяковского, пьеса смотрится и музыка слушается съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ какой — нибудь «Судъ Соломона» и подобныя ему пьесы, отъ которыхъ да избавитъ Аполлонъ всякаго посятителя русскаго театра! Дѣло въ томъ, чтобъ только не умничать и не искать премудрости тамъ, гдѣ ея быть не должно. Опера «Иванъ царевичъ» — сказка въ дѣйствиіи, и дѣйствиіе расположено просто и несбивчиво: начало и конецъ на своихъ мѣстахъ; напѣвы нехитрые, безъ заморскихъ вычуръ, но какъ-то давно знакомые, затверженные въ

дѣтствѣ. Кому не нравятся эти напѣвы, тому придется воскликнуть вмѣстѣ съ Карломъ Морономъ: *O meine Unschuld, meine Unschuld!* Петръ Ивановичъ смѣется, что я ѣзжу въ такія пьесы, въ которыхъ нѣтъ пищи ни для ума, ни для сердца. Въ этомъ мы никогда не согласимся съ нимъ: онъ воспитанникъ города, а я выкормокъ деревенскій.

Мочаловъ — Иванъ Царевичъ, хоть куда, игралъ и пѣлъ очень порядочно: разумѣется, Уваровъ былъ бы превосходнѣе Мочалова во всѣхъ отношеніяхъ, но какъ быть! сравненія въ сторону: онѣ убиваютъ наслажденія. *Comparaison n'est pas raison.* Сцена дѣвшихъ шла уморительно: Волковъ и Кураевъ оба на своихъ мѣстахъ.

4 февраля, суббота.

Въ эту недѣлю много кой-чего посмотрѣлся и наслушался. Во французскомъ театрѣ даны были: «*La petite ville*» и «*Le Calif de Bagdad*». Мнѣ кажется, первая пьеса есть не очень-удачное подраженіе комедіи Коцебу «*Die deutschen Kleinstädter*», но вторая—очень-миленькая опера, и музыка прекрасная. Мы смѣялись отъ души, когда пѣлъ хоръ: *C'est ici le séjour des Graces*, тогда-какъ сцена наполнена была преуродливыми французскими харями. Видѣлъ Сандуну въ роли Селимены въ «*L'Amant Statue*».

Французы пригласили ее играть для сбора, точно также, какъ въ прошломъ году приглашали они здѣшняго французскаго каллиграфа *Le Maire*, урода и дурака, читать на сценѣ оду его первому консулу съ посвященіемъ пунка перьевъ своего очина. Ле-Меръ принятъ во всѣхъ домахъ, служить общимъ *plastron* и потому театръ былъ полонъ: всѣ хохотали, когда, при громкомъ завываніи всѣхъ бывшихъ на сценѣ французовъ: «*Allons, enfants de la patrie!*» стали поднимать Ле-Мера на воздухъ, будто-бы въ храмъ славы, въ видѣ генія, въ прическѣ *à la Louis XIV*. Все это могло идти къ Ле-Меру, но Сандуновой не слѣдовало бы входить въ эту французскую аферу. Пощеголять французскимъ языкомъ могла бы она и не на сценѣ, хотя, впрочемъ, и щеголять нѣ чѣмъ: болтаетъ такъ-себѣ, какъ и всѣ наши барыни.

Третьягодня въ бенефисъ Плавильщикова театръ былъ полонъ. Чтобъ судить о комедіи его: «Братья Своеладовы», надобно прежде ее прочитать, а то я не очень ее повялъ. Мнѣ показалось, что она не такъ-то понравилась, хотя публика послѣ и аплодировала, и особенно-горячіе друзья бенефицианта не сидѣли поджавъ руки. Жаль, что и первый нашъ трагикъ, нашъ Гаррикъ и Лэкенъ, какъ называютъ его князь Михайло Александровичъ, прибѣгаетъ къ паясническимъ средствамъ для при-

влеченія публики. Заставили плясать какого-то карло, котораго въ афишѣ называютъ *маленькимъ карло*, какъ-будто карло можетъ быть большой!

Ѣздили съ Хомяковымъ къ М. П. Ковалинскому, бывшему при покойномъ государѣ нашимъ рязанскимъ губернаторомъ. Я видѣлъ его въ малолѣтствѣ, и теперь радъ былъ познакомиться съ нимъ покороче. Очень-умный, пріятный и привѣтливый челоуѣкъ, хотя, въ бытность его губернаторомъ, и не то о немъ говорили; но другія времена—другіе нравы. Онъ, кажется, немного мистикъ. Обѣщалъ современемъ ссудить меня сочиненіями Сквороды, который былъ его наставникомъ. Манускриптъ этихъ сочиненій безпрестанно у него на столѣ передъ глазами. Я просилъ дозволенія пробѣжать нѣсколько страницъ въ то время, какъ онъ разговаривалъ съ другими, и напалъ на какую-то статью, подъ названіемъ: «Потопъ Зминъ». Ничего не понималъ. Петръ Ивановичъ говоритъ, что это оттого, что въ головѣ m-lle Stein, да «Русалка». На этотъ разъ не угадалъ: то да не то!

8-го февраля, среда.

Разсказываютъ объ остроумномъ отвѣтѣ главнокомандующаго графу Хвостову, который, въ разговорѣ, очень негодовалъ, что Ив.

Ив. Дмитріеву присвоили въ Москвѣ названіе русскаго Лафонтеня. Чтобы утѣшить графа, Александръ Андреевичъ сказалъ ему: «ну такъ что жъ? пусть Дмитріевъ будетъ нашимъ Лафонтеномъ, а ты—нашимъ Езопомъ».

Намѣдни вечеромъ у Прасковьи Михайловны Толстой слушалъ я премилое посланіе къ ней князя Ивана Михайловича Долгорукаго, читанное самимъ авторомъ. Нѣкоторыя другія стихотворенія его я уже зналъ и всегда любовался ими, какъ отголоскомъ нѣжнаго и любящаго сердца....

Но вотъ вчера доставили мнѣ старую, запачканную тетрадь, которая оказалась копіею съ опредѣленія пензенскаго верхняго земскаго суда 20-го іюля 1795 года о побояхъ, причиненныхъ прокуроромъ вице-губернатору за привлеченіе жены его прокурора къ распутству. Что вице-губернаторъ былъ человекъ весьма-нѣжныхъ чувствъ и сочинялъ прекрасные стихи—въ томъ нѣтъ сомнѣнія; что онъ влюбился въ прокуроршу—это весьма-естественно; но чтобъ могъ писать такія пошлыя любовныя письма, какія находятся въ этомъ опредѣленіи—я никогда бы повѣрить не могъ. Вотъ небольшой образецъ слога обоихъ любовниковъ: *Онъ*. «Нѣтъ не страшись, отдай мнѣ больше справедливости не только на театрѣ, но въ собраніи».

яхъ цѣлаго свѣта. Скажу, что ты мнѣ не только мила, но ни же какая женщина въ силахъ будетъ отвлечь мое сердце отъ тебя и скинуть тѣ легкія и дорогія цѣпи, кои ты одна въ моемъ нынѣшнемъ положеніи могла и умѣла накинуть; тебѣ дано было судьбою все сердце мое себѣ присвоить, отнявъ его даже у тѣхъ, кои отъ начала міра имѣли право по всѣмъ законамъ. Такъ не страшись ничьихъ прелестей, никакія красоты Лизаньки моей въ глазахъ моихъ не превзойдутъ. Ахъ, другъ мой, въ естествѣ нѣтъ сильнѣе моей страсти; душа моя, будь здорова!!! Матушка, жизнь моя! богъ мой! какъ вообразу, что я въ твоихъ объятіяхъ, то я внѣ себя и проч.»

Она. «Ахъ! на что вы дали поводъ открыть мои чувства. Знай, что я тебя люблю; если тебѣ надобно, я всему свѣту оное сказать готова. Ахъ, что вы дѣлаете, какое вы пронзаете сердце! Меня все въ страхъ и трепѣтъ приводитъ; по крайности изъ жалости выведите меня изъ сего адскаго положенія.»

Или: «Тамъ, жизнь моя, кинувшись на шею къ тебѣ, прижимая тебя къ груди моей попрошу одного слова, одно, что меня любишь, сдѣлаетъ меня счастливою! Скажи это, другъ мой, скажи, утѣшь свою подданную, воскреси рабу твою, дай жизнь вашей любовницѣ. Ахъ, какъ я васъ люблю! *Или:* «научи, какъ

выдрать пламя изъ нѣдра моего сердца» и проч. *Онъ.* «Я, любовь и природа насъ соединяетъ, потому—что не свѣчи влекутъ насъ и никакія клятвы Богу, предъ престоломъ брачнымъ возсылаемая отъ супруговъ, но любовь и гласъ природы, то есть связь и сила чувствъ природы, въ сердца наши влагаемая, насъ соединяютъ тѣсными узами, кои никогда не разорвутся» и проч.

Изъ этого слѣдуетъ, что сочинять прекрасные стихи и писать хорошо любовныя письма—не одно и то же. *Suum quique.* Видно при всякомъ начинаніи необходимо имѣть въ виду латино-греческій девизъ Аретина Арецкаго: *Nosce te ipsum.*

10-го февраля, пятница.

Кузины мои Семенова и княжны Борятинскія возили вчера меня на балъ къ Петру Тимоѣевичу Бородину, откупщику и одному изъ московскихъ Крезовъ. Я охотно поѣхалъ—не для танцевъ, которыхъ, по застѣнчивости моей, терпѣть не могу, а такъ, изъ любопытства. Чтò за тьма народа! чтò за жаръ и духота! Прыгали до разсвѣта. Много было хорошенькихъ личекъ, но только въ началѣ бала, а съ 11-ти часовъ, и особенно послѣ ужина, эти хорошенькія личики превратились въ какія-то вакханскія фізіономіи отъ усталости и невыносимой духоты; волосы развились и

*

разсыпались , украшенія пришли въ безпорядокъ , платья обдергались , перчатки промокли проч. и проч. Какъ ни суетились маменьки , тётушки и бабушки приводить въ порядокъ гардеробъ своихъ дочекъ , племянницъ и внучекъ , для чего нѣкоторыя по-временамъ выскакивали изъ-за бостона , но не успѣвали: танцы слѣдовали одинъ за другимъ непрерывно , и ни одна изъ жриць Терпсихоры не хотѣла сойти съ паркета. Меня увѣряли , что если дѣвушка пропускаетъ танцы , или на какой-нибудь изъ нихъ не ангажирована , то это непременно ведетъ къ какимъ-то заключеніямъ. Правда ли это ? Ужь не оттого ли инья matans безпрестанно ходили по кавалерамъ , особенно пріѣзжимъ офицерамъ , и приглашали ихъ танцовать съ дочерьми: « батюшка , съ моею-то потанцуй ». Многія не разъ подходили и ко мнѣ , но меня спасала кузина Александрина съ Ариной Петровной « Il ne danse pas , madame. C'est un campagnard qui ne vient au bal que pour manger des glaces ». Проказницы ! Въ кабинетъ хозяина кипѣла чертовская игра: на двухъ большихъ круглыхъ столахъ играли въ банкъ. Отъ-роду не видывалъ столько золота , ассигнацій. На одномъ столѣ банкъ метали князь Шаховской , Киселевъ , Чертковъ и Рахмановъ , попеременно ; на другомъ , братья Дурновы ,

Михель и Раевскій; понтировало много известныхъ людей. Какой-то Колычевъ проигралъ около пяти тысячъ рублей, очень хладнокровно вынулъ деньги, заплатилъ и отошелъ, какъ ни въ чемъ небывалый. Я думалъ, что онъ мильйонеръ, но мнѣ сказали, что у него не болѣе 200 душъ въ Вологдѣ. Какъ удивился я, встрѣтивъ Димлера, съ мѣломъ въ рукахъ, записывавшаго выигрышъ вмѣсто банкмета! Говоритъ, что онъ въ частѣ у Дурновыхъ: видно, это выгоднѣе, чѣмъ давать уроки на фортепяно.

Угощеніе было на славу. Несмотря на раннюю пору, были оранжерейные фрукты; грушъ и яблокъ бездна; конфетовъ груды; прохладительнымъ счету нѣтъ, а объ ужинѣ и говорить нечего. Чтò за осетръ, стерляди! чтò за сливочная телятина и гречанки-индѣйки! ¹ Богъ вѣсть чего не было! Шампанское лилось какъ вода: мнѣ кажется, болѣе ста бутылокъ было выпито. Хозяинъ подходилъ къ каждому и приглашалъ покушать; самъ онъ былъ нѣсколько на-веселѣ. Хозяйка не показывалась: она не выходитъ въ дни большихъ собраній. Дамъ принимала хозяйская дочь, молодая княгиня Касаткина, недавно вышедшая замужъ.

¹ То-есть откормленныя грецкими орѣхами.

Я возвратился домой разбитый и усталый, не съѣлавъ ничего, съ обремененнымъ желудкомъ, ѣвши безъ аппетита и вкуса, и съ головною болью отъ шампанскаго, которое глоталъ безъ жажды. Ничего не вывезъ я съ этого бала, кромѣ воспоминанія о прекрасныхъ глазахъ Арины Петровны; но и это ведетъ къ одной безсонницѣ; слѣдовательно, время потрачено напрасно. *Чесо ради шибель сія бысть?*

11-го февраля, суббота.

Рожденіе мое ровно чрезъ недѣлю. Мы сговорились съ П. И. обѣдать въ этотъ день дома и пригласить Гаврила Ивановича, Андрея Анисимовича, Аѳанасія Михайловича и стараго учителя моего. Хр. Ив. Кейделя. Угостимъ ихъ чѣмъ Богъ послалъ. Деревенской провизіи у насъ въ волю, а кухмарникъ авось не ударитъ лицомъ въ грязь; наливки почти непочаты и варенья еще много. Приглашу также Граве и кого-нибудь изъ нѣмецкихъ актеровъ für die Übung der deutschen Sprache. Послѣ обѣда, можетъ-быть, отправлюсь въ нѣмецкій театръ, на которомъ даютъ Беньшовскаго. Поѣхалъ бы, вмѣсто театра, къ Л., потому-что у нихъ вечеръ, но, право, за себя страшно: эта А. П. того-и-гляди, что съ ума сведеть: велитъ себя звать не иначе, какъ ma tante, потому-что двумя годами меня

старше ; мнѣ—такъ иногда совсѣмъ не то приходится въ голову.

12-го февраля, воскресенье, вечеръ.

Ѣздили въ голицынскую больницу къ обѣднѣ. Пѣвчіе очень—хороши, но все не то, что колокольниковскіе, у Никиты—мученика. Изъ числа послѣднихъ теноръ Самойловъ взятъ на петербургскій театръ. Отлично также поютъ у Дмитрія Солунскаго. Черномазый Визапуръ—не знаю, графъ или князь—намѣдни пришелъ въ такой восторгъ, что осмѣлился заплодировать. Полиціймейстеръ Алексѣевъ приказалъ ему выйти. Послѣ обѣдни смотрѣли мы картинную галерею. Какія сокровища собраны покойнымъ княземъ! и всѣ предоставлены на подвиги челоуѣколюбія. Поученіе священника было на текстъ изъ Евангелія «не скрывайте сокровищъ вашихъ на земли, идѣ же глѣтлѣ и татіе подкопываютъ и крадутъ». Въ голицынской больницѣ это чрезвычайно кстати. Изъ картинъ больше всѣхъ мнѣ понравились : «Благословеніе Іакова слѣпцомъ Ісаакомъ» *Риберы*, и «Снятіе со креста» *Каведони*¹. Какая натура и какія лица! Ска-

¹ Обѣ эти картины куплены впоследствии братьями Мосоловыми. Первая изъ нихъ принадлежала старшему, Федору Семеновичу.

Позднѣйшее примѣчаніе.

звали, что эта неоцѣненная галерея когда-нибудь поступитъ въ продажу, ибо считается мертвымъ капиталомъ. Многие, охотники до картинъ, острятъ зубы.

Изъ больницы забѣжали мы по сосѣдству на бѣгъ графа А. Г. Орлова. Герой чесменскій, въ бархатной малиновой шубѣ, самъ нѣсколько разъ принимался ѣздить на любимыхъ рысакѣхъ своихъ *Любезномъ* и *Каткѣ*. Охотниковъ было много и всѣ щеголяли другъ передъ другомъ, кто на рысакѣхъ, кто на иноходцахъ. Я замѣтилъ обоихъ Всеволожскихъ, Чемоданова, Савелова, Муравьева, братьевъ Яковлевыхъ-Собакиныхъ, Мосоловыхъ и многихъ первостатейныхъ купцовъ.

16-го февраля, четверкъ.

Какъ ни красивы бабушкины имперіалы и тѣткины червонцы, а пришлось размѣнять ихъ. Лажъ на золото вздорожалъ: имперіаль отдавъ по 12 р. 90 к., а червонцы—по 3 р. 85 к. сер. Рубль принимаютъ въ 1 р. 29 коп.

Проѣзжая по Ильинкѣ, купилъ у Соколова десять бутылокъ отличнаго цымлянскаго, по 40 коп. за бутылку.

19-го февраля, утро.

Рожденіе мое вчера отпраздновали славно: по письму матушки, утромъ былъ у Всѣхъ-скорбящихъ и, по собственному побужденію,

служилъ молебень при ракъ своего патрона, у Спаса-на-бору. Обѣдъ хоть куда! Щи съ завитками, сальникъ изъ обварныхъ крупъ, окорокъ ветчины, бѣлужья тѣшка, жареный индыкъ и неподобные олады съ бабушкинымъ липовцомъ. Наливкамъ досталось, а цымлянскаго какъ не бывало. Всѣ объѣдались. Я такъ радъ, что гости наши были чрезвычайно довольны и веселы! Гаврила Ивановичъ игралъ на клавикордахъ, а Граве съ Сокольскимъ плясали. За столомъ, при питьѣ моего здоровья, П. И. прослезился. Кейдель мой очень обидѣлся, когда Гаврила Ивановичъ спросилъ его: долго ли онъ былъ у меня дядькою? «То-есть учителемъ, хотите вы сказать?» отвѣчалъ Кейдель. Странно, какимъ онъ прежде казался мнѣ мудрымъ, а теперь какъ-будто поглупѣлъ. Коротъ пѣлъ нѣмецкія пѣсни и, между прочимъ, одну: *der Kuss*, которая такъ и просится въ душу. Это исторія поцалуха отъ колыбели до могилы. Если съумѣю, непременно переведу ее. Пировали до 11 часовъ. Ъхать мнѣ никуда не хотѣлось и лошадей употребили на развозку гостей.

Сегодня утренній маскарадъ въ петровскомъ театрѣ. Вчера не былъ въ вечернемъ, такъ должно бы ѡхать проститься съ масляницею и взять на глѣзки *ma tante*, да беретъ раздумье. Нѣтъ, лучше поѣду обѣдать къ

**

князю Михаилу Александровичу, а туда на вечеръ. Нынче день прощенный; простимъ другъ друга. Чтò еслибъ пришло ей въ голову сказать мнѣ: «возлюбимъ другъ друга!»

20-го февраля, понедѣльникъ.

Превесело кончилъ я вчера день свой. У Лобковыхъ было много гостей. Старикъ С. А. Всеволожскій, человекъ распрямилый, настоящій камергеръ двора Великой Екатерины, говорилъ безъ умолку. Какъ онъ мастерски умѣеть найтись съ барышнями, которыхъ съ дюжину его окружало! всякой изъ нихъ сказалъ онъ ласковое и привѣтное слово. Сказалъ бы что-нибудь и я — только одной, да не достаетъ смѣлости и во рту каша. Говорится: «отъ избытка сердца глаголетъ уста»; а у меня, напротивъ, отъ избытка сердца уста нѣмотствуютъ. Были адъютантъ государя П. А. Кикинъ и капитанъ Лукинъ, извѣстный силачъ. Первый говорилъ со мною о литературѣ и профессорахъ, и очень дѣльно; кажется, очень ласковый и внимательный человекъ; а послѣдній — тихій и скромный морякъ: все сидѣлъ и молчалъ у карточного стола; сколько молодой Всеволожскій ни заговаривался съ нимъ о силѣ и ни рассказывалъ ему о прежней чудесной силѣ графа А. Г. Орлова, у котораго Всеволожскіе домашніе люди, Лу-

кинъ ни слова о себѣ, и за ужиномъ говорилъ только о постороннихъ и самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, на примѣръ, что Москва обильна красавицами и богата радушіемъ.

Обѣдъ у князя М. А. былъ прекрасный: простой, вкусный, всего вдоволь. Въ домѣ говорятъ, что за старшую княжну сватается женихъ, только князь покамѣстъ слышать не хочетъ и говорить, что прежде двухъ или трехъ лѣтъ ее не выдастъ. За обѣдомъ въ почетномъ мѣстѣ опять сидѣлъ Плавильщиковъ, а Зловъ подлѣ меня и важно потягивалъ мадеру. Князь приказалъ поставить ему особую бутылку, примолвивъ: «никому, братецъ, своей порціи не давай». Плавильщиковъ признался, что комедія его была худо вырепетирована и разыграна и оттого не могла имѣть успѣха, но что въ слѣдующій разъ она пойдетъ лучше, тѣмъ болѣе, что онъ сократитъ ее. Можетъ, такъ, а можетъ, и не такъ—увидимъ.

Послѣ обѣда заставили Злова пѣть арію изъ «Волшебной флейты»: In diesen heiligen Hallen. Переводъ этой аріи показался мнѣ похожимъ на мой переводъ хора въ оперѣ *Элиза*, которую мы переводили вшестеромъ, за 50 руб. Сен-бернардскіе отшельники, найдя живописца, засыпаннаго снѣжною лавиною, звонятъ въ колоколъ и трагически поютъ:

Хоть виситъ недавно,
А звонитъ исправно!

Какъ ни маловнимательна публика къ опернымъ стихамъ, но мой хоръ заставляетъ ее всякій разъ смѣяться, хотя положеніе дѣйствующихъ лицъ и очень печальное. За-то Зловъ безъ умничанья и съ чувствомъ пропѣлъ на голосъ: «Freut euch des Lebens», подражаніе пѣсни Коцебу: «Es kann ja nicht immer so bleiben». Послѣдніе куплеты въ пѣниі недурны:

И прежде насъ много бывало
У жизни веселыхъ гостей,
И вотъ, мы, на память почившимъ,
Бокалъ осушаемъ, друзья!
И послѣ насъ будетъ не мало
У жизни веселыхъ гостей:
И также, намъ въ память, счастливы!
Они опорожнятъ бокалъ.

Да, да, круговая порука! Злова заставили повторить, и онъ повторилъ куплеты и потрясиль за памятный бокалъ.

Нѣмецкая масляница во всемъ разгарѣ. Завтра 2-я часть «Русалки» и послѣ балъ. *Штейнсбергъ* прислалъ билеты на спектакль и на балъ, но я возвратилъ: какъ-то совѣстно; а чувствую, что на балъ не обойдется безъ потѣхъ и взглянуть бы не мѣшало. Приносившій билеты *Петерсъ* сказывалъ, что *Штейнсбергъ*

ожидаетъ *Гальтеншюфа* и *Гунниуса* съ семействомъ. Одинъ—славный теноръ, а другой—басъ, знаменитый въ Германіи. Постомъ будутъ репетировать большія оперы: *Волшебную флейту*, *Дон-Жуана*, *Die Entführung*, *Аксур*, *Оберона* и проч. и проч. Пріятельница моя, меньшая Соломони, поступаетъ въ труппу примадонною, и нѣтъ сомнѣнія, что съ ролями дон-Анны, Констанціи и Памины справится лучше, нежели съ ролью вертлявой Лизеты. Простить ей не могу эту Лизету: изъ чего я трудился?

23-го февраля, четвергъ.

Неожиданно посѣтили меня Максимъ Ивановичъ и общій дѣдушка Василій Алексѣевичъ¹. Первый приходилъ узнать, говѣю ли я. Чтó за умный и добрый человѣкъ этотъ Максимъ Ивановичъ! какихъ гоненій не натерпѣлся онъ за свою рѣзкую правду и вѣрность въ дружбѣ! Какъ искренно прощаетъ онъ врагамъ своимъ и какъ легко переноситъ свое положеніе! При всей своей бѣдности, онъ не ищетъ ничьей помощи, хотя многіе старинные сотоварищи его въ несчастіи, какъ, напр., Иванъ Петровичъ Тургеневъ, Лопухинъ и Походяшинъ, принимаютъ въ немъ живое уча-

¹ Буловъ, отставной суздѣръ.

стіе и желали бы пособить ему. Ходить—себѣ въ холодной шинелишкѣ по знакомымъ своимъ, большею частью изъ почетнаго духовенства, и не думаетъ о будущемъ. Говорить: *довольтеъ днеси злоба его.*

Съ дѣдушкою все оказіи: потерялъ послѣдній свой зубъ и жалуется, что ноги лѣнливо ходятъ. Немудрено: недавно стукнуло полныя 78, а между-тѣмъ какая удивительная память! Всѣ пьесы, какія суфлировалъ онъ въ продолженіе 45-ти-лѣтней бытности своей суфлёромъ въ Петербургѣ и Москвѣ, помнитъ наизусть; а біографіи и закулисныя похождения актёровъ и актрисъ его времени рассказываетъ во всей подробности, какъ по книгѣ читаетъ. Преинтересный старичокъ! Теперь живетъ у Николая Петровича Аксенова, который призрѣлъ и успокоилъ старика, а сверхъ-того, добываетъ нѣсколько и самъ перепискою бумагъ у знакомыхъ, и пишетъ хотя медленно, но четко, жемчужкомъ. Для меня онъ сущій кладъ: вотъ два года, какъ я пользуюсь его досужествомъ хорошаго переписчика и анекдотиста—живой ходячей театральнй архивъ, а къ-тому же имѣетъ настоящее понятіе объ искусствѣ. Любопытны рассказы его о прежнихъ придворныхъ французскихъ актёрахъ и сравненіе ихъ съ нашими русскими. Когда-нибудь запишу всѣ его анекдоты. Онъ

оживляется за бутылкою хорошаго пива — это одна его прихоть; а за пивомъ дѣло не станетъ. Надобно пользоваться памятью старика, котораго время *близъ есть и дни изочтени суть*.

26-го февраля, воскресенье.

Отговѣли, какъ слѣдуетъ христіанамъ. Я отдохнулъ и освѣжился. Кажется, смѣшно, чтобъ въ 17 лѣтъ нужно было освѣженіе, однакожь это такъ: впродолженіе года насмотришься, наслушаешься и наберешься невольно такой дряни, что чувствуешь себя гораздо легче, когда смоешь ее съ себя банею покаянія. Теперь только я начинаю понимать, какъ полезно было для меня это русское деревенское воспитаніе, надъ которымъ такъ издѣвались сосѣди — эти ежедневныя утрени, молебны и всенощныя, въ которыхъ я исправлялъ должность дьячка: читалъ славословіе, каѳизмы, пареміи, пѣлъ ирмосы, кондаки, антифоны и проч.: все это пригодилось мнѣ не только въ нравственномъ, но и въ общественномъ отношеніи. Нашлись добрые люди, которые оцѣнили это воспитаніе и обратили его мнѣ въ средства; а прочее, чего, по мнѣнію великолѣпныхъ В* и велеумныхъ М* и Б*, мнѣ недоставало, пришло само-собою, такъ что я успѣлъ не только догнать, но перегнать пресловутыхъ товарищей моего дѣтства,

старѣйшихъ меня лѣтами, которыхъ мнѣ всегда въ образецъ ставили. Но вотъ, кажется, я и превозноситься сталъ! а давно ли еще повторялъ молитву: «Духъ цѣломудрія, смиренномудрія и любви даруй ми, рабу твоему!» Таковъ человѣкъ!

У французскихъ актёровъ затѣялась исторія, по случаю перемѣщенія актёра Балли въ петербургскую придворную труппу на трехтысячный окладъ, по одному его письму къ А. Л. Нарышкину и безъ вѣдома его товарищей. Вся труппа въ большой суматохѣ и посылала депутатовъ *Дюпаре*, *Белькура* и *Мериенна* жаловаться главнокомандующему, который это дѣло отъ себя отклонилъ. Дѣлать нечего: они, то-есть актёры, хотятъ публиковать въ газетахъ о поступкѣ *Vailli*, а съ тѣмъ вмѣстѣ и объявить публикѣ, что, по принятымъ ими мѣрамъ, такихъ случаевъ больше не будетъ. Смирновъ переводилъ имъ объявление.

Кстати о французяхъ. Венюковъ приносилъ какую-то вышедшую на-дняхъ повѣсть, или сатиру: *Французъ на дрожкахъ, или забавное приключеніе m-r Petit Diablette въ Москвѣ*. Охота же покупать такой вздоръ! Гдѣ онъ его откапываетъ?

28-го февраля, вторникъ.

Завтра именинница А. С. Неболсина. Въроятно, весь городъ, по обыкновенію, будетъ у ней. Нельзя не поздравить хромую, ласковую соседку, которая въ такой связи со всѣми боярами.

На-силу, на-силу могъ добыть «Четвероевангеліе», изданное нашимъ Харитономъ Андреевичемъ и посвященное государю. Все изданіе, въ 600 экземпляровъ, разошлось въ два года. Чтò за необъятный, почтенный трудъ! Ни одного слова не упущено, ни одного не прибавлено, а между-тѣмъ всѣ происшествія евангельской исторіи и всѣ поученія Спасителя слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ и читаешь ихъ какъ — будто писанные однимъ человѣкомъ. Митрополитъ чрезвычайно уважаетъ Харитона Андреевича за этотъ трудъ, и преосвященный викарій Августинъ отзывается о немъ съ чрезвычайною похвалою. Непремѣнно послалъ бы эту книгу къ матушкѣ, да боюсь бабушки: пожалуй, старушка почтетъ франмасонскою книгою и прогнѣвается. Досталось же отъ нея и покойному М. В. М. за то, что въ придѣлахъ великолѣпной церкви своей устроилъ печи! Съ-тѣхъ-поръ перестала ссужать его деньгами, а прежде отказа не было.

2-го марта, четвергъ.

Вчерашнимъ утромъ ѣздила съ поздравленіемъ къ именинницѣ , но она не принимала, а швейцаръ объявилъ , что *покорнѣйше просятъ на вечеръ*. «А много у васъ будетъ гостей?» — «Да приглашаютъ всѣхъ, кто пріѣдетъ утромъ , а *званыхъ нѣтъ : тихій балъ* назначенъ».

Нѣчего сказать, *тихий балъ* : вся Поварская, въ буквальномъ смыслѣ, запружена была экипажами , которые по обѣимъ сторонамъ улицы тянулись до самыхъ Арбатскихъ Воротъ. Кажется, весь городъ втиснуть былъ въ гостинья А. С. Чужая душа — потѣмки, но принимать гостей мастерица: всѣмъ одинаковый поклонъ, знатному и незнатному, всѣмъ равное ласковое слово и приглашеніе на полную свободу. Играй , разговаривай , молчи , ходи, сиди — словомъ, дѣлай, что хочешь, только не спорь слишкомъ-громогласно и съ запальчивостью: этого хозяйка боится. Кого тутъ не было, начиная съ главнокомандующаго до нашего брата , студента , отъ альфы до омеги? Гр. Раstopчинъ , кн. Юр. Влад. Долгорукій, П. С. Валуевъ , Обресковъ , кн. Вяземскій , сенаторъ Алябевъ , Мухановы , кн. Голицыны , Марковъ , Кутузовъ , Волконскій , Спиридовъ , Лопухины , Мамоновъ , Обольяниновъ , гр. Салтыковъ съ своимъ неразлучнымъ Бро-

комъ, и проч. и проч.—словомъ, почти вся московская знать. Я заслушался гр. Растопчина: что это за увлекательный образъ изъясненія! анекдотъ за анекдотомъ; одной чертой такъ и обрисуетъ человѣка, и между-тѣмъ о своей личности ни слова. По короткости своей съ именинницею онъ, говорятъ, сдѣлалъ ей сегодня пресмѣшной сюрпризъ. Замѣтивъ, что она любитъ пастеты, онъ прислалъ къ ней съ Брокеромъ, за минуту до обѣда, преогромный пастетъ, будто-бы съ самою нѣжною начинкою, который и поставили передъ хозяйкою. Въ восхищеніи отъ вниманія любезнаго графа, она, послѣ горячаго, просила Брокера вскрыть великолѣпный пастетъ—и вотъ показала изъ него прежде безобразная голова Миши, извѣстнаго карла, а потомъ вышелъ онъ и весь съ настоящимъ пастетомъ въ рукахъ и букетомъ живыхъ незабудокъ.

Ужинъ былъ человѣкъ на сто, очень хорошій, но безъ преступнаго бородинскаго излишества. За однимъ изъ маленькихъ столиковъ, неподалеку отъ меня, сидѣли двѣ дамы и трое мужчинъ, въ числѣ которыхъ былъ Павелъ Ивановичъ Кутузовъ, и довольно-горячо разсуждали о литературѣ, цитируя поочередно любимые стихи свои. Анна Дороеевна Урбановская, очень-умная, бойкая дѣвица, хотя уже и не первой молодости,

прочитала стихотвореніе Колычова «Моты-лёкъ» и сказала, что оно ей нравится по своей наивности, и что Павелъ Ивановичъ тако-го не напишетъ. Поэтъ вспыхнулъ. «Да знае-те ли, сударыня, что я на всякія заданныя рифмы лучше этихъ стиховъ напишу?»—«Нѣтъ, не напишете».—«Не угодно ли попробовать?» Урбановская осмотрѣлась кругомъ, подумала и, услышавъ, что кто-то изъ гостей съ жа-ромъ толковалъ о персидской войнѣ и нашихъ плѣнныхъ, сказала: «Извольте; вотъ вамъ четы-ре рифмы: плѣнъ, оковы, безмень, подковы; даю вамъ сроку до конца ужина». Павелъ Ивановичъ съ покраснѣвшимъ лицомъ и съ горящими глазами, вытащилъ бумажникъ, вынулъ карандашъ и погрузился въ думу. Прочіе продолжали разговаривать. Черезъ нѣ-сколько минутъ поэтъ съ торжествомъ выско-чилъ изъ-за стола. «Слушайте, сударыня! а вы, господа, будьте нашими судьями», и онъ гром-ко началъ читать свои *bouts-rimés*:

Не бывши на войнѣ, я знаю, что есть *плѣнъ*,
Не бывъ въ полиціи, извѣстны мнѣ *оковы*,
Чтобъ свѣсить прелести, неужель мнѣ *безмень*.
Падешь къ твоимъ стопамъ, хоть были бъ и *подковы*.

«Браво, браво!» вскричали судьи и приговори-ли Урбановскую просить извиненія у Павла Ивановича, который такъ великодушно отм-стилъ своей противницѣ.

Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ сказалъ, что если кузенъ его, Василій Львовичъ Пушкинъ, считающій себя первымъ докою на *bouts-rimés* и экспромты, узнаеть объ этихъ стихахъ, то съ нимъ сдѣлаются спазмы, если что-нибудь нехуже, тѣмъ болѣе, что Павелъ Ивановичъ *другой секты въ литературѣ*.

Говорять, что гр. Растопчинъ пишетъ большую комедію въ русскихъ нравахъ. Вотъ бы Кудрявцевъ къ кому свозилъ меня вмѣсто гр. Каменскаго: полезнѣе бы для меня было. Но я попрошу обязательную сосѣдку, чтобъ она меня ему представила.

4-го марта, суббота.

Дѣдушка притащилъ мнѣ мои лекціи и вмѣстѣ свѣдѣніе о составѣ русской труппы; сказалъ, что она точно присоединяется къ императорской дирекціи и что нѣкоторые сюжеты перемѣщены будутъ на петербургскій театр. Между-прочимъ, бесѣдуя о томъ, о сѣмъ за бутылкою *бархатнаго*, дѣдушка разговаривался о прежнихъ петербургскихъ актѣрахъ и, къ удивленію моему, осмѣлился возстать съ критикою на великаго Дмитревскаго, который, по мнѣнію его, былъ человекъ *умный, вѣжливый и тонкій придворный*, но въ-сущности превосходнымъ актѣромъ никогда не былъ и быть имъ не могъ, потому-

что не имѣлъ ни сильныхъ чувствъ, ни звучнаго органа, ни чистаго произношенія; читалъ стихи и даже прозу на-распѣвъ и, за недостаткомъ физическихъ средствъ, гонялся, кстати и некстати за какими-то эффектами... Славу будто-бы приобрѣлъ онъ оттого, что императрица изволила его жаловать, что онъ былъ мужъ просвѣщенный и образованный путешествіями, и что въ то время другаго никого не было. Но за-то актриса Михайлова, которая едва-едва знала грамотъ, а писать вовсе не умѣла, которой всякую роль начитывали, была удивительная актриса. «У, Господи Боже мой! (дѣдушка припрыгнулъ) что за буря! суфлировать не поспѣешь, забудешься; рвѣтъ и мечетъ, такъ и бросаетъ въ лихорадку; а сойдетъ со сцены—*дура-дура!*» О нѣкоторыхъ тогдашнихъ французскихъ актёрахъ относился онъ съ восторгомъ. «Вотъ» говорить, «напримѣръ, хоть *Флоридоръ*, подлинно было кого послушать и посмотреть въ «*Магометъ*» или «*Танкредъ*». На сценѣ красавецъ, голосъ звучный, поступъ благородная; что слово скажетъ—какъ рублемъ подарить; или *Офрениъ*, кажется, самъ-по-себѣ и невзраченъ, а ужъ что за актёръ! Когда, бывало, играетъ *Зопира*, *Аржира*, или *Августа*—такъ всѣ на-взрыдъ и плачуть. Я, грѣшный человекъ, пофранцузски худо маракую, но, стоя за кулисами, отъ

Офрена всегда приходилъ въ душевное волненіе и даже плакалъ. А ужь какіе благородные люди!» Тутъ дѣдушка разсказалъ мнѣ, какъ одна знатная и богатая дама, послѣ представленія «Танкреда» призвала *Флоридора* и, наговоривъ ему тысячу вѣжливостей, просила принять отъ нея, въ память доставленнаго ей удовольствія, золотую табакерку съ вложеніемъ ста имперіаловъ, что *Флоридоръ* принялъ табакерку съ благодарностью, но отъ денегъ отказался, сказавъ, что актёръ, имѣющій счастье принадлежать театру Великой Екатерины, въ деньгахъ нужды имѣть не можетъ, и всякая сумма, приобрѣтенная въ Россіи мимо Высочайшихъ щедротъ, для него предосудительна. Разумѣется, императрица узнала о томъ на другой же день, и при первомъ случаѣ гордый *Танкредъ* получилъ двойное вознагражденіе.

8-го марта, среда.

Физическія лекціи П. И. Страхова часъ-отъ-часу болѣе привлекаютъ публику. Онѣ чрезвычайно занимательны по своимъ экспериментамъ. Я не пропускаю и не пропушу ни одной, сколько бы ни было другаго дѣла. Страховъ говоритъ просто, ясно и увлекательно. Изъ дамъ обыкновенныя посѣтительницы — княжна Урусова и Полунина. Прекрасно также говоритъ и Павелъ Аванасьевичъ: онъ осно-

вательно изучилъ свой предметъ и предлагаетъ его убѣдительно. Я не слыхалъ другихъ эстетиковъ, и потому не могу опредѣлить достоинства нашего профессора сравнительно съ прочими, но, признаюсь, слушаю его съ величайшимъ удовольствіемъ. Однакожь вотъ и онъ, скромный и благородный человѣкъ, попалъ на зубокъ какому-то зоилу, который съострилъ эпиграмму на журналъ его :

Каковъ журналъ? — не хватской.

Издатель кто? — Сахацкой.

Читатель кто жь? — Посадской.

10-го марта, пятница.

Сегодня, наконецъ, я слышалъ эту знаменитую пѣвицу, которою нѣкогда восхищалась вся Европа. Въ Вѣнѣ носили ее на рукахъ, въ Дрезденѣ и Берлинѣ въ карету ея запрягались нѣмцы, а въ Италиі сходили отъ нея съ ума. Я слышалъ эту *Мару*, отъ которой теперь съ ума сойти нельзя, а взбѣситься можно за истраченныя безъ удовольствія на концертъ ея деньги. Что славная пѣвица постарѣла и подурнѣла—это въ порядкѣ вещей; но не въ порядкѣ вещей съ дребезжалымъ голосомъ и фальшивыми нотками давать концерты и собирать съ насъ по пяти рублей. Добро бы она принадлежала къ разряду тѣхъ пѣвицъ, которыя, какъ описываетъ ихъ глупѣйшими стихами остроумный враль Бородулинъ :

*Выводят больно-громко трели
Затѣмъ, что ничего не пѣли.*

Нѣтъ Мара не въ этой категоріи, а, вѣроятно, поетъ оттого, что хочется аплодисментовъ, или путешествовать на чужой счетъ. Говорятъ: она великая музыкантша. Да что изъ этого? Это домашнее ея качество (если она ничего не сочиняетъ), которое ничѣмъ не доказывается. Вотъ Манжорлети, такъ пѣвица! тоже немолода и нехороша: зубы хуже зубовъ всякой московской купчихи, уголь-углемъ, а заслушаешься. Пусть она не музыкантша, да послушавъ ее, кто можетъ сказать, чтобъ она не была музыкантшею?

Однакожь, какъ ни черны зубы г-жи Манжорлети, но они чуть не были причиною дуэли на пистолетахъ между двумя немолодыми уже повѣсами. Демидовъ, сидя въ креслѣ возлѣ Черемисинова и будучи въ восторгѣ отъ пѣвицы, изъявлялъ его громкимъ и безпре-
станнымъ повтореніемъ всѣхъ гласныхъ буквъ русской азбуки: «а! э! и! о! у!» Видно, это надоѣло Черемисинову, который, вдругъ обратясь къ дилеттанту, сказалъ: «Да чѣмъ восхищаетесь вы? Посмотрите: что за ротъ и какіе зубы!»—«М. г. (отвѣчалъ Демидовъ), это ваше дѣло; а мнѣ смотрѣть ей въ зубы нѣ зачѣмъ: она не продажная лошадь». Слово за слово, и дуэль бы состоялась, еслибъ

умный Александръ Александровичъ Волковъ не помирилъ противниковъ. Надобно сказать, что Черемисиновъ когда-то и кому-то продалъ лошадь съ поддѣланными зубами, а это въ матушкѣ-Москвѣ *не забывается* и въ свое время *отзывается*.

13-го марта, понедѣльникъ.

Мы воспользовались свободною субботою и вчерашнимъ воскресеньемъ, чтобъ съѣздить въ *Кусково* гр. Шереметева и *Люблино*, принадлежащее Н. А. Дурасову, взглянуть на пространная оранжереи, наполненныя померанцевыми, лимонными и лавровыми деревьями и несметнымъ количествомъ самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ. Намъ сказали, что эти оранжереи въ настоящее время года бываютъ во всей пышности и красотѣ своей. Въ-самомъ-дѣлѣ, я никогда не видалъ ничего подобнаго: совершенное царство Флоры. Кусковскія оранжереи удивляютъ количествомъ и огромностью своихъ померанцевыхъ деревьевъ и богатствомъ произрастеній, но не такъ чисто содержимы, какъ люблинскія; послѣднія несравненно-пріятнѣе и роскошнѣе: видно, что за всѣмъ бдительно наблюдаетъ самъ хозяинъ, котораго, какъ нарочно, тутъ и повстрѣчали. Онъ въ продолженіе всей зимы имѣетъ привычку по воскреснымъ днямъ обѣдать съ пріятелями въ

люблинскихъ своихъ оранжереяхъ. Не предполагая этой встрѣчи, мы-было сами хотѣли завтракать въ зелени, для чего и привезли съ собою кое-какой провизіи, но гостепріимный Николай Алексѣевичъ до того не допустилъ. Онъ видалъ Петра Ивановича въ домѣ родственника своего, бригадира Мельгунова, и тотчасъ же пригласилъ насъ обѣдать съ нимъ вмѣстѣ. Сколько мы ни отговаривались (разумѣется изъ церемоніи), но онъ настоялъ, говоря, что отказъ нашъ его обидитъ. Онъ очень-богатъ, а еще болѣе, кажется, радуженъ. Въ два часа пріѣхали гости: князь Дмитрій Евсеевичъ Циціановъ, кн. Оболенскій, какой-то красивый французъ Моро, двѣ очень-хорошенькія и бойкія иностранки, Еф. Ев. Ренкевичъ, Александръ Александровичъ Арсеньевъ и докторъ Доппельмайеръ. Всѣхъ насъ было чловѣкъ двѣнадцать, но столъ былъ накрытъ кувертовъ на тридцать. Только-что сѣли за столъ, подошли новые гости: старинный и любимѣйшій учитель пѣнія, кастратъ Мускети, который даетъ въ Москвѣ уроки дамамъ и дѣвицамъ въ третьемъ ихъ поколѣніи, рослый и тучный *bon vivant gourmet*, и съ нимъ знакомецъ мой, молодой Нейкомъ¹ капельмейстеръ и

¹ Умершій въ Германіи только въ 1857 году. Послѣдующая біографія Нейкома чрезвычайно-любопытна: онъ въ-

сочинитель музыки, одинъ изъ любимѣйшихъ учениковъ великаго Гайдна, живущій у Штейнберга. Я удивился, увидя ихъ вмѣстѣ, но загадка скоро объяснилась: Мускети, какъ истинный и безпристрастный знатокъ въ дарованіяхъ музыкальныхъ, желая удержать непремѣнно Нейкома въ Москвѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его капельмейстеромъ къ Дурасову, или къ Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, которыхъ оркестры считаются лучшими и полнѣйшими. Я едва могъ узнать Нейкома въ его огромномъ жабо, закрывавшемъ ему всю бороду, и не знаю, какъ онъ могъ справиться съ кушаньемъ. А серьги? — серьги чуть-чуть не съ переднія колесы моихъ дрожекъ! Богъ знаетъ, кто научилъ его такъ одѣться. Хорошенькія мамзели, смотря на даровитаго музыканта, безпрестанно ухмылялись.

Обѣдъ былъ чудесный и, какъ сказывалъ хозяинъ, состряпанъ изъ одной домашней провизіи крѣпостною его кухаркою. У него есть и отличные повара, но онъ предпочитаетъ кухарку, по необыкновенной ея опрятности. Стерляди и судаки изъ собственнаго его пруда; чудовищные раки ловятся въ небольшой

которое время былъ довѣреннымъ лицомъ у Талейрана.

Позднѣйшее примѣчаніе.

протекающей по Люблину рѣчкѣ; спаржа, толщиной чуть не въ палку, изъ своихъ огородовъ; нѣжная и бѣлая, какъ снѣгъ, телятина со своего скотнаго двора; фрукты собственныхъ оранжерей; даже вкусное вино, въ родѣ шампанскаго, которымъ онъ безпрестанно всѣхъ насъ подчивалъ, выдѣлывается у него въ крымскихъ деревняхъ изъ собственнаго же винограда. Необыкновенный хозяинъ! а къ тому же и не дорожить ничѣмъ: «дрянь, совершенная дрянь-съ!» Князь Циціановъ рассказывалъ множество случившихся съ нимъ происшествій, которымъ нельзя было не удивляться. Между-прочимъ, говорилъ онъ о какомъ-то сукнѣ, которое онъ поднесъ кн. Потемкину, вытканное по заказу его, изъ шерсти одной рыбы, пойманной имъ въ Каспійскомъ Морѣ. Какихъ чудесъ нѣтъ на свѣтѣ! Къ числу этихъ чудесъ можно отнести и то, что разскащикъ, кушая съ величайшимъ аппетитомъ, и все жирное, ничего не пилъ, кромѣ полузамороженной воды; говорилъ, что отъ-роду не отвѣдывалъ ни вина, ни пива, ни даже квасу, а водки и подавно. Онъ также самъ великій хлѣбосоль и мастеръ выдумывать и готовить кушанье. Александръ Львовичъ Нарышкинъ, первый гастрономъ своего времени, когда ни пріѣзжаетъ въ Москву, ежедневно почти у него обѣдаетъ; зато, и князя въ Петербургѣ угощаютъ по-бар-

ски. Послѣ кофе мы хотѣли-было откланяться, но хозяинъ опять не пустилъ, прося послушать домашнихъ его пѣсенниковъ, которые точно пѣли прекрасно съ акомпанементомъ кларнета и рожка; между-тѣмъ разносили поминутно разныхъ сортовъ ликёры, домашнего же приготовления, удивительно-вкусные: я въ жизнь свою такихъ не пивалъ. Замѣтивъ, что иные наиболѣе понравились Петру Ивановичу, хозяинъ приказалъ нѣсколько бутылокъ положить намъ въ сани. Мы уѣхали поздно; да и какъ иначе! Не будь дѣла, а главное, еслибъ я былъ одинъ, то долго бы еще не уѣхалъ. Когда оранжерею освѣтили, она превратилась въ какой-то садъ Армиды.

Счастливецъ! сколько удовольствія и добра онъ можетъ сдѣлать другимъ!

16-го марта, четвергъ.

Не-ужь-то же въ-самомъ-дѣлѣ въ воскресномъ походе моемъ было только на половину правды? Не-уже-ли домашнія стерляди и спаржа, дома упитанный телецъ и домашнее вино и ликёры—словомъ, все было недомашнимъ? А опрятная кухарка, а сукно изъ рыбьей шерсти и приключенія на Каспійскомъ Морѣ, не-ужь-то были однѣ сказки de ma mère! Опростоволосился же я порядочно! Пусть основаніемъ этихъ сказокъ и служить искрен-

нее желаніе угостить, однакожь зачѣмъ вводить въ такое заблужденіе? Мы бы ѣли съ такимъ же аппетитомъ и пили съ тѣмъ же наслажденіемъ и столько же, хотя бы и знали, что за столомъ, кромѣ фруктовъ, ничего не было домашняго. А я, коноплянникъ, давай рассказывать встрѣчному и поперечному за неслыханное диво о знаменитомъ хозяйствѣ люблинскаго владѣльца, у котораго въ домѣ все свое и купленнаго ничего нѣтъ, давай повторять исторію о рыбьемъ сукнѣ, и очень удивлялся, почему безъ смѣха никто меня не слушалъ, покамѣстъ серьезный Петръ Тимоѣевичъ и вовсе — несерьезный Кондратьевъ не вывели меня изъ заблужденія, объяснивъ мнѣ загадку. Такъ оно вотъ чтó! Впрочемъ, а *tout bien prendre*, у всякаго есть свой конѣкъ, и сердечная доброта заставитъ простить многое. Къ подобнымъ росказнямъ привыкли: онѣ исчезаютъ въ воздухъ; но радушное гостепріимство нашего амфитріона и клеветы его остается и вошло въ пословицу. Пусть у одного будетъ все домашнее, а другой носить фраки изъ выдуманнаго имъ сукна, а я бы не прочь водиться всегда съ такими людьми. Одна бѣда: востроглазая Арина Петровна не перестанетъ теперь преслѣдовать меня рыбьимъ сукномъ, а злодѣй Н. А. Новиковъ совѣтовалъ уже мнѣ обратиться, по при-

надлежности, къ Антонскому, какъ профессору энциклопедіи и натуральной исторіи, за свѣдѣніями о рыбьей шерсти.

Но вотъ мистификація почище. Вчера въ Петровскомъ Театрѣ смотрѣли мы искусника Транже, который объявилъ въ газетахъ, что онъ, невиданный вольтижеръ, покажетъ искусство свое на 50 футахъ отъ земли и будетъ ходить по потолку внизъ головою. Какъ не взглянуть на такое диво! Прежде вертѣлся онъ мельницею на повѣшенномъ довольно-высоко канатѣ, а послѣ, заставивъ себя раскачать, бросился въ повѣшенный предъ нимъ бумажный тамбуръ и выскочилъ изъ него переодѣтый старухою. Затѣмъ, подвязавъ къ подошвамъ крючья, началъ цѣпляться ногами, одна за другою, за вбитые въ потолокъ такіе же крючья, и такъ перебрался черезъ весь театръ. Вотъ и все тутъ хожденіе по потолку; по мнѣнію моему, эти штуки приличествовали бы масляничному балагану, а между-тѣмъ Транже¹ собралъ не менѣе 1000 руб. Онъ открываетъ манежъ и школу вольтижированія въ домѣ князя Дадьянова, на Лубянкѣ.

¹ Этотъ Транже въ 1818 г. состоялъ въ должности главнаго конюшаго у извѣстнаго въ Варшавѣ коннаго охотника графа Ржевускаго, въ присутствіи котораго застрѣлился, огорчась сдѣланнымъ ему замѣчаніемъ.

Позднѣйшее примѣчаніе.

20-го марта, понедѣльникъ.

У Катерины Александровны Муромцевой продолжаютъ собираться по вечерамъ лучшіе музыканты и любители нѣмецкой ученой музыки. Вчера неожиданно пріѣхалъ угрюмый и строгій преподаватель генерал-баса, старикъ *Геслеръ*. Знаю, что Москва любитъ своихъ музыкантовъ, то-есть тѣхъ, которые въ ней долго живутъ и къ которымъ она привыкла, но такихъ знаковъ уваженія, какое вообще оказываютъ этому товарищу и другу Гайдна, я, признаюсь, не ожидалъ: только-что на рукахъ не носятъ. Геслеръ точно достоинъ всякаго уваженія, какъ сочинитель музыки и какъ человекъ. Старикъ очень обрадовался, встрѣтивъ Нейкома и дружески пенялъ за то, что рѣдко его видитъ; потомъ, оборотаясь къ хозяйкѣ, сказалъ: *Wir sind Kinder des năhmlichen Vaters*, разумѣя Гайдна. Потомъ сѣлъ за фортепьяно и началъ разыгрывать турецкій хоръ и маршъ сочиненія Нейкома изъ *Sita—mani*, которымъ искренно восхищался; говорилъ, что время настоящей музыки прошло, что теперь, кромѣ французскихъ романсовъ и ученическихъ арій Крейсlera и Венцель-Миллера, изъ «*Donauweibchen*» и «*Teufelsmühle*», онъ ничего другаго въ обществахъ не слышитъ, и что онъ всегда сердечно радуется, когда изрѣдка попадаютъ ему такія сочиненія, какъ нейко-

**

мовы, которыя такъ изобилуютъ богатствомъ, разнообразіемъ и силою музыкальныхъ идей. Сказывалъ, что, по старости лѣтъ, онъ собирается оставить уроки и желалъ бы ихъ передать Нейкому, еслибъ онъ поселился въ Москвѣ. Но, кажется, это дѣло несбыточное: Нейкомъ имѣетъ въ виду Веймаръ, а оттуда, по совѣту Гёте, намѣренъ ѣхать въ Парижъ. Великій германскій поэтъ покровительствуетъ молодому Нейкому за сочиненіе превосходныхъ хоровъ къ «Фаусту» и снабдилъ его письмомъ къ петербургскому другу своему, генералу Клингеру.

На другомъ концѣ города, то-есть на Пре-чистенкѣ, бывають музыкальныя собранія въ другомъ родѣ. У В. А. Всеволожскаго еженедѣльно по четверкамъ разыгрываются квартеты, въ которыхъ участвуютъ всѣ лучшіе музыканты, какіе только находятся въ Москвѣ. Въ прошедшемъ году первую скрипку держалъ *Роде*, а въ нынѣшнемъ будетъ играть примо *Бально*, альтъ *Френцель* и на віолончели, по-прежнему, *Ламаръ*. Есть чего послушать. Вся знать бываетъ на этихъ концертахъ. Братецъ Иванъ Петровичъ Поливановъ, короткій пріятель Всеволожскому, обѣщаль меня ему представить. Нетерпѣливо этого ожидаю.

Я и не зналъ, что комедія «*Ботъ*, или англійскій купецъ», переведена молодымъ княземъ

Долгоруковымъ. Не даромъ старый князь такъ занимается театромъ, а любимецъ его, Плавильщиковъ, такъ хорошо играетъ *Бота*. Эта роль — его торжество.

25-го марта, суббота.

Колымажный манежъ есть, покамѣстъ, лучший манежъ въ городѣ для обученія. Старикъ *Кинъ*, самый добросовѣстный нѣмецъ и мастеръ своего дѣла. Графъ Орловъ-Чесменскій покровительствуетъ ему не безъ причины: Кинъ этого стоитъ; онъ не даетъ зашаливаться ученикамъ своимъ, кто бы они такіе ни были: угодно учиться — милости просимъ, а гонять безъ цѣли лошадей не позволяетъ. Учишься, такъ ѣди безъ стремень, покамѣстъ ихъ не заслужишь; когда же дадутъ стремена, заслуживай шпоры. Чтò дѣло, тò дѣло. Современемъ всѣ будутъ ему благодарны, хотя теперь и ропщутъ. Кромѣ учениковъ и молодыхъ людей, кончившихъ ученье и ѣздящихъ на собственныхъ своихъ лошадяхъ для проѣздки ихъ, въ опредѣленные часы собирается въ манежъ много извѣстныхъ любителей верховой ѣзды, кавалеровъ и дамъ. Последнимъ даетъ уроки помощникъ Кина, берейторъ Шульцъ, красивый мужчина среднихъ лѣтъ и отличный ѣздокъ. Сегодня въ манежъ были: молодая княгиня Урусова, княжны Гага-

рины, Щербатовы и Катерина Андреевна Карамзина вмѣстѣ съ мужемъ. Послѣдній ѣздитъ ежедневно по утрамъ для моціона. Лучшими ѣздоками въ городѣ считаются братья Соковнины, князь Дадьяновъ-младшій, Алябьевъ, Иванъ Петровичъ Бибиковъ и Брокъ, живущій у гр. Салтыкова; у нихъ затѣвается большая карусель, только не условились еще въ назначеніи распорядителя.

Кинъ особенно расположенъ ко мнѣ за то, что я кротко обращаюсь съ лошадьми. За-то я имѣю исключительную привилегію ѣздить на старомъ, бѣломъ *Фрипонѣ*, фаворитной лошади покойнаго государя, которая находится въ колымажномъ на пансіонѣ. Мы взаимно другъ другу полезны: мнѣ ученье, а ему моціонъ. *Фрипонъ* очень любитъ сахаръ, и я никогда не сажусь на него и съ него не слѣзаю безъ того, чтобъ не дать ему по нѣскольку кусочковъ. Бѣдняга отвыкъ отъ этого лакомства; и когда я его подчую, онъ смотритъ на меня своими большими черными глазами такъ умно, такъ умно, что, кажется, такъ и хочетъ сказать мнѣ спасибо. Непродажному коню цѣны нѣтъ; но чтѣ, если бы этотъ старичокъ продавался?

Намедни мой Петръ Ивановичъ, проѣзжая мимо манежа, захотѣлъ взглянуть на наши подвиги. Вдругъ пришла ему фантазія самому

поѣздить верхомъ — то-то былъ смѣхъ! Онъ отъ-роду не садился на лошадь. Сдѣлавъ нѣсколько вольтовъ, держась то за гриву, то за луку сѣдла, онъ сошелъ съ лошади, говоря, что это не магистерское дѣло. Я замѣтилъ, что Антонскій и профессоръ, а лѣтомъ ежедневно катается верхомъ, даже иногда и съ дамами. «Дѣло другое» возразилъ онъ: «Антонскій профессоръ *энциклопедіи*».

Завтра свободный день. Надобно исполнить комиссію батюшки и потаскаться по англичанамъ для выбора заводскаго жеребца. Въ этомъ дѣлѣ могъ бы вѣрнѣе всѣхъ руководствовать меня Николай Петровичъ Аксеновъ, но у него есть продажные жеребцы своего завода, которые батюшкѣ не нравятся, потому-что не того сорта, какіе ему нужны; слѣдовательно, Аксенова тревожить нехстати. А вось обойдемся и безъ него.

27-го марта, понедѣльникъ.

Ни одинъ изъ англичанъ не показалъ вчера лошадей своихъ, отзываясь воскресеньемъ: просили пріѣхать въ простой день. Воскресенье у нихъ то же, что у жидовъ суббота: полный шабашъ для людей и животныхъ. Не спорю, что этого обычая можно держаться въ-отношеніи къ работѣ; но развѣ вывести изъ конюшни лошадь на показъ — работа? Те-

перь придется ѣхать не иначе, какъ въ субботу, или уже на страстной, потому-что на этой неделѣ рѣшительно свободнаго времени не будетъ; между-тѣмъ въ субботу утреннее гулянье на вербахъ; такъ, видно, до страстной.

Какъ я радъ, что добрый Сокольскій становится довольнѣ мною: я выучилъ дроби и скоро примемся за тройное правило. Дашковъ смѣется, что я того-и-гляди заткну за поясъ Загорскаго съ его курсомъ Безу. Нѣтъ, поздно! Чтобы успѣть въ какомъ-нибудь дѣлѣ, надобно любить его: а я безъ отвращенія не могу смотрѣть на этотъ проклятый цифирь. То-ли-дѣло наша деревенская бирка, или конторскіе счета?

29-го марта, среда, вечеръ.

Коропъ сказывалъ, что дебютъ Граве назначенъ одинацатаго апрѣля, т. е. во вторникъ на святой недѣлѣ, въ какой-то преглупой пьескѣ «Der Gimpel auf der Messe, т. е. Снѣгирь на ярмаркѣ», подъ условленною фамилією *Нето*. На пробахъ онъ не показалъ ни искры таланта, былъ очень дурень и смѣшонъ и заботился только о томъ, чтобы цаловать мад. Штейнсбергъ, какъ предписывала пьеса. Сколько ему ни говорили, что на репетиціяхъ этого не водится, но онъ настаивалъ насвоемъ,

что чрезвычайно забавляло Штейнсберга. Ну, г. Снѣгирь-*Нето*, просимъ не прогнѣваться, а мы отдѣляемъ тебя ни въ строй, ни къ смотру. Кажется, малый—душа, а дѣлаетъ глупость, которая можетъ испортить ему всю карьеру по службѣ его въ кремлевской экспедиціи. Пострѣлъ!

1-го апрѣля, суббота, вечеръ.

Вмѣстѣ съ присланнымъ отъ батюшки конюшимъ, обрыскали мы вчера и сегодня утромъ всѣхъ англичанъ и даже неангличанъ, и я успѣлъ попасть на гулянье въ свое время. Народу было бездна, но блистательныхъ экипажей и упряжекъ не было: берегутъ для святонедѣльныхъ гуляній. Главнокомандующій два раза проѣхалъ со всею свитою. Знакомыхъ встрѣтилъ мало; но тѣмъ, которыхъ встрѣтилъ, былъ радъ-радешенекъ, и завтра, по приглашенію, поѣду обѣдать къ нимъ:

И пусть надъ мною ненабѣжный
Судьбы свершится приговоръ.

А тутъ и рифма кстати: *вздоръ!* Разумѣется, *вздоръ!* Пообѣдаемъ, порѣзвимся, меня поласкаютъ, надо мной потрунять; спросать, не изъ *рыбьяго* ли сукна мой фракъ?—и только. Да чего же больше? Я увѣренъ, что еслибъ могло быть *больше*, было бы *меньше*.

Разгадка этой загадки—моя тайна, а другимъ до ней дѣла нѣтъ.

Такой лошади, какая нужна отцу моему, у англичанъ не нашли, но у графа Орлова, Загряжскаго и Давыдова видѣли нѣсколько лошадей, которыхъ конюшій облюбовалъ и говорить, что именно такого жеребца и приказано купить. Больше всѣхъ понравился намъ жеребецъ у Загряжскаго: бурый въ маслѣ, большаго роста, широкой, ноги плотныя, шея лебединая съ зарѣзомъ, голова небольшая, уши вострыя, глаза на-выкатѣ и оскаль такой, что въ ноздрю хотъ кулакъ суй; хвостъ и грива жиденькіе, но за-то мягки, какъ шелкъ — признакъ породы. Конечно, дорогъ: меньше 800 руб. не отдадутъ, да еще придется давать на поводъ, однакожъ дѣлать нѣчего, купить необходимо: весна на дворѣ. Дай только Богъ угодить отцу.

Видѣли у Банка: *Данпля*, отъ Дельпини и *Гарт-оф-Ока* отъ Метеора; у Ив. Смита: *Сер-Роуланда* отъ Вальнута и *Фона* отъ Волонтира; у Жаксона: фаворита московскихъ охотниковъ *Тромпетера* отъ Трумпатора. Всѣ лошади отличныя; но Данплъ—царь лошадей. Тромпетеръ очень-красивъ, но малъ и тонокъ. Да у Москвы свой собственный вкусъ. Теперь мода на рыжихъ лошадей съ *фонарями*, то-

есть, съ проточинами. Каковы бы они качествомъ ни были, цѣна имъ вдвое.

6-го апрѣля, четвергъ.

Лыковскій староста привезъ отъ матушки письмо, которымъ увѣдомляетъ о кончинѣ добрейшаго Ивана Николаевича и поручаетъ мнѣ выбрать ему надгробный памятникъ, на покупку котораго крестьяне міромъ посылаютъ 400 руб. Такая сумма для деревни въ 60 душъ немаловажна. Приходскій священникъ придумалъ для памятника и надписи; съ одной стороны: «Благодѣтельному помѣщику (имярекъ) отъ благодарныхъ крестьянъ», а съ другой: «Бъ человекъ посланъ отъ Бога, имя ему Іоаннъ». Первую вырѣзать можно и должно; но послѣдняя ни къ селу, ни къ городу: этотъ текстъ пригоденъ былъ для надгробнаго слова Собіескому, но для надписи Ивану Николаевичу, котораго христіанская дѣятельность заключалась въ кругу весьма-ограниченномъ, онъ слишкомъ не-у-мѣста. Прикажу вырѣзать просто: *память праведнаго съ похвалами!* |

И точно: дядя Ваня, какъ я называлъ его въ дѣтствѣ, былъ совершенно праведный мужъ, хотя образъ жизни его и весь онъ самъ казались непостижимо-странными. Уступивъ женатому брату, по его настоятельной просьбѣ, изъ отцовскаго наслѣдства болѣе 400 душъ, со

всею почти движимостью, онъ оставилъ себѣ одно небольшое имѣніе, въ 60 душъ, и жилъ въ верстѣ отъ него, въ лѣсу, въ сообществѣ единственной своей прислуги: стараго псаря Климича и брюзгливой старой страпухи; три борзья собаки и нѣсколько вятскихъ лошадокъ, за которыми ходилъ и присматривалъ самъ, составляли все его движимое имущество. Онъ былъ, или казался, страстнымъ псовымъ охотникомъ и часто прїѣзжалъ къ дѣду на условенныя полеванья. Какъ теперь вижу его лысую голову, его большіе на-выкатѣ глаза, его смѣлый, рѣшительный взглядъ и эту вѣчную добродушную улыбку; какъ теперь слышу его громкую и отрывистую поговорку и почти непрерывный хохотъ, увлекавшій къ безотчетной веселости всю бесѣду. Помню синій патенкоровый его кафтанъ и зеленый съ откладными полями картузь, длинный, въ серебряной оправѣ, охотничій ножъ и огромную коренковую, домашняго издѣлія, съ короткимъ чубукомъ трубку, служившую ему кистенемъ и дубинкою; помню неразлучныхъ его спутниковъ, двухъ большихъ псовыхъ собакъ *Пожара* и *Пылая*, и соловую лошадку, на которую онъ, старый Немвродъ, сажалъ меня, пятилѣтняго баловня, къ ужасу моей няни и прочихъ приставницъ, соблазнявшихся его издѣвками. Помню, какъ всѣ домашніе всегда радовались его

пріѣзду, съ которымъ какъ-будто водворялось благословеніе Божіе не токмо въ домъ, но и въ цѣломъ селеніи, какая-то свобода и миролюбивыя между всѣми отношенія : дѣдушка не кричалъ на прикащика, прикащикъ не тузилъ мужиковъ, дворовые люди сидѣли всѣ на-лицо безотлучно въ передней, дѣвки не таскались по застольнымъ, и все принимало видъ какогото праздничнаго порядка, какъ-будто-бы наступало другое свѣтлое воскресенье. Памятны мнѣ всѣ разговоры домашнихъ, гостей и сосѣдей, когда, проводивъ Ивана Николаевича, начнутъ толковать, что другаго подобнаго ему не сыскать, что онъ, кажись, такъ, *старичонокъ-непосѣдъ*, сегодня здѣсь, а завтра тамъ ; собачникъ и хохотникъ, безъ проказъ ни на часъ, а между-тѣмъ, что ни затѣваетъ—все къ добру и все добромъ сводить; что онъ Филатьева помирилъ съ женою и заставилъ ихъ жить душа въ душу; что у князя Одоевскаго выпросилъ сыну прощеніе и ввелъ опять въ домъ; что бѣдному Владычинскому отхлопалъ землю, которую отнимали ябедники; что попа, отца Евдокима, котораго оклеветали и чуть-было не отрѣшили, отстоялъ предъ владыкою; что макарьевскаго однодворца, на котораго насѣлъ голова съ волостнымъ писаремъ и повезъ безъ очереди въ рекруты, вынесъ изъ бѣды на плечахъ; что нашокинскихъ крестьянъ,

добывавшихся въ судѣ воли, подѣ предлогомъ, что они изъ поляковъ, и неходившихъ на барщину, отхлесталъ поодиначкѣ изъ своихъ рукъ арапникомъ, такъ-что и забыли думать о вольности; а между-тѣмъ помѣщику шепнулъ: «пусти, братъ, людей: вѣдь они подлинно не твои» и тотъ отпустилъ, переведя ихъ прежде, какъ-будто въ наказаніе, въ степную деревню. Всѣ эти толки я живо помню—и вотъ, наконецъ, этого праведника не стало! Миръ праху твоему, почтенный старецъ, почившій въ благословеніяхъ!

Ѣдемъ въ соборъ на умовеніе ногъ поучаться смиренію. Отъ души помолюсь объ усопшемъ и о себѣ: что-то давно не было такъ грустно.

10-го апрѣля, понедѣльникъ, вечеръ.

Спѣшу мысленно обнять тебя, любезнѣйшій братъ, и поздравить съ наступившимъ праздникомъ. Какъ бы желалъ сказать тебѣ лично обычное, животворящее *Христосъ воскресъ!* и, въ возвратъ, услышать отрадное *восстину!* Когда-то это сбудется?

Спасибо, сердечное спасибо за все про все. Ты начинаешь ужъ слишкомъ баловать меня. Для скромнаго прожитка намъ достаточно было бы одного жалованья матушки съ присовокупленіемъ домашней ея провизіи, а ты непременно хочешь озолотить нашу жизнь! Боюсь,

что щедрость твоя приучитъ меня къ мотовству. Впрочемъ, нѣтъ! безъ пособія твоего я не видалъ и не слыхалъ бы много такого, что послужило мнѣ въ истинную пользу. Наглядная наука спорѣе.

Ты понятія имѣть не можешь о той ночи, какую мы провели съ страстной субботы на свѣтлое воскресенье въ нашемъ Кремлѣ. «Воистинну сія препразднественная и спасительная ночь и свѣтлозарная свѣтоноснаго дне возстанія провозвѣстница». Мнѣ кажется, что эта боговдохновенная пѣснь св. І. Дамаскина ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ Іерусалима, не можетъ такъ сильно и благодатно дѣйствовать на всѣ чувства христіанина, какъ въ этой священной оградѣ нашего православія. Мы пріѣхали въ одиннадцатомъ часу, когда только начали освѣщать соборы, между тѣмъ, какъ все безграничное замоскворѣчье съ его храмами и высокими колокольнями горѣло уже безчисленными огнями, въ ожиданіи благословенія съ высотъ священнаго Кремля къ начатію благовѣста и, за тѣмъ, божественной службы. Вскорѣ раздался первый призывный къ молитвословію ударъ огромнаго ивановскаго колокола, и въ одну минуту, какъ-будто по какому-то электрическому сотрясенію, загудѣла вся Москва. Я въ жизнь свою не забуду этой минуты! Но когда, послѣ получасо-

ваго благовѣста, внезапно начался общій оглушающій звонъ всѣхъ колоколовъ кремлевскихъ и цѣлаго города и въ то же время изъ всѣхъ соборовъ потянулись древнія хоругви, златоконныя иконы и кресты, духовенство, въ праздничномъ облаченіи, съ дымящимися кадилами, а за нимъ тьма-тьмущая народу съ зажженными свѣчами, при громогласномъ и торжественномъ пѣніи этой божественной пѣсни: «Воскресеніе твое, Христе спасе, Ангели поютъ на небесѣхъ», то, признаюсь, я пришелъ въ какое-то небывалое со мной положеніе, какой-то духовный восторгъ и со слезами повторилъ въ глубинѣ души моей: «и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ тебѣ славить» всегда и повсюду, какъ здѣсь въ настоящую минуту!

Ну, что бы К. Горчакову или Карину побывать у пасхальной заутрени въ Успенскомъ Соборѣ? Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ они вышли отъ нея другими людьми и, отложивъ ветхаго челоуѣка, въ новаго облеклись.

На-дняхъ опишу тебѣ свои праздничныя визиты и завтрашній дебютъ въ «Снѣгирѣ».

12-го апрѣля, среда.

Праздничныя поздравленія мои окончились довольно-скоро, хотя я почти всѣхъ заставадь дома. Впродолженіе этого идолопоклонства не встрѣтилось ничего такого, что бы за-

служивало особенное твое внимание, кроме многозначительныхъ вопросовъ Т* и К* о твоёмъ житьё-бытьё и нѣкоторой пени за твое молчаніе. Не могу сказать навѣрное, но, кажется, какъ-будто хотѣли о чемъ-то говорить со мною: вѣроятно, о томъ же, какъ тебя любятъ и *жалуютъ*, *жалють* и *желаютъ*. Горе вамъ, богатымъ! Вотъ цаша брата — дѣло другое: насъ не *жалють* и не *желаютъ*, а просто христосоваются съ нами безъ церемоніи, порусски: *cela ne peut pas tirer à consequence*. Но послѣ необходимаго воскреснаго поцалуя, тутъ же и необходимый вопросъ: «а фракъ вашъ не изъ рыбаго ли сукна?» О ma tante, ma tante! Бога она не боится!

Ну жь Федоръ Павлычъ, одолжилъ! Думаю, что съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ театръ, не было актёра, которому бы пришлось играть приличнѣйшую своей фигурѣ роль. Вотъ ужь настоящій скитающійся башмачный подмастерье! Маленькій, толстенкій, сутуловатый, грудочка впередъ, голова ушла въ плечи, физиономія препечальная, голосъ нищаго и, ко всему этому, сѣрый, изношенный сюртукъ по щиколдку, дырявая шляпа и огромный чемоданъ за плечами — словомъ, умора! По случаю праздничныхъ дней, театръ былъ биткомъ набить. Едва только появился нашъ *Neto*, пуб-

лика встрѣтила его общимъ рукоплесканіемъ, продолжавшимся, конечно, минутъ пять. Мы было хотѣли пошикать да посвистать — куда тебѣ! никто изъ насъ не въ-состояніи былъ сжать губъ отъ смѣха. Nous avons ris — nous voilà desarmés; а мы не то, чтобъ смѣялись, но буквально находились въ припадкѣ истерическаго, конвульсивнаго смѣха. Неистовые крики «браво, браво!» топанье ногами, стучанье палками — словомъ, всѣ обыкновенныя принадлежности театральнаго восторга сопровождали каждую фразу Снѣгиря-*Нето* и почти не давали ему говорить; всѣ, находившіеся на сценѣ актёры не могли воздержаться отъ хохота. Но вотъ кой-какъ доплелся *Нето* до сцены поцалуевъ; съ какимъ-то бѣшенствомъ бросился онъ на бѣдную мадамъ Штейнсбергъ и началъ — не то, чтобъ целовать ее, а просто грызть, и повисъ у ней на шеѣ. Чтò происходило за симъ — я не умѣю того выразить. Вся праздничная публика вышла совершенно изъ себя, такъ-что умный и ловкій полиціймейстеръ Волковъ, хотя и самъ помиралъ со смѣху, принужденъ былъ обратиться къ публикѣ съ просьбою объ умѣреніи своего восторга. По окончаніи пьесы, мы отправились за кулисы взглянуть на новаго дебютанта и нашли, что мадамъ Штейнсбергъ въ слезахъ, а *Нето*, приложивъ руку къ чело-

сти, ѡхаетъ: она только-что предъ нами отвѣсила ему презестокую пощечину. «Что, какъ?» спрашиваетъ дебютантъ: «вѣдь я говорилъ, что произведу необыкновенный эффектъ!» «Да» отвѣчали мы; «но когда же играешь опять?» — «Нѣтъ, довольно: кажется, я въ два часа постарѣлъ двадцатью годами». Слава Богу! А вѣдь свистковъ не было и принять съ восторгомъ. Штейнсбергъ великій знатокъ челоувѣческаго сердца!

Гулянье подъ Новинскимъ началось блистательно. Время стоитъ прекрасное; экипажамъ счета нѣтъ, и кавалькадъ много. Изъ числа первыхъ болѣе всѣхъ обратила на себя вниманіе карета какого-то Павлова: голубая съ позолоченными колесами и рессорами, соловья лошади съ широкими проточинами и съ гривами по колѣни, въ бархатной пунцовой, съ золотымъ наборомъ, сбруѣ. Чрезвычайно-нарядно! Коренныя, какъ львы, развязаны на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручная безпрестанно на курбетахъ. Изъ кавалькадъ лучшею показалась мнѣ та, въ которой видѣлъ я графа П. И. Салтыкова: немногочисленна, но всѣ лошади — предестъ! Иванъ Петровичъ Поливановъ также отличался въ ней, и его старушка *Бетси* до-сихъ-поръ считается самую красивую лошадью въ Москвѣ.

13-го апрѣля, четвергъ.

Гулянье подѣ Дѣвичьимъ было чрезвычайно многолюдно. Но все это хорошо только для новаго человѣка, а то приглядишься не только къ лошадямъ и экипажамъ, но даже и къ тѣмъ фигурамъ, которыя въ нихъ сидятъ и стоятъ на запяткахъ; все одно и то же—однообразно и скучно, и тѣмъ болѣе скучно, что почти въ каждой физиономіи ѣдущаго, или ѣдущей на-показъ въ публику, замѣтно одно чувство: желаніе блеснуть и возбудить зависть въ другихъ своимъ достаткомъ или вкусомъ. Я это заключаю, право, не изъ какой-нибудь мизантропіи, въ мои лѣта непростительной и даже невозможной, но изъ тѣхъ самовольныхъ взглядовъ, улыбокъ, киваній головами, маханій руками, которыя замѣтилъ я у всѣхъ почти владѣльцевъ раззолоченныхъ экипажей. Какая разница въ физиономіяхъ щеголей, ѣдущихъ на гулянье казать себя, и тѣхъ, которые ѣдутъ смотрѣть другихъ изъ одного любопытства или обязанности! говорю: «по обязанности» потому-что, какъ мнѣ толковалъ умный Нилъ Андреевичъ Новиковъ, всякій коренной москвичъ обязанъ быть на извѣстныхъ гуляньяхъ во избѣжаніе заключеній о немъ, точно также, какъ и всякая московская барышня обязана не пропускать на балахъ ни одного танца. Я не бывалъ на гулянъ

1-го мая въ Сокольникахъ, но говорятъ, что, при хорошей погодѣ, это гулянье восхитительно и превосходить всѣ другія. Нынѣшній годъ не пропушу его.

По случаю сегодняшняго гулянья подъ Девичьимъ, во всѣхъ домахъ, находящихся на Пречистенкѣ, начиная съ Всеволожскаго до Хитровыхъ, назначены большіе вечера. Это для тебя не новость, потому-что такъ ежегодно бываетъ; но вотъ одна достойная твоего любопытства и которой ты не ожидаешь: Катерина Евдокимовна Б—ва, у которой былъ назначенъ также вечеръ, неожиданно въ обѣдъ разрѣшилась отъ бремени, послѣ двадцати-четырёхлѣтняго неплодія. Мужъ очень доволенъ тѣмъ, что это случилось именно въ четверкъ, когда, въ ожиданіи гостей, онъ долженъ былъ по-неволѣ оставаться дома; иначе онъ былъ бы въ отчаяніи, потому-что такой *казусъ* воспрепятствовалъ бы ему ѣхать, по обыкновенію, въ англійскій клубъ. Крестины новорожденнаго и празднество серебряной свадьбы родителей назначаются въ одинъ день.

18-го апрѣля, вторникъ.

Я полагалъ, что самъ князь Одоевскій въ цѣлый мѣсяцъ не получитъ отъ всѣхъ своихъ корреспондентовъ столько вѣстей, сколько по-

лучишь ты отъ одного меня въ нѣсколько дней, а ты еще все еще пѣняешь и вопишь! Я описываю тебѣ только то, что самъ слышалъ и видѣлъ, и рассказываю собственныя свои похождения: чѣмъ богатъ тѣмъ и радъ; не сочинять же мнѣ для тебя романовъ въ родѣ толстаго романа толстѣйшей барышни Извѣковой, за которой недавно бѣдняга проглотила такую злую и обидную, хотя и не совсѣмъ-острую, эпиграмму:

И - ой романъ съ И - ой и скоденъ:

Онъ такъ же, какъ она, дороденъ

И такъ же ни къ чему негоденъ!

Ужь не увѣдомлять ли тебя о двухъ американцахъ, мужѣ и женѣ, которыхъ балаганщики, наложивъ чернымъ воскомъ, называютъ *гуронскими* дикарями и заставляютъ глотать какую-то мерзость; или о молодомъ, прекрасномъ — какъ опубликовано — мужчинѣ о трехъ рукахъ? Очень-нужны тебѣ подобныя свѣдѣнiя!

Однакожь за гуляньями и другими подобными недосугами я точно не успѣлъ рассказать тебѣ въ-подробности о праздничныхъ своихъ визитахъ. Обвѣздилъ всѣхъ: важныхъ и неважныхъ, угрюмыхъ и привѣтливыхъ — словомъ, отъ аза до ижицы. Нигдѣ не скучалъ, но отъ Ивана Петровича Архарова и его семейства, просто, въ восхищенiи. Пусть

толкують, что хотятъ, а безъ сердечной доброты невозможно такъ радушно и ласково принимать людей маловажныхъ и ни на что ненужныхъ. Графа И. А. Остермана случилось мнѣ въ первый разъ видѣть во всѣхъ великолѣпныхъ атрибутахъ его званія. Настоящій канцлеръ! До-сихъ-поръ я видѣлъ его не иначе, какъ въ малиновомъ тулупѣ и въ желтыхъ туфляхъ. Засталъ у него множество извѣстныхъ лицъ: добраго пузанчика губернатора Аршеневскаго, съ сыномъ котораго я былъ въ пансіонѣ у Ронка; генерала князя Лобанова-Ростовскаго, такого проворнаго и живаго, какъ ртуть; Н. Н. Бантыша-Каменскаго и помощника его А. Θ. Малиновскаго, автора старинныхъ святокъ и издателя театральныхъ пьесъ Коцебу, которая заставлялъ онъ переводить молодыхъ людей, служащихъ въ архивѣ; этимъ пьесамъ князь Горчаковъ далъ общее названіе «коцебятины»; были также пасторъ Гейдеке, старикъ А. А. Юни, извѣстный своею службою въ Сибири и уваженный Великою Екатериною за примѣрное свое безкорыстіе, и еще очень-замѣчательное лицо или, вѣрнѣе, личико, А. П. Нечаевъ, крошечный, худенькій, на тоненькихъ, какъ спички, ножкахъ старичокъ, такой, что его безъ затрудненія спрятать можно въ ридикюль Натальи Дмитріевны Офросимовой, и что жь?

эта щедушная куколка былъ—какъ тутъ разсказывали — въ молодости красавецъ и такой необъятно-огромной тучности, что, будучи адъютантомъ графа З. Г. Чернышева, имѣлъ одинъ изъ всей свиты исключительную привилегію: сопровождать его въ особенной каретѣ, или коляскѣ, между-тѣмъ, какъ другіе, по обязанности, должны были ѣхать верхами. Нечаевъ подтвердилъ это съ какимъ-то пріятнымъ воспоминаніемъ.

Въ этотъ разъ старый дипломатъ обошелся со мною ласковѣе и даже рекомендовалъ меня Бантышу-Каменскому, замѣтивъ, однако, что въ архивѣ служить не совѣтуетъ, потому-что молодые люди въ немъ балуются и не привыкаютъ къ труду. Графъ чрезвычайно хвалилъ исторію дипломатическихъ сношеній нашихъ съ Китаемъ отъ самаго ихъ начала, собранную Бантышъ-Каменскимъ, и совѣтовалъ всѣмъ прочесть ее; но авторъ замѣтилъ, что она не напечатана, и что, въ качествѣ начальника архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, онъ безъ разрѣшенія высшаго начальства не считаетъ себя въ-правѣ дѣлать свою компиляцію извѣстною.

21-го апрѣля, пятница.

Поручикъ нашенбургскаго полка Сементовскій, встрѣтивъ какую-то уличную барышню,

хотѣлъ тотчасъ же увезти ее, но не удалось. Начальство узнало объ этой продѣлкѣ: молодецъ. остановленъ и посаженъ подѣ арестъ. Спрашиваютъ : « Чтѣ побудило васъ къ этому насилію ? » — « Понравилась ». — « Знаете ли вы коротко эту дѣвушку ? » — « Все не знаю ». — « Какъ зовутъ ее ? » — « Не знаю ». — « Гдѣ и у кого живетъ она ? » — « Не знаю ». — « Какое было ваше намѣреніе ? » — « Жениться ». — « Какъ же вы хотѣли жениться, если ее совсѣмъ не знаете ? » — « Я узналъ бы послѣ ». — « Но она не хотѣла ѣхать съ вами ». — « Чтѣ мнѣ за дѣло до ея хотѣнья ! у меня своя воля ! » Поручикъ недѣль шесть сидѣлъ подѣ арестомъ, забылъ о красавицѣ и вышелъ какъ встрѣпаный, а между-тѣмъ цыгане на этотъ случай тотчасъ сложили пѣсню на голосъ : *Пряди моя пряха*, которую записной цыганюфилъ, Андрей Новиковъ, ввелъ въ моду подѣ названіемъ : *Вѣрныя примѣты*. Мы ѣздили слушать ее. Степанида, чтѣ твой соловей — такъ и разливается. Вотъ эта пѣсня :

« Ахъ, зачѣмъ, поручикъ,
Сидишь подѣ арестомъ,
Въ горькомъ заключеньи,
Колодникъ безшапный ? »
— « Ахъ ! зачѣмъ я, бѣдный,
Сажу подѣ арестомъ,
Чтѣ свою милую
Любилъ очень больно ».

«Кто жь твоя милая:
Княжна, иль графиня,
Простая ль дворянка,
Фрейлина ль какая?
Дай, снесу поклончикъ!»
— «Ахъ, моя милая
Безъ гвѣздышка пташка,
Безъ племени, рода;
Любить свою волю,
Волю удалую.
Узнаешь милую:
Она по бульвару
Все ходить да бродить
Нѣмецкимъ развальцомъ,
Въ шолковомъ нарядѣ;
Талийка съ прихватцомъ;
Въ вязаныхъ перчаткахъ,
Съ алымъ ридикюлемъ;
Ходить да гуляетъ,
Головкой киваетъ,
Себя забавляетъ,
Народъ потѣшаетъ...
Узнаешь милую —
Такъ отдай поклончикъ».

Отъ пѣсни перейдемъ къ элегii. Ты, вѣроятно, слыхалъ о Сашѣ Давыдовой, прелестной и преисполненной талантовъ дѣвушкѣ, которую всѣ такъ любили; она скончалась въ прошломъ году, вскорѣ послѣ бада въ благородномъ собранii. Неутѣшные отецъ и мать поставили въ Даниловомъ Монастырѣ надъ прахомъ милой дочери прекрасный памятникъ, на которомъ, послѣ имени, фамилии и лѣтъ ея, приказали, вмѣсто эпитафii, вырѣ-

зять *незабудку*. Буринскій, по желанію брата покойницы, написалъ на этотъ случай экспромтомъ премиленькіе стихи, а Нейкъмъ положилъ ихъ на музыку, исполненную чувства и нѣмецкой мечтательности. Посылаю тебѣ этотъ романсъ: мелодія очаровательна, и всѣ знакомыя твои пѣвицы скажутъ за него спасибо:

На ея могилѣ есть цвѣтокъ незримый;
Всюду разливаешь онъ благоуханье;
Онъ цвѣтокъ завѣтный, онъ цвѣтокъ любимый.

Онъ воспоминанье!

И вѣчно-душистый, цвѣтокъ неизмѣнный
Не боится бури, не вянетъ отъ зноя,
Сторожить сохранно имя преселенной
Къ вѣчному покою!

Когда Сибгирь-Немо, переставшій мечтать объ актёрствѣ, сдѣлалъ подстрочный переводъ этихъ стиховъ для Нейкъма, то онъ, обрадовавшись, сказалъ: «такъ и вѣдетъ Маттисономъ».

25-го апрѣля, вторникъ.

Изъ университета съ лекцій завернулъ я въ Хамовники къ счастливцу Степану Шиловскому. Онъ не перестаетъ ковать деньги и третьягодня выигралъ еще пять тысячъ руб. у генерала Измайлова, который заплатилъ ему деньги не только безъ неудовольствія, но еще въ придачу, подарилъ ему славнаго горскаго полевика. Каюсь, любезный, что мнѣ какъ-
**

будто стало завидно. Я подумалъ: «сколько на эти деньги накопилъ бы книгъ и эстамповъ! какихъ бы завелъ лошадей!» и проч., а Шиловскій вовсе не дорожить своимъ выигрышемъ и говорить, что, можетъ-быть, сегодня же опять спустить все до послѣдней копейки. Онъ, по дружбѣ, предлагалъ взять меня въ маленькую долю безъ проигрыша. Очень-заманчиво, да страшно: будешь только и думать о приобрѣтеніи, а сверхъ-того, тяжело войти въ обязательство, которое можетъ сдѣлаться гробомъ независимости. Я не рѣшился, но зато не въ-состояніи былъ отказаться отъ предложенія ѣхать съ нимъ на гусиный и пѣтушій бой къ князю Ивану Сергѣевичу Мещерскому. Мнѣ чрезвычайно показалось любопытнымъ взглянуть на это состязаніе птицъ.

Посреди большой залы устроена была арена, обнесенная кругомъ холстинными кулисами въ три четверти аршина вышины; хозяинъ и всѣ приглашенные гости сидѣли вокругъ, а другіе любопытствующіе охотники всякаго званія, купцы, мѣщане и дворовые люди, стояли какъ и гдѣ кто могъ помѣститься. Прежде пустили въ арену бѣлую гусыню, которая тотчасъ же начала жалобно гагакать. Одинъ изъ сермяжниковъ обратился съ увѣреніями къ хозяину, что «это-де рѣдкая самка-съ для евова дѣла-съ». — «Ну, гдѣ же Варламъ?» спросилъ

кривошея-князь Д. П. Голицынъ : «подавай *цицерона!*» и вотъ огромный гайдукъ вынулъ изъ мѣшка прематерого , бѣлаго , съ сизыми крыльями гуся и пустилъ его въ арену. «Такъ какъ же, Петръ Петровичъ» продолжалъ горделиво князь Голицынъ , обращаясь къ одному толстому и рябому господину, сидѣвшему противъ него: «угодно вамъ будетъ спустить охоту вашу , или нѣтъ?» — «Почему жь бы и не спустить , ваше сіятельство?» отвѣчалъ рябой господинъ: «только какъ великъ будетъ закладъ?» — «Я держу пятьдесятъ рублей.» — «Больше двадцати-пяти рублей я не могу; остальные придерживаю я» рѣшилъ хозяинъ, и партія состоялась. «Манушка! давай туляка!» крикнулъ Петръ Петровичъ , и мальчикъ, въ сѣромъ казакинчикѣ , тотчасъ же притащилъ темносѣраго гуся и также пустилъ его въ арену. Сначала состязатели около десяти минутъ ходили вокругъ гусыни , которая не переставала гагакать , потомъ стали мало-помалу вытягивать шею съ какимъ-то шипѣньемъ и наконецъ , послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ , бросились другъ на друга. Тулякъ , будучи поменьше и попроворнѣе, первый поймалъ *цицерона* за правое крыло и началъ жестоко его жевать; потомъ и *цицеронъ* ухитрился ухватить туляка за правое же крыло и также началъ его мять и жевать , кружась

около гусыни. Въ этомъ обоудномъ жеваньѣ и круженьѣ заключалось все единоборство бѣдныхъ птицъ, и только одно гагаканье царицы гусинаго турнира да невольныя по-временамъ восклицанія постороннихъ охотниковъ, державшихъ заклады: «ну, цицеронъ! ну, тулякъ!» или «ай-да молодець! ай-да варваръ!» прерывали однообразіе этого жеванья. Кончилось тѣмъ, что цицеронъ прежде покинулъ крыло своего соперника, и тулякъ провозглашенъ побѣдителемъ. Владѣлецъ цицерона былъ неутѣшенъ: съ сложенными крестъ-на-крестъ на груди руками и съ плачевною миною онъ обращался къ охотникамъ съ увѣреніями, что онъ самъ всему виноватъ и что «цицерона окормили, право окормили, истинно окормили!» и проч. «Ну жь охота!» подумалъ я и собрался уѣхать; но Шиловскій просилъ подождать его и посмотрѣть на сраженіе пѣтуховъ, которое, по увѣренію его, должно было быть поживѣе и позадорнѣе.

Если первое единоборство есть пошлая глупость, то пѣтушій бой можно назвать сущою жестокостью, не менѣе-отвратительною, какъ и медвѣжья травля. Выпущены, предварительно-свѣшанные, два пѣтуха съ остриженными и обдерганными шеями и хвостами, такъ-что каждое перышко представляло какую-то иглу. Ноги были вооружены косыми

острыми шпорами. Они тотчасъ же бросились другъ на друга съ необыкновенною яростью и, несмотря на наносимыя другъ другу раны, продолжали биться до-тѣхъ-поръ, пока у одного не были совсѣмъ выбиты глаза и онъ не ослабѣлъ совершенно отъ истекавшей крови. Бѣдняга упалъ и подняться не могъ, но соперникъ не переставалъ бить и терзать его до-тѣхъ-поръ, покамѣстъ онъ не остался безъ всякаго движенія. Ихъ не разнимали, потому-что условіемъ заклада былъ бой на-смерть.

Сказывали, что за побѣдителя-гуса предлагали рябому господину сто рублей, а триумфаторъ-пѣтухъ, принадлежавшій купцу изъ охотнаго ряда, несмотря на свои раны, былъ проданъ за двѣсти рублей.

Прекрасное употребленіе денегъ и времени! Впрочемъ, о вкусахъ не спорять.

28-го апрѣля, пятница.

Вотъ прешарлатанское объявленіе французскихъ актёровъ о представленныхъ вчера пьесахъ: *Les deux sœurs*, *Fabrice et Caroline* и *La Cloison*. Эти люди считаютъ насъ, право, невѣждами, что позволяютъ себѣ подобныя выходки: «de toutes les pièces, qui ont été représentés à Moscou, ces deux ouvrages sont sans contredit les mieux écrits et ne

peuvent manquer d'obtenir suffrage des véritables connoisseurs et amateurs du répertoire français. Nous nous permettons d'annoncer au public, que la Cloison a obtenu samedi dernier un succès complet. Nous regrettons seulement qu' il n'y ait point assez eu de spectateurs pour admirer ce charmant ouvrage digne des connoissances de la noblesse de Moscou, et nous l'invitons à honorer le spectacle de sa présence encôre quelques représentations avant son départ pour la campagne».

Несмотря на восписуемая похвалы двумъ первымъ пьесамъ, послѣдняя мнѣ лучше нравится и разыгрывается очень-мило. Немудрено, что Duparai въ ней хорошъ: онъ хорошъ вездѣ, гдѣ ни играетъ; но странно, что и другіе актёры, отъ перваго до послѣдняго, отъ него не отставали и такъ же были хороши.

Москва въ большихъ приготовленіяхъ къ гулянію 1-го мая. Въ Сокольникахъ разбираются пренарядныя палатки и устроиваются кавалькады. Скачка назначена на другой день, и, говорятъ, будетъ блистательна, потому-что записано много отличныхъ лошадей. Увидимъ.

2-го мая, вторникъ, утро.

Сколько народу! сколько беззаботной, разгульной веселости, шуму, гаму, музыки, пѣсенъ, плясокъ! и проч.; сколько богатыхъ

турецкихъ и китайскихъ палатокъ съ накрытыми столами для роскошной трапезы и великолѣпными оркестрами, и простыхъ хворостяныхъ, чуть-прикрытыхъ сверху тряпками, шалашей съ единственными украшеніями—дымящимся самоваромъ и простымъ пастушьимъ рожкомъ для акомпанимента поющихъ и пляшущихъ поклонниковъ Вакха! сколько щегольскихъ модныхъ каретъ и древнихъ, прапрадѣдовскихъ колымагъ и рыдвановъ, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасныхъ лошадей и претощихъ клячъ, прелестнѣйшихъ кавалькадъ и прежалкихъ дон-Кихотовъ на прежалчайшихъ россинантахъ! Нѣтъ, признаюсь, я и не воображалъ видѣть такое многочисленное, разнообразное и живописное гулянье, на какое, наконецъ, попалъ я вчера въ Сокольники!

Погода стояла неподобная: теплая, тихая, свѣтлая — настоящій день для праздничной встрѣчи весны. Утренній дождь сдѣлалъ его еще пріятнѣе, потому-что освѣжилъ зелень и уложилъ пыль, столь обыкновенную на песчаной дорогѣ гулянья и столь несносную не только для самихъ гуляющихъ, но и для тѣхъ, которые, въ качествѣ зрителей, оградили себя болѣе или менѣе разными навѣсами и завѣсами.

Насъ заманилъ къ себѣ въ палатку знако-

мецъ и сосѣдъ твой, гостепріимный Ефимъ Ефимовичъ Ренкевичъ, у котораго нашли мы прекрасное общество и роскошное угощеніе. Палатка его поставлена была на самомъ бойкомъ мѣстѣ: нѣсколько наискось противъ палатки главнокомандующаго и другихъ вельможъ; отсюда все гулянье, на всемъ его протяженіи въ обѣ стороны, было видно. Между-тѣмъ народъ, наиболѣе тутъ толпившійся, нетерпѣливо посматривалъ къ сторонѣ заставы и, казалось, чего-то нетерпѣливо поджидалъ, какъ вдругъ толпа зашевелилась и радостный крикъ «ѣдетъ! ѣдетъ!» пронесся по окрестности; и вотъ началось шествіе необыкновеннаго торжественнаго поѣзда, безъ котораго, говорили, гулянье 1-го мая было бы не въ гулянье народу. Впереди, на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ, *Свирьпомъ*, какъ его называли, ѣхалъ графъ Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшенный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундшкукъ и чапракъ были, буквально, залиты золотомъ и украшены драгоцѣнными каменьями. Немного поодавъ, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій, А. В. Новосильцовъ, И. Ф. Новосильцовъ. князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій и множество другихъ, неизвѣстныхъ мнѣ особъ. За

ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе сорока человекъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четверками одномастныхъ лошадей. Этотъ поѣздъ графа Орлова, богатаго, знатнаго, тучнаго и могучаго вельможи, съ такою блестящею свитою, съ такимъ количествомъ нарядныхъ служителей, съ такимъ множествомъ прекрасныхъ лошадей и разнообразныхъ экипажей, представляетъ, точно, необыкновенно-великолѣпное зрѣлище и не можетъ не дѣйствовать на толпу народную. Впрочемъ, сказываютъ, что графъ Орловъ и не однимъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ снискалъ любовь и уваженіе москвичей, что онъ доступенъ, радушенъ и, какъ настоящій русскій баринъ, пользуясь любимыми своими увеселеніями — скачками, бѣгами, цыганскими пѣснями, плясками и прочимъ — обращаетъ ихъ также въ потѣху народа и какъ-будто раздѣляетъ съ нимъ преимущества, судьбою ему предоставленныя.

А. А. Чесменскій, проѣзжая мимо палатки Ефима Ефимовича, приглашалъ всѣхъ находящихся въ ней дамъ на сегодняшнюю скачку и предлагалъ послать за билетами для

входа въ галерею къ какому-то коллежскому комиссару Гаврилъ Ершову, живущему у графа Орлова. Многія тотчасъ же воспользовались этимъ предложеніемъ.

4-го мая, четверкъ, утро.

Скачка была отличная по количеству и качеству лошадей, и погода чрезвычайно ей благоприятствовала. Галереи наполнены были московскою знатью обоого пола, и тутъ въ первый разъ мнѣ удалось видѣть князя Прозоровскаго. Вообще молодые люди и много дамъ были большею частью верхами и ѣздили внутри скаковаго круга. На призъ въ 500 руб., пожертвованный, какъ опубликовано было однимъ охотникомъ (вѣроятно, самимъ графомъ, или Д. М. Полторацкимъ), скакало девять лошадей: графа Орлова, Полторацкаго, Чемоданова, братьевъ Мосоловыхъ, Савеловыхъ, Загряжскаго, Муравьева и еще не помню чьи-то двѣ лошади. Дистанція назначена была два круга, то-есть четыре версты съ перескачкою. Этотъ призъ выигралъ г. Муравьева гнѣдой жеребецъ Травлеръ, родившійся въ Англии, обскакавъ двукратно своихъ соперниковъ; второю лошадыю въ оба раза приходила лошадь Мосоловыхъ; ѣздокомъ на Травлерѣ былъ крѣпостной мальчикъ Муравьева, Андрей, достигшій цѣли съ оборваннымъ стремянемъ, но не-

потерявшій его; иначе, по недостатку вѣса, онъ долженъ бы считаться проигравшимъ скачку. Когда взвѣсили мальчика, многіе изъ присутствовавшихъ давали ему деньги за мастерское, или удачное сохраненіе вѣса. Второе состязаніе было на подписку четырехъ охотниковъ по 50 руб. съ cadaго; изъ четырехъ лошадей, гр. Орлова, Полторацкаго, Савелова и Мосолова, выиграла кобыла *Добрая*, принадлежащая послѣднему, оставивъ прочихъ весьма-далеко, чуть не за флагомъ.

Засимъ скакало нѣсколько благородныхъ охотниковъ на кубокъ въ 50 руб. по подпискѣ, ими сдѣланной. На дистанціи одного круга, или двухъ верстъ, князь Ив. Ал. Гагаринъ, скакавшій на лошади, купленной имъ у англичанина Шмита, оставилъ всѣхъ своихъ состязателей за флагомъ, и это случилось будто-бы оттого, что ихъ лошади не были понадлежащему приготовлены. Я, право, не понимаю, зачѣмъ же было и пускать ихъ въ скачку? Это *non-sens*. Послѣ скачки предъ бесѣдкою гр. Орлова пѣли и плясали цыгане, изъ которыхъ одинъ немолодой, необычайной толщины, плясалъ въ бѣломъ кафтанѣ съ золотыми позуменгами и замѣтно отличался отъ другихъ. Оттого ли, что онъ богатымъ костюмомъ своимъ обращалъ на себя болѣе вниманія, чѣмъ другіе, или точно былъ мастеръ своего дѣла, только

этотъ толстякъ показался мнѣ чрезвычайно-искуснымъ, даже краснорѣчивымъ въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ какъ-будто и не плясалъ, а такъ, просто, стоя на мѣстѣ, пошевеливалъ плечами, повертывая въ рукахъ шляпу, изрѣдка причикивая и притопывая по-временамъ одною ногою, а между-тѣмъ выходило прекрасно: ловко, живо и благородно. Послѣ цыганской пляски завязался кулачный бой, въ который вступая, соперники предварительно обнимались и троекратно целовались. Побѣдителемъ вышелъ трактирный служка изъ пѣвческаго трактира, Герасимъ, ярославецъ, мужичокъ лѣтъ 50-ти, небольшой, но плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками. Говорили, что онъ некогда былъ подносчикомъ въ кабакъ и сотоварищемъ нынѣшнихъ знаменитыхъ откупщиковъ-богачей Р* и Ч*, которыхъ колачивалъ на пропалую. Этого атлета, лѣтъ восемь назадъ, отыскала княгиня Е. Р. Дашкова и рекомендовала графу Орлову.

По окончаніи всѣхъ этихъ продѣлокъ, графъ сѣлъ съ дочерью въ подвезенную одноколку, запряженную четырьмя гнѣдыми скакунами въ рядъ, ловко подобралъ возжи и, гикнувъ на лошадей, пустился во весь опоръ по скаковому кругу, и обскакавъ его два раза, круто повернулъ на дорогу къ дому и

исчезъ, какъ ураганъ какой. Смотри на это-го, до-сихъ-поръ еще могучаго витязя, я вспомнилъ стихи къ нему Державина:

Онъ въ колесницѣ съ горъ бедрой
Минервы удержалъ паденье!

Пусть говорятъ, что хотятъ, а графъ Орловъ
лицо очень-замѣчательное.

7-го мая, воскресенье.

Помѣщикъ Ивантѣевъ очень-хорошій, среднихъ лѣтъ человекъ, довольно-образованный, то-есть, говорить пофранцузски и понѣмецки, имѣетъ слабость считать себя поэтомъ, протежировать какихъ-то ничтожныхъ музыкантовъ и казаться аристократомъ, прибавляя, между-тѣмъ, къ каждой почти рѣчи совсѣмъ неаристократическое слово: *катавасія*. Этотъ Ивантѣевичъ влюбился въ Катиньку Боровикову, небогатую, но милую и умную дѣвушку, живущую съ малолѣтства у Натальи Матвѣевны Вердеревской, и предложилъ ей свою руку. Это бы ничего; только онъ неловко сдѣлалъ это предложеніе. Въ день рожденія Катиньки Боровиковой онъ отправилъ къ ней преогромный букетъ какихъ-то пошлыхъ цвѣтовъ и въ немъ объясненіе въ любви съ формальнымъ предложеніемъ въ уморительно-напыщенныхъ куплетахъ. Катя,

разумѣется , тотчасъ же отдала то и другое своей благодѣтельницѣ, которая , прочитавъ стихи и не очень понимая ихъ , сказала: «Кажется , сватается. Если не противенъ тебѣ , то я не препятствую: не вѣкъ же сидѣть въ дѣвкахъ». — «Конечно , тата» отвѣчала Катя съ живостью: «имъ пренебрегать недолжно ; о немъ отзываются хорошо ; но вѣдь онъ мнѣ лично никогда ни слова не говорилъ ; а если положиться на эти глупые стихи и вопючій букетъ , то можетъ выйти *катавасія*». Это словцо подцѣпилъ зубоскаль Мневскій, и вотъ тебѣ написанные имъ экспромтомъ куплеты:

Вотъ Катѣ пѣвительной
Осмынадцать ужъ лѣтъ;
Такой восхитительной
Другой въ Москвѣ нѣтъ.
Помѣщикъ значительный
Вдругъ шлетъ ей букетъ
И въ немъ объяснительный
Запрятанъ куплетъ,
Куплетъ уморительный,
Любовный привѣтъ!
Онъ ждетъ утвердительный
Отъ Кати отвѣтъ.
Но Катя въ претензіи:
«Въ стихахъ смысла нѣтъ;
«Изъ чаклой гортезіи
«И самый букетъ.
«Пусть авторъ съ талантами,
«Какъ всѣ говорятъ:
«Всегда съ музыкантами

«И аристократъ;
«Но мнѣ изъ согласія
«Всѣхъ этихъ даровъ,
«Видна *катавасія*
«Подъ формой *пѣтловъ!*»

Эти куплеты поются во многихъ домахъ на разные напѣвы и дошли уже до свѣдѣнiя нашего помѣщика. Онъ очень пѣтушится и угрожаетъ Мневскому, но до дуэли не дойдетъ, а свадьба состоится.

10-го мая, среда.

Москва начинаетъ пустѣть: по улицамъ ежеминутно встрѣчаешь цѣпи дорожныхъ экипажей и обозовъ; одни вывозятъ своихъ владѣльцевъ, другіе пріѣзжаютъ за ними. Скоро останутся въ Москвѣ только коренные ея жители: лица, обязанныя службою, купцы, иностранцы и наша братья, принадлежащая къ учащемуся сословію. Дѣдушка¹ говоритъ, что и еще одинъ классъ людей не выѣдетъ изъ Москвы: именно, классъ должниковъ, которыхъ не выпустятъ кредиторы. Странно, что одна часть города въ Москвѣ не пустѣетъ лѣтомъ, это—Нѣмецкая Слобода: она всегда въ нормальномъ своемъ состоянiи.

Вчера ѣздилъ проститься съ Лобковыми, у которыхъ провелъ цѣлый день. Не повѣришь, какъ мнѣ сдѣлалось грустно: право, хотъ плакать.

¹ Упомянутый прежде отставной суфлёръ Буловъ.

Арина Петровна сказала: «Не грустите: скоро приѣдемъ назадъ». — «А какъ скоро?» спросилъ я. — «Да вотъ папà говоритъ, что непременно къ тому времени, какъ привозятъ невѣсть — къ Рождеству, съ поросятами». Я лопнулъ со смѣху. «Почему жь не сказали вы съ цыплятами? Тогда бы я отвѣчалъ вамъ, не боясь обидѣть васъ сравненіемъ». — «А что же бы вы отвѣчали?» — «Я сказалъ бы, que les poulets sont aussi bons a croquer que les...» — «Не извольте договаривать: monsieur l'insolent au drap de poisson!» Однакожъ, несмотря на эту размолвку, мнѣ подарили маленькій кошелекъ своей работы, а я долженъ былъ нарисовать что-нибудь въ альбомъ и написать стихи. Я ничего не могъ придумать умнѣ этой глупости: нарисовалъ рѣку и стоящаго на берегу человѣка съ растрепанными волосами, съ приложенною къ сердцу рукою и разинутымъ ртомъ; а подъ рисункомъ подписалъ:

Выйду я на рѣченьку,
Посмотрю на быстрюю;
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька съ собой!

Ужь если пошло на пошлости, такъ, помѣду, онѣ должны быть самыя пошлыя, и въ этомъ отношеніи рисунокъ мой, кажется, вполне удался.

Получилъ письма отъ своихъ : зовуть на вакаціи въ деревню. Матушка и отецъ пишутъ , что они рады будутъ , если привезу кого-нибудь изъ товарищей и еще какого-нибудь нѣмца, позатѣйливѣе, для общей компаніи. Я намѣренъ предложить Снѣгирю-Немо-Граве быть моимъ спутникомъ , а изъ нѣмцевъ—чего лучше? возьму Адальберта-Фердинанда-фон - Кибурга-Косинскаго-Литхенса ¹. Этотъ бывшій обойный подмастерье, а нынѣшній трагикъ ; имѣетъ прекрасный характеръ; необъятную память и такъ добродушно-болтливъ и веселъ, что съ нимъ не задумаешься. Наши думаютъ провести лѣто въ Липецкѣ, для сестеръ ; девяносто верстъ отъ деревни, все-равно , что въ сѣмой деревнѣ , плюсь хорошее общество: лѣтомъ бываетъ тамъ много прѣзжающихъ. Буду радъ пожить на родимой сторонкѣ послѣ пятилѣтняго отсутствія ; погуляю, поохочусь, поѣзжу верхомъ и попью цѣлительныхъ водъ, которыя могутъ быть для меня струями Леты въ-отношеніи къ извѣстной вострухѣ, о чемъ втайнѣ молюсь благому Провидѣнію.

15-го мая, суббота.

На-дняхъ М. Н. Невзоровъ познакомилъ меня съ Ф. Н. Карцевымъ. Гдѣ онъ отыски-

¹ Роли играныя Литхенсомъ на вѣнецкомъ театрѣ.

ваетъ такихъ оригиналовъ ? Видно, пословица справедлива , что рыбакъ рыбака далеко въ плёсъ видитъ. Кто въ Москвѣ знаетъ о Карцевѣ , переводчикѣ столькихъ лучшихъ сочиненій Вольтера: «Генриады», «Брута», «Разрушенія Лиссабона», «Орлеанской дѣвственницы» и проч., нѣкоторыхъ сатиръ и эпистоль Буало и разныхъ мелкихъ стихотвореній другихъ авторовъ ? а между-тѣмъ этотъ переводчикъ, очень-недурной, живетъ на Поварской Улицѣ, въ собственномъ домѣ , приглашаетъ иногда знакомыхъ на вечеринки и даже по-временамъ даетъ пріятельскіе обѣды ; этотъ переводчикъ, кромѣ литературнаго достоинства, необыкновенно-умный и добрый человекъ. Я его спрашиваю : «Читали ли вы кому-нибудь стихи свои?» — «Да» говоритъ «читалъ женѣ и еще, отрывками, князю Горчакову и Карину». — «И вы не имѣли и не имѣете намѣренія ихъ напечатать?» — «А на что, батюшка ? Я пишу и перевожу самъ для себя, потому-что люблю трудъ. Будто , не имѣя въ виду извѣстности , и писать нельзя !» — «Такъ ; однакожь эта извѣстность служить поощреніемъ таланту». — «Это , батюшка , могутъ думать одни праздные люди, которые не понимаютъ, что есть наслажденіе въ самомъ процессѣ труда. Знаете ли вы умное слово одного англичанина своему пріятелю, который

замѣтилъ ему, что работа его должна быть (most tedious) очень-скучна (This tediousness is very amusing). — «Эта скука очень занимательна» отвѣчалъ онъ; и это совершенная правда. «Вотъ, батюшка, вы, молодой человѣкъ, если хотите быть неизмѣнно-счастливымъ во всѣхъ превратностяхъ жизни, то любите трудъ, какъ любить любовницъ — безкорыстно. Я не знаю понѣмецки, но мнѣ сказывали, что у вашего Шиллера — я говорю «вашего» потому, что онъ считается теперь любимымъ авторомъ новаго поколѣнія нашихъ писателей—есть въ одномъ изъ его стихотвореній прекрасный стихъ: «ты надѣялся, слѣдовательно получилъ уже свою награду». Этотъ стихъ можно примѣнить къ труду: ты трудился, слѣдовательно былъ уже счастливъ». Невзоровъ, съ своимъ gros bon sens замѣтилъ, что едва-ли, безъ яснаго сознанія цѣли предпринятаго труда и убѣжденія въ пользу, можно полюбить какой бы то ни было трудъ. «Вотъ, напримѣръ, возьмите четверикъ маку и считайте, сколько находится въ немъ зеренъ — это будетъ также трудъ; но развѣ можно полюбить его, не будучи сумасшедшимъ?» — «Это сравненіе больше остроумно, чѣмъ «справедливо» возразилъ Карцевъ: «вопервыхъ, говоря о любви къ труду, я разумѣлъ любовь къ занятіямъ умственнымъ, c'est notre point de depart; а во-

вторыхъ, бываютъ обстоятельства въ жизни человѣка, когда и вашъ четверикъ съ макомъ можетъ ему пригодиться, если онъ считать умѣть... Когда вы, любезный Максимъ Ивановичъ, попали случайно, ни за что, ни про что, на шесть мѣсяцевъ въ подземелье къ Шишковскому, безъ всякаго способа къ занятіямъ, то вѣрно обрадовались бы вашему четверику съ макомъ, какъ средству съ большимъ терпѣніемъ ожидать вашего освобожденія. Вы меня не очень поняли: рѣчь моя клонилась къ тому, что въ одномъ только трудѣ заключается вся наука счастья, то-есть умѣнье наполнить пустоту жизни; съ этимъ умѣньемъ — сочиняете ли вы поэму, или считаете маковыя зерна — можно легко сносить свою участь, какова бы она ни была, не измѣняя малодушнымъ ропотомъ достоинству человѣка. Не отъ насъ зависитъ перемѣнить эту участь, но отъ насъ зависитъ пристраститься къ какому-нибудь постоянному занятію, которое, на зло всѣмъ обстоятельствамъ, наполнить нашу душу и будетъ, какъ вѣрный утѣшительный товарищъ, какъ ангелъ Товіи, сопровождать насъ до могилы». Максимъ Ивановичъ шутя жаловался ему на излишнее мое, будто-бы, любопытство, страсть къ театру и разсѣяннѣмъ свѣтскимъ, но между-тѣмъ, *pour dorer la pillule*, говорилъ, что я учуся прилежно, люблю

заниматься, и что постоянно веду ежедневный журналъ всѣмъ случающимся со мною происшествіямъ. На это Карцевъ отвѣчалъ, что въ мои лѣта разсѣяніе даже необходимо, но не должно исключительно посвящать ему все свое время, потому-что разсѣянія свѣтскія не наполняютъ пустоты, которую чувствуетъ человѣкъ въ самомъ себѣ, а, напротивъ, увеличиваютъ ее какъ соленая вода увеличиваетъ жажду. «Еслибъ вы» прибавилъ онъ «не захотѣли писать или переводить, то читайте больше, только съ размышленіемъ: чужія мысли большею частію могутъ скорѣе руководить насъ къ достиженію внутренняго спокойствія, чѣмъ свои собственныя. А журналъ вашъ — прекрасное дѣло: онъ приучаетъ къ труду и заставляетъ васъ отдавать отчетъ самому-себѣ въ вашихъ помыслахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ. Продолжайте его всегда: современемъ слюбится».

Такъ, поэтому, я и не даромъ докупаю тебѣ своимъ мараньемъ? «Слюбится» сказалъ умный старикъ, и я тому вѣрю: если намъ такъ пріятно встрѣчать давно-знакомыхъ людей, то еще пріятнѣе нѣкогда встрѣтиться съ самимъ-собою въ прежней мысли, въ прежнемъ чувствѣ и въ прежнемъ происшествіи.

17-го мая, среда.

Братъ любезный! я лишился Трезора, лохматаго моего Трезора, добраго, вѣрнаго, неразлучнаго моего товарища и друга въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, того самаго Трезора, надъ которымъ всѣ вы нѣкогда такъ издѣвались и котораго, между-тѣмъ, такъ любили за привязанность ко мнѣ, необыкновенную сметливость и доброту. Онъ умеръ отъ старости, бѣдный Трезоръ мой, охранявшій меня почти отъ самой колыбели и бывшій моимъ спутникомъ и стражемъ во всѣхъ переселеніяхъ, которымъ подвергалось мое юношество. Теперь нѣкому будетъ подать мнѣ такъ часто-забываемый платокъ, ни отыскать затерянную вещь и неожиданно принести ее мнѣ на колѣни, тряся мохнатою своею головою, шевеля кудлатымъ хвостомъ и посматривая на меня такими умильными глазами. Нѣтъ, воля твоя, а долго, долго не забыть мнѣ этихъ ежеминутныхъ доказательствъ привязанности и самоотверженія, этихъ первыхъ утреннихъ «здравствуй», этихъ послѣднихъ вечернихъ «прости»—словомъ, всего этого домашняго счастья, которое называлъ я Трезоромъ. Еслибъ ты могъ видѣть, какъ умиралъ онъ и какъ, за минуту до смерти, несмотря на совершенное изнеможеніе, онъ усиливался подать мнѣ, по обыкновенію, косматую

свою лапу. Не смѣйся надъ моимъ горемъ : это первая чувствительная утрата въ моей жизни. Дай Богъ, чтобъ она не была предвѣстницею другихъ утратъ, болѣе-горестныхъ!

20-го мая, суббота.

Съ горя таскаюсь по прощальнымъ обѣдамъ и вчера на одномъ встрѣтилъ пріѣхавшаго изъ Петербурга переводчика двухъ частей «Русалки», Краснопольскаго, которому назначенъ за переводъ бенефисъ. Правду сказать, есть за что! Сказали бы нашей компаніи, и она бы рублей за сто перевела всѣ три части, а еслибъ захотѣли торговаться, то взяла бы и менѣе. На такія аріи, какъ

Отнюдь я не стану грѣшить,
Съ чертями чтобъ дружбу водить,

или:

Бѣляночку бы въ воскресенье,
Чернавку въ понедѣльникъ взялъ,

мы превеликіе мастера и доки и можемъ всѣхъ русалокъ и съ «Чортовою Мельницею» перевести шестеромъ за одинъ присѣсть. Этотъ бенефисъ Краснопольскаго назначенъ во вторникъ, 23-го числа. Желая ему собрать побольше денегъ (хотя, судя по времени, это и невѣроятно), но вкладчикомъ въ кассу его не буду, и денежки приберегу на 24 число, чтобъ ви-

дѣть «Рекрутскій Наборъ» Ильина, въ которомъ такъ хороши *Померанцевъ* съ женою и *Сандуновъ* въ роли Клима Гавриловича; затѣмъ, въ пятницу, 26 числа, дебютъ *Кавалерова* въ роли Семена, въ комедіи «Братомъ проданная сестра», который видѣть должно. Сандуновъ многія изъ лучшихъ ролей своихъ передаетъ начинающимъ. Это съ его стороны благородно и похвально, а для дебютантовъ совершенное счастье, потому-что, по неимѣнію другой сцены, они не могутъ имѣть и случая совершенствоваться въ своемъ искусствѣ.

Кстати о Сандуновѣ. Намедни, повстрѣчавшись на вечеринкѣ у Павла Андреевича Вейделя съ старшимъ братомъ своимъ, извѣстнымъ переводчикомъ шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и сенатскимъ обер-секретаремъ, такимъ же острякомъ, какъ и онъ самъ, они о чемъ-то заспорили; а какъ братья ни за что не упустятъ случая поподчивать другъ друга сарказмами, то старшій, въ пылу спора, и сказалъ младшему: «Тутъ, сударь, и толковать нѣчего: вашу братью всякій можетъ видѣть за рубль!»—«Правда» отвѣчалъ актёръ, «за то вашей братьи безъ красненькой и не увидишь». Остро; однакожь, въ-отношеніи къ Николаю Николаевичу несправедливо, потому-что онъ есть утѣшительное исключеніе изъ категоріи большей части его сослуживцевъ и не

безъ причины пользуется общимъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Я слышалъ, что онъ, то-есть Н. Н. Сандуновъ, ѣдетъ также на лѣто лечиться въ Липецкъ съ молодою женою, совершенною красавицею. Какъ бы я былъ радъ съ нимъ тамъ встрѣтиться !

24 мая, среда.

Померанцева можно назвать актѣромъ *par excellence*. Какая натура! какое чувство! какая простота! Абрамъ, не на сценѣ: онъ въ своей избѣ, истый русскій крестьянинъ, патриархальный владыка своего семейства и, между-тѣмъ, нѣжный отецъ. Хороша и Померанцева въ роли матери Алексѣя. Сандуновъ превосходенъ въ роли Клима Гавриловича: настоящій подъячій съ приписью, однакожь подъячій, который существуетъ только въ нашемъ воображеніи, котораго знаемъ по преданіямъ, но котораго, конечно, никто изъ насъ не видалъ: это карриатура и на бывшихъ нѣкогда подъячихъ. Молодой Орловъ, въ сценѣ, когда Ипполитъ бросается къ ногамъ отца и проситъ благословенія идти вмѣсто Алексѣя въ рекруты, былъ увлекателенъ и заставилъ плакать, и самый Кондаковъ въ роли Герасима, великодушнаго извощика-резонѣра, игралъ съ чувствомъ и жаромъ; словомъ, пьеса разыграна

**

была бы прекрасно, еслибъ несчастная Караневичева, Варвара, не портила всего хода пьесы. Чтò за претензіи! чтò за жеманство и отсутствіе всякаго чувства! чтò за льдина такая! вмѣсто этой Варвары, доброй простодушной крестьянки-сироты, чувствующей сиротство свое, мы видѣли горничную, жеманницу, которая даже и при вопросѣ: какъ васъ зовутъ? отвѣчаетъ: «Извините, мы не изъ таковскихъ». И вотъ говорятъ, что эта же Караневичева будетъ играть Антигону въ «Эдипъ», котораго разучиваютъ къ осени. Чтò ни говори, а русскую оперу можно смотрѣть съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ русскія трагедіи и драмы: ни даровитый Плавильщиковъ, ни превосходный Померанцевъ, одни, безъ женщины, не могутъ произвести никакого дѣйствія. Какъ-то случилось мнѣ видѣть «Беверлея», гдѣ въ нѣкоторыхъ сценахъ такъ отлично-хорошъ Плавильщиковъ—и чтò же? Какъ только появлялась на сцену Баранчеева, игравшая роль жены его, то вся иллюзія исчезала. Померанцевъ въ отцѣ семейства превосходенъ; но лишь появится женщина—прости очарованіе!

Генералъ Сергій Алексѣевичъ Тучковъ показалъ Петру Ивановичу свои стихотворенія и признался ему, что любить чрезвычайно поэзію и въ свободное время только и зани-

мается ею сколько по страсти, столько же и потому, что тамъ, гдѣ онъ обязанъ постоянно жить по службѣ, другихъ развлеченій нѣтъ. Въ этихъ стихотвореніяхъ нѣтъ никакихъ правилъ: ни мѣры, ни удареній—словомъ, ни складу ни ладу, но между-тѣмъ есть очень-дѣльныя мысли. Петръ Ивановичъ замѣтилъ автору, что надобно бы прежде узнать правила и тогда уже приняться за сочиненія; иначе лучше писать прозою. Генералъ пожелалъ взять нѣсколько уроковъ тайкомъ, и Петръ Ивановичъ въ недѣлю истолковалъ ему всѣ тайны стихосложенія, отказываясь отъ всякаго возмездія и, въ заключеніе, послалъ свою пѣтику при слѣдующемъ посланіи съ эпиграфомъ изъ Державина : *Учиться никогда не поздно !*

Т. командиръ,
Кому маневры и сраженья
Не горькій трудъ, но сладкій пиръ!
Вотъ правила стихосложенья :
Прими, учись и будь поэтъ.
Теперь, исполнивъ мой обѣтъ,
Я ожидаю исполненья
Обѣта твоего : вѣснить
Порывы своевольной музы
Обыкновенныхъ правилъ въ узы.
Тебѣ легко поэтомъ быть :
Доступнымъ сдѣлай лишь искусство,
Рѣшась воображенье, чувство
Наукъ строгой покорить.
Наука лишь талантъ вѣнчаетъ,

И Божій даръ безъ ней — одно
Вѣчногниющее зерно;
Безъ ней оно не прозабаетъ,
И не цвѣтетъ въ краѣ оно !

Стихи не гениальные, но въ нихъ есть толкъ. Генераль прислалъ Петру Ивановичу на память золотую тебакерку прекрасной работы.

27-го мая, суббота.

Нѣсколько дней я чувствую себя нехорошо, а между-тѣмъ не утерпѣлъ, чтобъ вчера не взглянуть на новаго дебютанта, въ роли слуги Семена, въ комедіи Ефимьева «Братомъ проданная сестра». Къ-сожалѣнію, долженъ сказать, что лучше бы сдѣлалъ, оставшись дома: Кавалеровъ покамѣстъ не изъ числа настоящихъ кавалеровъ, а просто изъ разряда тѣхъ лицъ, которыхъ представляетъ; о будущемъ не говорю. Между-тѣмъ, прости: голова жестоко болитъ и чувствую то жаръ, то ознобъ. Добрый мой Петръ Ивановичъ испугался и послалъ за Г. И. Допельмайеромъ. Еслибъ я писать къ тебѣ былъ не въ состояніи, то поручу Петру Ивановичу, или Снѣгирю-Немо, которому рѣшительно дѣлать нечего. Обнимаю.

24-го іюня, суббота.

Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ я началъ прогуливаться и дышать чистымъ воздухомъ,

который видимо меня укрѣпляетъ. Между-тѣмъ я такъ измѣнился, что не могу ничего дѣлать и даже, мнѣ кажется, тяжело написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Меня посѣтила сильная горячка, со всею свитою: бредомъ, пятнами и проч., и еслибъ не старикъ Доппельмайеръ, который такъ меня любитъ, еслибъ не истинно-отеческія попеченія Петра Ивановича, то, можетъ-быть, переписка наша навсегда прекратилась бы. Нѣтъ словъ благодарить и Снѣгиря-Немо, который, мало того, что просиживалъ у моего изголовья цѣлыя ночи безъ сна, но и теперь ссужаетъ меня своей рукою, и потому ты можешь считать на полученіе обыкновенныхъ моихъ донесеній и всѣхъ сплетней, какими они сопровождаются. Начну со вчерашняго вечера. вмѣсто оперы «Die Zauber-Zitter», которую намъ хотѣлось видѣть, мы, не заходя въ театръ, отправились спозаранку въ назначенный послѣ спектакля воксалъ и усѣлись у пруда смотрѣть на ловлю лягушекъ, которыхъ въ этомъ прудѣ бездна. Эта ловля гораздо-занимательнѣе уженья рыбы и, видно, входитъ въ моду у нѣмецко-слободскихъ обывателей, потому-что ихъ человекъ пятнадцать сидѣло съ удочками, на которыхъ, вмѣсто обыкновенной приманки, нацѣплены были кусочки краснаго сукна. Лягушки безпрестанно подпрыгивали изъ воды, жадно хватались

за сукно и становились добычею ватрахововъ. Эту забаву, съ мѣсяць назадъ, ввели въ моду братья Бранстетеры, для которыхъ она служить не только забавою, но и средствомъ къ удовлетворенію своей гастрономіи: они страстные охотники до фрикасе изъ лягушекъ, а потому весь уловъ этой водяной дичины предоставляется въ ихъ пользу.

А знаешь ли, что за люди братья Бранстетеры, Францъ и Антонъ? Это люди историческіе и не даромъ носятъ свое прозваніе. Они находились прежде въ услуженіи князя Потемкина, въ качествѣ фейерверкмейстеровъ, устраивали потѣшные огни въ Молдавіи и Валахіи и участвовали въ изготовленіи знаменитаго фейерверка, который былъ пущенъ во время извѣстнаго бала, даннаго княземъ въ таврическомъ дворцѣ; сверхъ-того, они механики, землемѣры, инженеры, гидрографы и живописцы. Антона Бранстетера я помню еще съ дѣтства, когда онъ расписывалъ церковь у сосѣда нашего, генерала Муромцева, и ежегодно въ день именинъ жены его, 24-го ноября, пускалъ фейерверки, на которые съѣзжались всѣ окружные помѣщики и, въ томъ числѣ, возили меня. Теперь эти Бранстетеры живутъ на покоѣ, имѣютъ свою лабораторію, снабжаютъ всю Москву и сопредѣльныя губерніи потѣшными огнями, и ловятъ лягушекъ,

употребляя ихъ въпродолженіе лѣта въ пищу, вмѣсто цыплятъ. Дешево и вкусно !

28-го іюля, среда.

Мы непременно выѣзжаемъ въ воскресенье, 2-го іюля, и прямо въ Липецкъ, потому-что мои домашніе должны быть теперь уже тамъ. Болѣзнь унесла у меня много времени и осадила меня по-крайней-мѣрѣ на мѣсяць. Мы ѣдемъ цѣлою колонією: Снѣгирь-Немо, Литхенсъ и фортепянистъ Димлеръ, которому въ Москвѣ теперь дѣлать нѣчего : у дольщиковъ его, Дурновыхъ, лѣтомъ игры нѣтъ, а ученики и ученицы разѣѣхались по деревнямъ. Чтò, еслибъ ты могъ пріѣхать также въ Липецкъ и пожить на свободѣ? — Но это мечта !

Сообщаю тебѣ послѣднее изъ Москвы свѣдѣніе : табель профессорскихъ лекцій на будущей университетскій курсъ, о которой ты такъ заботился для Верзилина. Предчувствую, что недолго слушать мнѣ добрыхъ моихъ профессоровъ. Отецъ, обрадовавшись моему 12-му классу, торопитъ службою.

Физику. Страховъ.
Натур. Исторію Пр. Антонскій.
Философію. Брянцевъ.
Статистику. Геймъ.

Эстетику	Сахацкій.
Чистую математику	Аршеневскій.
Исторію.	Черепановъ.
Россійское право.	Горюшкинъ.
Теорію законовъ	Цвѣтаевъ.
Теорію поэзіи	Мерзляковъ.
Приложеніе алгебры къ гео- метріи	Загорскій.

На французскомъ языкѣ :

Исторію натуральную и срав- нительную анатомію . . .	Фишеръ.
Естественное и народное право.	Шлёцеръ.
Химію	Рейсъ.
Нравственную философію .	Рейнгардъ.
Астрономію.	Гольдбахъ.

На нѣмецкомъ :

Высокую геометрію	Иде.
Ботанику	Гофманъ.
Нѣмецкую литературу . . .	Сангленъ.

Особенные уроки, *lectiones privatae*, и особеннѣйшіе, *privatissimae*, зависятъ отъ взаимныхъ условій желающихъ учиться съ профессорами.

Теперь жди отъ меня писемъ изъ Липецка, попрежнему, въ ежедневныхъ рапортичкахъ, разумеется, если понадаются будутъ

случаи и люди, о которыхъ стоило бы сообщать тебѣ; иначе о чемъ писать? развѣ только о количествѣ застрѣленныхъ утокъ и прочей дичины? Но я рѣшусь и на это, лишь бы только болтать съ тобою.

Ты не любишь, чтобъ тебя благодарили, а потому я и не хочу говорить, сколько я тебѣ обязанъ за все, про все. Мнѣ кажется, я никогда не расплачусь съ тобою... Да! я забылъ, что ты не любишь этого слышать. Извини.

8-го іюля, суббота.

Солнышко только-что показывалось изъ-за горизонта и мы всѣ четверо сладко дремали въ коляскѣ, когда сидѣвшій на козлахъ чело-вѣкъ мой разбудилъ насъ громогласнымъ: «вонъ Липецкъ видѣнъ!» Мы проснулись. Первою нашею мыслью было остановиться и нѣсколько промедлить, во первыхъ, для того, чтобъ слишкомъ-раннимъ прїѣздомъ не потревожить домашнихъ, а вовторыхъ, чтобъ дать время Снѣгирю-*Нето* и Адалберту-Литхенсу опр-авить туалеты свои, потому-что, будучи великими шематонами, они непременно хотѣли, при первомъ появленіи своемъ, произвести благопріятное на незнакомыхъ впечатлѣніе. Такъ и сдѣлали: простояли болѣе часу, потомъ поѣхали шагомъ и къ восьми часамъ

ровно явились у подъезда дома Вишневскихъ, въ которомъ наши жили.

Нѣчего говорить тебѣ о минутѣ моего свиданія съ домашними, слезахъ матери и сестеръ и удовольствіи отца: подробности этого свиданія могутъ быть интересны только для меня, а для тебя достаточно знать, что вотъ уже третій день, какъ я нахожусь въ кругу своихъ, совершенно-довольный и счастливый. Отецъ радѣшенекъ, что я привезъ нѣмца и щеголяетъ предъ нимъ нѣмецкимъ языкомъ, когда-то изученнымъ на зимнихъ квартирахъ въ Пруссіи, а Литхенсъ отпускаетъ ему фразы изъ драматическихъ ролей своихъ. Матушка не наговорится съ Немо, который поетъ ей обо мнѣ турысы на колесахъ; а сестры ухватились за стараго знаконца, Димлера, котораго, несмотря на усталость, тотчасъ же засадили за фортепьяно и заставили отколачивать русалочный польскій: «На что такъ чудесить, къ-чему куралесить?» — словомъ, кажется, я всѣмъ угодилъ. Слава Богу! свои и чужіе всѣ въ восхищеніи. Тотчасъ же пошли разспросы, кто любитъ какое кушанье, чтобъ всѣхъ равно удовлетворить. Литхенсъ объявилъ, что онъ обожаетъ жареныхъ куръ съ салатомъ. «А индѣекъ?» спрашиваетъ отецъ. «Въ индѣйкахъ я вкусу не знаю, потому-что никогда

ихъ не ъдалъ» отвѣчаетъ Фердинандъ: Такое признаніе всѣхъ удивило и теперь рассказы-ваютъ за диво встрѣчному и поперечному, что у насъ въ домѣ есть нѣмецкій трагикъ, которому никогда въ жизни не случалось ѣсть индѣекъ.

Снѣгирь-Немо успѣлъ уже напутать: ма-тушка подъ величайшимъ секретомъ мнѣ объ-явила, что ей сказывали *вѣрные люди*, буд-то я очень влюбленъ въ извѣстную особу и оттого занемогъ, и что если это подлинно-справедливо, то современемъ можно поду-мать и о свадьбѣ. «Ну, а если она не пой-детъ за меня?» спросилъ я.—«Ахъ, батюшка! какъ же это можно, чтобъ за тебя нейти?»

Хорошо, еслибъ всѣ такъ думали обо мнѣ, какъ добрая моя мать; а еще лучше, еслибъ я самъ о себѣ такъ думалъ! Карамзинъ го-ворить:

Блаженъ не тотъ, кто всѣхъ умиѣ—
Ахъ, нѣтъ! онъ часто всѣхъ грустаѣе;
Но тотъ, кто, будучи глупцомъ,
Себя считаетъ мудрецомъ!

Ita—est.

16-го іюля, воскресенье.

Я познакомился со всѣми почти пріѣзжими болѣнными и нашелъ, что они, за весьма-немногими исключеніями, всѣ, слава Богу,

здоровы и, кромѣ-того, необыкновенно-любезны и привѣтливы. Графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ, старикъ князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, отецъ нашихъ студентовъ — умные, ученые и добрые люди. Николай Петровичъ Архаровъ, бывший нѣкогда московскимъ губернаторомъ, или обер-полиціймейстеромъ — право не знаю — *cordon bleu*, родной братъ Ивану Петровичу, добродушному и ласковому моему патрону. Николай Петровичъ не похожъ на брата: тучный, серьезный и, кажется, холодный старикъ. Камергеръ князь Голицынъ, прожившій впродолженіе весьма — короткаго времени сорокъ тысячъ душъ и теперь живущій небольшимъ пенсіономъ, который производятъ ему племянники его князя Гагарины, очень-образованный, любезный и веселый человекъ. Генералъ Яковъ Петровичъ Лабать де-Вивансъ, бывший при покойномъ императорѣ кастеланомъ Михайловскаго Замка, старинный гасконскій дворянинъ, семидесятилѣтній юноша, съ премилыми добродушными и говорливыми, хотя и некрасивыми дочерьми, охотницами до споровъ и, что удивительно, до возраженій; Н. Н. Сандуновъ съ женою-красавицею. Изъ молодыхъ же людей, пріѣхавшихъ лечиться отъ здоровья, находятся твои знакомцы: князь С. Г. Щер-

батовъ , А. В. Новосильцовъ , Н. Д. Нарышкинъ , Зотовъ и много другихъ.

Директоромъ водъ Ив. Ник. Новосильцовъ, родной братъ статс-секретаря государева, Николая Николаевича, добрый и привѣтливый человѣкъ. Петербургскій докторъ А. А. Альбини, любимѣйшій ученикъ знаменитаго Франка, находящагося теперь въ качествѣ лейб-медика при государѣ, состоитъ официальнымъ при водахъ врачомъ. Жена его, дочь извѣстнаго въ Петербургѣ медика Эллизена, необыкновенная красавица... что я говорю «красавица!» нѣтъ, существо неземное, какая-то гурія, пери!

Все общество по утрамъ собирается въ галерею, устроенную при источникѣ. Здѣсь условливаются объ обѣдахъ, вечерникахъ и другихъ parties de plaisir. Садъ вокругъ галереи только-что начинаетъ разводиться. Современемъ мѣсто можетъ быть прекрасное; но и теперь Липецка въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ былъ за пять лѣтъ назадъ, узнать нельзя. Городъ разрастается и выстроивается не по днямъ, а по часамъ.

Много встрѣтилъ я такихъ знакомыхъ, которые знали меня въ ребячествѣ и, между прочимъ, стараго городничаго Ив. Тим. Бурцева, живущаго теперь лѣтъ пятнадцать на покоѣ, отличнаго человѣка, у котораго до-

чери такія неблагообразныя, но за-то добрыя и премилыя. Старикъ огорченъ поведеніемъ единственнаго сына, гусарскаго поручика¹, добраго, будто-бы, малаго, но величайшаго гуляки и самаго отчаяннаго забудыги изъ всѣхъ гусарскихъ поручиковъ. Встрѣтилъ также и добраго Ив. Ник. Лодыгина, прекраснаго человѣка на всякое дѣло и бездѣлье; съ нимъ неразлучно воспоминаіе о родномъ дядѣ его, Петрѣ Лукичѣ Вельяминовѣ, другѣ Николая Александровича Львова и Алексѣя Николаевича Оленина, одномъ изъ ближайшихъ по сердцу людей Г. Р. Державину. Въ посланіи своемъ «Къ Музѣ», исполненномъ очаровательной меланхоліи, несмотря на жесткость нѣкоторыхъ стиховъ, пѣвецъ «Фелицы» называетъ его любителемъ музъ и оплакиваетъ его отсутствіе въ числѣ четырехъ друзей своихъ.

. Гдѣ Хариты?

И друзей моихъ ужъ итъ:
Лвовъ, Хемницеръ въ гробѣ скрыты,
За Дибромъ Капнисть живетъ;
Вельяминовъ, музъ любитель,
Согнутъ горестями въ дугу» и проч.

Наконецъ увидѣлъ я и еще стараго знакома и баловника моего, Ив. Егор. Штейна.

¹ Того самаго, къ которому Денисъ Давыдовъ написалъ извѣстное посланіе: «Бурцевъ Йора, забіяка, и проч.

Позднѣйшее примѣчаніе.

Онъ, попережнему, здѣсь лѣсничимъ, попережнему добрякъ, попережнему не выпускаетъ изо рта трубки, попережнему воображаетъ себя великимъ знатокомъ въ музыкѣ и теперь непрерывно у насъ и впился въ Димлера. Обязательный человѣкъ! Узнавъ, что у меня нѣтъ охотничей подружейной собаки, онъ тотчасъ же подарилъ меня двумя преогромными польскими лягавыми псами, которымъ кличка: Дуракъ № 2 и Дуракъ № 3. Дуракъ же № 1 у него завѣтный. Я не утерпѣлъ и въ тотъ же день попробовалъ ихъ въ полѣ. Эти дураки умнѣ многихъ умныхъ: послушны, вѣжливы, плаваютъ какъ рыба и чутьѣ диковинное; добротою своею они напоминаютъ мнѣ моего Трезора. Здѣсь не постигаютъ, какъ рѣшился Иванъ Егоровичъ подарить мнѣ такихъ собакъ, отъ которыхъ даже и щенка никто у него допроситься не могъ, и не знаютъ, чему приписать такое великодушное пожертвованіе.

18-го іюля, вторникъ.

Между-тѣмъ, какъ все общество, прогуливаясь по галереѣ и около источника, наполняло желудки свои вонючею влагою, большею частью пополамъ съ парнымъ молокомъ, Н. Н. Сандуновъ подсадилъ меня къ себѣ, чтобъ потолковать о литературѣ: стихахъ и прозѣ,

о поэтахъ и прозаикахъ. Я всегда полагалъ, что Николай Николаевичъ, несмотря на свое юридическое призваніе, любилъ литературу и особенно театральную, чему доказательствомъ служатъ его разныя пьесы, которыя мы разыгрывали на пансіонскомъ театрѣ, не говоря уже о капитальномъ переводѣ шиллеровыхъ «Разбойниковъ», но никогда не думалъ, чтобъ онъ самъ былъ стихотворцемъ. Онъ прочиталъ мнѣ свою пѣсню, подъ названіемъ *Денежный мѣшокъ*. Стихи нехороши и, сверхъ того, есть куплеты de très mauvais genre, наприм.

Чернобровы, бѣлокуры

Не откажутъ ни одва:

Денегъ не клюютъ лишь куры,

А любовь до нихъ жадна» и пр.

Но со вѣсмъ тѣмъ сенатскій обер-секретарь-поэтъ — явленіе замѣчательное и отрадное. Говорятъ, что при покойной императрицѣ въ числѣ обер-секретарей было много литераторовъ и, между прочимъ, Иванъ Хмільницкій, издавшій «Зримый Свѣтъ въ лицахъ», книгу съ картинами, составлявшую отраду дѣтей отъ 7-ми до 10-ти-лѣтняго возраста, и мою, и *Федоръ Эмиль*, авторъ комедіи «Знатоки», въ которой такъ смѣшонъ астрономъ, открывшій новое созвѣздіе *Соба-*

ки и такъ логически и важно отвѣчающій тѣмъ, которые сомнѣваются въ его открытіи:

«Коль есть въ планетахъ раки,
Такъ почему жь не быть тамъ и моей собаки?»

У источника я познакомился съ однимъ израненнымъ, или, вѣрнѣе, изрубленнымъ въ котлету майоромъ Ф. А. Евреиновымъ, страстнымъ охотникомъ до книгъ и литературы, но литературы отсталой, то — есть семидесятыхъ годовъ. Онъ бредитъ Вольтеромъ, Дидротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами, и внѣ ихъ сочиненій не находитъ ничего заслуживающаго вниманія и уваженія. Пресмѣшной! Я часто пробовалъ разувѣрять его насчетъ этихъ философовъ, которыхъ сочиненія никогда не наполняютъ такъ души и не утѣшаютъ сердца, какъ задушевныя стихотворенія Шиллера и многихъ другихъ авторовъ — куда тебѣ! Глаза нальются кровью, пѣна у рта; не дастъ слова выговорить. «Да читали ли вы что-нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей?» — «Не читалъ и читать не хочу, и не буду». Изволь съ нимъ спорить!

Нельзя довольно налюбоваться милою докторшею. Что это за прелестная женщина — простая, веселая, безъ всякаго жеманства! Она бываетъ ежедневно у насъ, и мужъ дово-

лень, что она подружилась съ нашимъ семействомъ и остается у насъ иногда по цѣлымъ днямъ, потому-что ей нескучно, а, можетъ-быть, онъ и радъ прятать свое сокровище подъ крыло матушки. Чужая душа—потёмки.

20-го іюля, четвергъ.

Я рѣшительно въ восторгѣ отъ своихъ Дураковъ: эта команда, конечно, неслишкомъ-острая и проворная, но умная, терпѣливая и вѣрная. Если они уже разъ почували что-нибудь, то слѣдуйте за ними смѣло: они приведутъ васъ прямо къ птицѣ и стоятъ на мѣстѣ какъ вкопанные. Честь и слава утѣшителю моему, Ивану Егоровичу! Отецъ, по просьбѣ матери, подарилъ ему славнаго верховаго донца, въ которомъ онъ нуждался. Не хотѣлъ брать; на-силу упросили. Чтобъ дать тебѣ понятіе объ изобиліи дичи въ здѣшнихъ окрестностяхъ, скажу только одно, что вчера въ два ружья съ охотникомъ Павломъ, котораго ты знаешь, мы убили болѣе пятнадцати паръ разнородной дичи, не считая тѣхъ частыхъ *пуделей*, которыя я давалъ, къ великому изумленію и неудовольствію дурацкой моей компаніи; сверхъ того, какая пріятная охота! нѣтъ мокрыхъ, трясинныхъ болотъ; по берегамъ огромнаго озера растутъ

камышъ и осока: удобно подкрадываться подь птицу; рѣка, кусты, и вокругъ зелень и ковыль: всякую птицу найдешь, большую и малую, отъ кряквы до чирка, отъ кроншнепа до гаршнепа. Дорожные спутники мои не ѣздятъ со мною на охоту, говоря, что имъ и безъ того весело и что они не хотятъ сами ни *париться*, ни *жариться*, а довольны тѣмъ, что, по моей милости, для нихъ *напарятъ* и *нажарятъ*.

Завтра графъ Чернышевъ даетъ un goûter dansant въ галереѣ для всей липецкой публики, пьющей и непьющей. Мнѣ кажется, это одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей въ свѣтѣ — умный, острый, привѣтливый; а какъ образованъ! какой даръ слова! Надобно видѣть, какъ занимаются своимъ туалетомъ мѣстные красавицы. Monsieur Lebourg, плутоватый французъ, продалъ почти всѣ свои модные товары, а сверхъ того спустилъ содержателю галерейнаго буфета *Пріори* для графскаго goûter рублей на 300 разныхъ винъ, которыхъ у Пріори не случилось. Столъ заказанъ ему на сто человѣкъ; но на столько персонъ у него не достанетъ серебра, которое пополнится присылкою изъ разныхъ домовъ.

Здѣсь находится для сбора на какой-то монастырь одинъ іеромонахъ, отецъ Павлинъ, человѣкъ весьма-замѣчательный. Отроду ему,

должно-быть, лѣтъ 35, но какой умъ! какой мастеръ говорить! какое приличіе во всѣхъ движеніяхъ и поступкахъ! и ко всему этому—совершенный красавецъ. Онъ, конечно, стоялъ бы высоко въ своемъ званіи, еслибъ былъ изъ ученыхъ, то-есть, схоластикъ; впрочемъ, знаній практическихъ онъ имѣетъ слишкомъ-достаточно. Есть и еще собиратель, но совершенно въ другомъ родѣ: этотъ еще не монахъ и почитаетъ себя недостойнымъ ангельскаго образа. Онъ по-временамъ находится какъ-будто въ какомъ-то изступленіи и нерѣдко предрекаетъ многимъ будущее. На-дняхъ онъ сказалъ что-то ма-тушкѣ, которая очень уважаетъ его.

25-го іюля, воскресенье.

Графскій *goûter dansant* былъ чудесный — безъ всякихъ затѣй, изобильный, веселый. Ъли, пили и танцовали съ 5 часовъ до 12; протанцовали бы и всю ночь, еслибъ не запрещали того правила, учрежденнаго для больныхъ. Нѣмцы мои не сходили съ паркета, и особенно германо-руссъ Нето вальсировалъ безъ усталости. Я такъ увлекся общою веселостью, что, несмотря на свою неловкость, нѣсколько разъ вальсировалъ съ мадамъ Альбини, которая танцовать любитъ. Что это за женщина — прелесть! Добрѣйшія

demoiselles Labat — которыя съ нею давно знакомы , потому-что отецъ ея , Эллизенъ , былъ у нихъ домашнимъ врачомъ — сказывали , что она прежде не была такъ хороша , но что теперь она такъ прелестна , что другой подобной онѣ не знаютъ . Сегодня мы ѣдемъ съ ней прогуливаться верхами .

Когда гости усѣлись за столъ , распорядитель праздника Пріори сдѣлалъ имъ сюрпризъ: съ полнымъ оркестромъ , принадлежащимъ помѣщику Дегтереву , онъ , въ качествѣ итальянца , *supposé toujours chanteur* , пропѣлъ , или , вѣрнѣе , проревѣлъ арію изъ оперы «*Santatrice Villane*» въ русскомъ переводѣ . Ну , ужь арія !

Всѣ женщины—сирены!
Страхъ любить переменны;
Замужни и вдовицы,
Молоденьки дѣвицы—
Всѣ на одинъ покрой:
И мужъ глаза закрой.
Мужья! не горячитесь;
А если влюблентесь,
Въ ревницы посвящать;
А тамъ... не горячитесь,
Рога тѣ возвѣстятъ!

Я думалъ , что это переводъ нашего обыденнаго общества , а вышло напротивъ : Н. Н. Сандуновъ сказывалъ , что это переводъ нашего почтеннаго А. Ѳ. Мерзлякова , сдѣлан-

ный по заказу смоленскаго генерал-губернатора С. С. Апраксина, у котораго есть домашняя опера и будто-бы отличный доморощенный буфъ, Иванъ Гавриловичъ Гуляевъ¹, ученикъ капельмейстера Моріани. Попался же Алексѣй Ѳедоровичъ! теперь есть средство отмститъ ему за насмѣшки надъ нами съ Петромъ Ивановичемъ. Эта арія такъ похожа на романсъ Бородулина:

Всѣ женщины — матресы,
Престрашныя тигресы,
На нихъ мы тигры сами
Съ предлинными усами—

что, кажется, вылилась съ одного пера.

Я, кажется, писалъ къ тебѣ обо всемъ и о всѣхъ, а забылъ упомянуть объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ персонажей: эта особа — секретарь директора, тит. сов. Иванъ Кузьмичъ Киселевъ, ростомъ съ версту, имѣющій притязанія на красоту, bon-tout и политическое значеніе, а впрочемъ, кажется, очень-добрый малый. Я часто подслушиваю его въ объясненіяхъ съ дамами; но третьяго-

¹ Гуляевъ, по смерти Воробьева, въ концѣ 1808 года, былъ вызванъ на петербургскую сцену и занялъ его роли. Но какая разница!

Позднѣйшее примѣчаніе.

дня попалъ на такія выходки, что изъ рукъ вонь! Напримѣръ: одна дама, довольно-полная, жаловалась на жаръ и духоту, и онъ говоритъ ей: «Вамъ жарко; каково же мнѣ? Вы согрѣваетесь однимъ солнцемъ, а я (глубокій вздохъ) двумя!» Другая изъ туземокъ, также плотная, объявляетъ, что больше танцовать не станетъ, потому-что очень устала, и онъ умильно возражаетъ: «Не вѣрю: сифиды уставать не могутъ!» Наконецъ совсѣмъ зарпортовался. Подсѣвъ къ премилой княжнѣ Кат. Иван. Гагариной, у которой, буквально, пре-красныя волосы, хотя, впрочемъ, длинныя, густыя и вьющіяся, онъ началъ восхищаться цвѣтомъ ея лица, выхваляя его бѣлизну, нѣжность и проч. Та все молчала и только улыбалась; но когда отпустилъ онъ фразу: «Вы точно лилія, окруженная золотымъ, лучезарнымъ сіяніемъ!» бѣдная княжна не выдержала. «Ахъ, Иванъ Кузьмичъ!» вскричала она: «не можете представить себѣ, какъ вы намъ всѣмъ надоѣли!» и ушла отъ докучнаго кавалера.

Давича, послѣ обѣдни, которую отправляли въ придѣлѣ собора, потому-что въ главномъ храмѣ ставятъ иконостасъ, я зашелъ посмотреть на работы и познакомился съ живописцемъ Трофимомъ Ѳедоровичемъ Дурновымъ, которому онъ поручены и который самъ пи-

салъ всѣ образа. Вотъ оригиналь! Онъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ графа Воронцова, учился долго въ академіи художествъ, за успѣхи въ живописи отпущенъ помѣщикомъ на волю и женился на своей натурщицѣ. Съ роду не видывалъ такого бахвала, хотя и знакомъ со многими *псовыми охотниками*. Онъ показывалъ мнѣ запрестольный образъ «Снятія со креста», разумѣется, скопированный съ какой-нибудь гравюры, и восхищался имъ удивительно-забавно. Счелъ ли онъ меня какимъ-либо невѣждою въ живописи, или въ-самомъ-дѣлѣ убѣжденъ въ своемъ превосходствѣ, только утверждалъ преважно, что «Рубенсъ—мазилка, а Каррачи, также писавшій «Снятіе со креста» — въ ученики ему не годится». Я слушалъ разиня ротъ, не зная, что и отвѣчать ему; однакожъ осмѣлился спросить: «А что вы скажете о Рафаэлѣ?» — «Ну, Рафаэль» отвѣчалъ онъ съ миною знатока, «копечно, живописецъ хорошій; иной разъ пишетъ хоть-бы и нашему брату!» Ахъ, Господи! я полагалъ, что этотъ Дурновъ пьяница или сумасшедшій—ни того, ни другаго: рѣшительно ничего хмѣльнаго въ ротъ не беретъ, примѣрной акуратности и самый попечительный отецъ семейства. Послѣ поставки иконостаса онъ ѣдетъ опять въ Петербургъ писать картину на званіе (будто-бы) профессора. Если буду въ Пе-

тербургъ, непременно отъищу чудака: это суще-
щее золото!

23-го іюля, вторникъ.

Вчера утромъ съ часъ сидѣлъ я у Н. П. Архарова. Я виноватъ предъ нимъ: онъ не такъ угрюмъ, какъ въ первый разъ мнѣ показался, напротивъ, довольно-разговорчивъ и сообщителенъ. Сколько разъ я давалъ себѣ слово не поддаваться первому впечатлѣнію — и всегда попадалъ въ-просакъ. Старикъ много видѣлъ и испыталъ въ жизни; бесѣда съ нимъ любопытна и поучительна. У него собралось челоуѣкъ пять посѣтителей, и онъ много рассказывалъ намъ анекдотовъ о себѣ, о прежнихъ вельможахъ, о великолѣпн, которымъ они себя окружали, о благодѣтельныхъ распоряженіяхъ правительства касательно эмигрантовъ во время французской революціи, о вспомошествованіяхъ, которыя имъ дѣлали, о способахъ, какіе употреблялись къ прекращенію необыкновеннаго распространенія фальшивыхъ ассигнацій, и проч. и проч. «Но знаешь ли ты» спросилъ онъ меня «исторію твоего дѣда съ отцовской стороны? Если не знаешь, такъ я когда-нибудь тебѣ ее расскажу; а теперь, покаместъ, будетъ съ тебя и одного анекдота». Тутъ онъ рассказывалъ намъ, какъ, по увольненіи графа Румянцова отъ командо-

ванія армією, дѣдушка, который былъ однимъ изъ любимѣйшихъ его полковыхъ командировъ, попалъ въ немилость князя Потемкина и по этому случаю опредѣленъ вятскимъ губернаторомъ; а чтобъ не было ему *скучно*, то и трое дѣтей его помѣщены въ Вятскую же Губернію на разныя мѣста, и въ томъ числѣ отецъ мой опредѣленъ совѣтникомъ казенной палаты. (Хороша немилость!) Недѣли черезъ двѣ по прибытіи дѣда на губернаторство въ Вятку, онъ какъ-то случайно узналъ, что у одного изъ богатѣйшихъ тамошнихъ купцовъ умерла жена, замучившись родами, но что смертныхъ признаковъ нѣтъ, и тѣло, несмотря на лѣтнее, довольно-жаркое время, оставалось невредимымъ, а между-тѣмъ церковно-служители и всѣ тѣ, которымъ назначалась большая сумма денегъ въ раздачу на поминовеніе и подаянія, спѣшили пышными похоронами. Дѣдъ послалъ лекаря развѣдать о томъ подърукою и осмотрѣть тѣло; но лекарь явился къ осмотру вооруженный анатомическимъ ножомъ, какъ-будто имѣлъ приказаніе анатомировать тѣло. Всѣ знаютъ отвращеніе нашего русскаго народа отъ этой операціи, и потому лекаря одарили, съ тѣмъ, чтобъ онъ удостоѣвилъ въ дѣйствительной смерти усопшей. Онъ такъ и сдѣлалъ, и потому умершую отнесли въ церковь, отпѣли, заколотили гробъ,

вынесли и хотѣли уже опускать въ могилу, какъ вдругъ является дѣдушка со свитою, приказываетъ немедленно вытащить гробъ и отколотить его; самъ, къ ужасу предстоявшихъ, вскрываетъ крышу, снимаетъ покрывало, вглядывается въ лицо умершей и, призвавъ всѣхъ медиковъ и лекарей, какихъ только могли отыскать въ городѣ, объявляетъ имъ рѣшительно, что если они не оживятъ умершей, то онъ того лекаря, который посланъ былъ отъ него для осмотра тѣла, какъ убійцу, самого закопаетъ живаго въ могилу, а прочихъ велитъ судить какъ соучастниковъ въ убійствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ городничему приставить къ нимъ караулъ и не давать имъ ни пить, ни ѣсть, покамѣстъ они не воскресятъ умершей. «Что жъ ты думаешь?» заключилъ Николай Петровичъ: «вѣдь умершая—то ожила, разрѣшившись мертвымъ младенцемъ! Но съ-тѣхъ-поръ дѣду твоему житья не было: кто бы въ губерніи ни умеръ — къ нему гонецъ съ просьбою отъ родныхъ умершаго: «прикажи лекарямъ оживить покойника». Кто проситъ о родителяхъ, кто о дѣтяхъ; не случалось только, чтобъ мужья просили о воскрешеніи женъ; а что всего страннѣе, что отказъ твоего дѣда не считали отказомъ по невозможности исполненія, но по нежеланію. Съ тѣмъ онъ и вышелъ въ отстав-

ку, что не могъ разубѣдить въ своемъ всемогуществѣ. А если пошло на воспоминанія о твоихъ старикахъ, то знаешь ли, что за человекъ былъ прадѣдъ твой, Абрамъ Ивановичъ Спѣшневъ, котораго данковское имѣніе теперь принадлежитъ твоей матери и о которомъ, вѣроятно, она тебѣ сказывала? Онъ былъ отставной майоръ и добился этого чина, никогда не выѣзжая изъ-за межи своего села Ивановскаго, въ которомъ и умеръ, имѣя болѣе 80-ти лѣтъ отроду. Добрый и честный былъ человекъ, но такой чудакъ, какихъ теперь и въ Англии, землѣ чудаковъ по преимуществу, болѣе не сыщешь. У него была, во первыхъ, страсть крестить дѣтей, которыхъ для того свозили къ нему десятками изъ сосѣднихъ городовъ и всѣхъ окружныхъ селеній, потому-что онъ былъ довольно-щедръ на дары своимъ крестникамъ: давалъ имъ по рублю денегъ и снабжалъ ризками. Въ-особенности же любилъ быть воспріемникомъ у духовныхъ лицъ и каждому крестнику изъ этого званія жаловалъ на-зубокъ по десятинѣ земли, такъ-что, при кончинѣ его, вся дача вашего села Ивановскаго, какъ слышалъ я, изрѣзана была на сотню участковъ. Къ-счастью, все это, по-тогдашнему, дѣлалось на словахъ, и бабка твоя, войдя послѣ него въ наслѣдство, оставила землю за собою, а владѣльцевъ воз-

наградила небольшими деньгами; но главное-то заключалось въ томъ, что онъ въ уѣздѣ всѣхъ перероднилъ между собою до такой степени, что, лѣтъ 25 спустя послѣ его смерти, не находилось женихамъ невѣстъ и невѣстамъ жениховъ. Другую страсть имѣлъ онъ къ голубямъ и бѣлымъ иноходцамъ (на которыхъ, однакожь, никогда не ѣзжалъ), и по этому случаю рассказывали о немъ преуморительные анекдоты. Напримѣръ: конюхи и голубятники его, состоявшіе изъ самой продувной дворни, зная простодушіе своего барина, не пропускали ни одного праздничнаго дня, чтобъ не выманить у него или вина, или молока, или пшеничной муки, и проч., подъ предлогомъ, что все это нужно для его фаворитныхъ животныхъ. «Прикажите отпустить вина». — «А на что, братцы?» — «Да надобно вспрыснуть голубей: что-то запечалились, летать не стануть», и отказа не было. «Прикажите отпустить ведра два молока». — «А на что столько?» — «Да надобно вымыть иноходца». — «А воды-то въ Вязовнѣ мало?» — «Да нельзя, кормилецъ: иноходецъ бѣлый, такъ водой замараешь». — «Такъ бы и сказали; инъ возьмите».

У Фердинанда Литхенса завелись шурымуры: онъ нашелъ себѣ здѣсь Луизу, которой онъ очень нравится и распиваетъ съ нею

лимонать, разумеется, безъ яду, отпуская преуморительныя тирады; а Нето прикомандировался къ сестрамъ: онѣ не расстаются съ нимъ и дѣлають изъ него что хотятъ — выводятъ ему усы, водятъ его въ бумажномъ колпакѣ, одѣвають въ женское платье, а напередъ заставили его ѣздить на конюшенномъ козлѣ верхомъ по двору. Все это исполняетъ онъ съ удовольствіемъ — и совершенно-счастливъ!

Я продолжаю охотиться только по вечерамъ, когда спадетъ жаръ; утра же провожу въ галереѣ, или у кого-нибудь изъ знакомыхъ. Время летитъ быстро, незамѣтно: того-и-гляди, что меня скоро выпроводятъ отсюда. Но покаместъ я здѣсь, не хочу и думать о грустной минутѣ отъѣзда. Мнѣ приходитъ иногда желаніе съѣздить въ Задонскъ, который такъ близко отсюда: что-то неизвѣстное тянетъ меня поклониться гробу пресвященнаго Тихона, искренняго друга покойныхъ дѣда и бабки моихъ и настоящаго уврачевателя сердечныхъ и душевныхъ ихъ скорбей и болѣзней. Мнѣ стѣбитъ только заикнуться о томъ матушкѣ, такъ она сама не дастъ мнѣ покоя и будетъ торопить отъѣздомъ, а между-тѣмъ не хочется оставить и Липецка. Впрочемъ, на поѣздку нужно не болѣе двухъ сутокъ.

1-го августа, вторник.

Пелеринажъ свой кончилъ я въ три сутки и чрезвычайно имъ доволенъ, несмотря на нестерпимый жаръ и ужасную пыль, которые меня сопровождали во всю дорогу. Какъ чело-вѣку бываетъ легко, когда онъ исполнить обя-занность, приняту имъ на себя волею или неволею! точно душа изъ заперти выпускает-ся на волю.

Во время трехсуточного отсутствія моего въ здѣшнемъ обществѣ не произошло ника-кого измѣненія, и новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что Ив. Куз. Киселева наконецъ коро-че узнали, и теперь ни барыни, ни барышни не бѣгаютъ уже отъ его комплиментовъ, а, напротивъ, напрашиваются на нихъ. Послѣ лучезарнаго сіянія, которымъ попотчивалъ онъ княжну Гагарину, иначе и быть не мог-ло: «les sots sont ici bas pour nos menus plai-sirs» говоритъ графъ Gresset — Чернышевъ. Только воля ихъ, а мой Трофимъ Ѳедоро-вичъ, серьезно-убѣжденный и еще серьезнѣе убѣждающій, что *Рафаэль живописецъ хотъ бы ему подстать*, стѣдитъ десятка Киселе-выхъ. Я, наконецъ, залучилъ къ себѣ этого Трофима Ѳедоровича и нахожу, что, внѣ круга своего искусства, онъ очень-неглупый и дѣльный чело-вѣкъ. Къ-сожалѣнію, онъ по-чти не выходитъ изъ этого круга; теперь

началъ говорить , что какой-то новый живописецъ , Егоровъ , недавно-пріѣхавшій изъ чужихъ краевъ , можетъ-быть , современемъ замѣнить его.

Ну, не премилые ли люди эти всѣ Лабагы, и старикъ со старухою , и добрыя, болтливыя его дочери ? Какъ-то услышавъ отъ матушки , съ которою крѣпко подружились , что ей бы хотѣлось записать меня въ иностранную коллегію , они тотчасъ же поручили зятю своему, Ив. Петр. Эйнбродту, лейб-хирургу императрицы Маріи Федоровны, чтобъ немедленно хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ коллегію , и сегодня , когда я пришелъ благодарить ихъ и объявилъ, что я еще не уволенъ изъ университета и не имѣю аттестата, они мнѣ сказали , «что это ничего не значить», что пусть Эйнбродтъ все подготовитъ, *et quand vous recevrez vos papiers vous viendrez à Pétersbourg tout droit chez nous et vous serez inscrit au collège dans l'espace de 8 jours.*» Альбини утверждаетъ, что Эйнбродту легко это сдѣлать , но что и онъ , съ своей стороны, желалъ бы оказать мнѣ услугу и для этого предлагаетъ, по полученіи мною въ будущемъ мартѣ университетскаго аттестата , прислать его съ другими нужными бумагами прямо къ нему ; что онъ уже отдастъ ихъ Эйнбродту и вмѣстѣ съ нимъ по-

хлопочеть, чтобы меня опредѣлили въ службу заглазно, и затѣмъ вотъ что говорить онъ: «Et comme à la fin du mois d'avril, je devrai probablement revenir à Lipetz, alors ne serait-il pas possible d'arranger les choses de manière, que vous puissiez partir pour Pétersbourg ensemble avec moi, après la saison des eaux, car je serai enchanté d'être votre Cicero dans une ville, que vous ne connoissez pas encore et de vous faciliter les moyens de faire des bonnes connoissances». Боже мой! да это такое счастливое стеченіе обстоятельствъ, котораго я никогда не смѣлъ надѣяться и за которое не знаю какъ благодарить Провидѣніе.

И. Н. Ладыгинъ не даромъ племянникъ П. Л. Вельяминову, «музъ любителю», какъ называлъ его Державинъ, и ненапрасно онъ былъ домашнимъ человѣкомъ въ поэтическомъ кругу Н. А. Львова. Онъ самъ пишетъ недурные стихи, хотя, по скромности, и не любитъ всякому читать ихъ; во всѣхъ его стихотвореніяхъ проявляется мысль и чувство и эти достоинства могутъ извинить въ нихъ нѣкоторую неопредѣленность выражений и неправильность въ словоудареніи. Изъ числа этихъ стихотвореній мнѣ понравилось одно, подъ названіемъ *Соловей на могилѣ пльвицы*, написанное вотъ по какому случаю. Лѣтъ

двѣнадцать назадъ, авторъ былъ страстно влюбленъ въ К. П. С., милую и образованную дѣвицу — которая любила музыку, какъ онъ любилъ ее, т.-е. безъ памяти — имѣла прекрасный, обработанный голосъ и пѣла съ большимъ чувствомъ. Къ-несчастью, эта дѣвица неожиданно умерла и погребена въ деревнѣ у церкви, на родовомъ кладбищѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ея смерти, Ладыгинъ, проѣзжая поздно вечеромъ мимо кладбища, услышалъ соловья, распѣвавшаго на одной изъ березъ, окружавшихъ церковную ограду, и вотъ этотъ соловей сдѣлался сюжетомъ слѣдующей элегii:

Чѣмъ такъ громко, соловей,
 Стонешь надъ могилкой,
Гдѣ соперницы твоей
 Прахъ почіеть милой?
Иль ты хочешь, соловей,
 Ночи въ часъ унылой
Звучной пѣснiю твоей
 Разбудить прахъ милой?
Пѣсня сладостна твоя,
 Но стократъ нѣжитье
Раздавалась пѣснь ея,
 Слаще и милѣе!
Пѣсня дѣвы молодой
 Въ сердце западала,
Какъ воздушной аромъ строй
 Душу проникала.
Много, много вась, пѣвцовъ,
 Съ весною придутъ,

Но весна почившей вновь
Къ пѣснямъ не разбудитъ!
Голось смолкъ, погаснулъ взоръ;
Здѣсь она отпѣла
И къ пѣвцамъ безплотнымъ въ хоръ —
Въ небо улетѣла!

«Повѣрите ли» говорилъ мнѣ Ладыгинъ съ слезами на глазахъ, «что эти стихи вылились у меня изъ души тутъ же, въ самую минуту, какъ я проѣзжалъ мимо церкви, возлѣ которой погребена первая и послѣдняя любовь моя?»

Вѣрю!

6-го августа, воскресенье.

Вотъ сегодня ровно мѣсяць, какъ мы пріѣхали сюда, а мнѣ кажется, что я здѣсь только со вчерашнаго дня — такъ незамѣтно пролетѣло все это время. Намъ и въ голову не приходило бы возвращеніе въ Москву, еслибъ не письма Петра Ивановича, которыя постепенно пріучаютъ насъ къ идеѣ оставить Липецкъ: съ 17 числа начнутся курсы профессорскихъ лекцій и, по совѣсти, я долженъ бы поспѣть къ ихъ началу. Но что дѣлать? бывають такія обстоятельства, которыя разрушаютъ самыя благія намѣренія. Я отвѣчалъ П. Ив-чу, чтобы прежде 1-го сентября онъ меня не ждалъ.

Сегодня разгавливаются яблоками. Изъ окрестныхъ селеній навезли груды этихъ плодовъ , такъ-что не знаютъ куда съ ними дѣваться. Прїѣзжимъ запасать въ прокъ ихъ нельзя , а у коренныхъ липецкихъ жителей свои сады. Чтобъ помочь бѣднымъ крестьянамъ въ сбытѣ ихъ произведеній , на который они съ такою увѣренностью рзсчитывали, мы рѣшили съобрать подпискою нѣкоторую сумму и скупить привезенныя яблоки. Такъ и сдѣлали: всѣ охотно давали деньги , даже и самъ скупой Бологовскій предложилъ пять рублей въ коллекту безъ всякаго приглашенія красавицы Альбины , которой принадлежитъ эта филантропическая идея. Но что же дѣлать съ такимъ количествомъ яблокъ? Волшебница и тутъ нашлась: она рѣшила съобрать со всѣхъ дворовъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, и также пригласить дворовыхъ людей изъ свиты прїѣхавшихъ на воды господъ и раздѣлить имъ скупленные фрукты. Исполнителями этого распоряженія были Нето и Кузьмичъ , который , утративъ имя и оставшись при одномъ отчествѣ , рѣшительно дѣлается дамскимъ фаворитомъ и несетъ такую гиль , что перешеголялъ и самого Бородулина. А что ты скажешь про милую коллектрису? Какъ добрая душа пользуется всѣми случаями , чтобъ сдѣлать доброе дѣло !

Одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ, горный чиновникъ Матвѣевскій, у котораго теперь въ завѣдываніи небольшіе остатки бывшаго здѣсь нѣкогда огромнаго чугуннаго завода, желая удивить насъ своимъ хозяйствомъ, принесъ огромное яблоко, около двухъ фунтовъ вѣсомъ, и рассказывалъ способъ, какой употреблялъ онъ для произведенія плода такой чудной величины. Для этого онъ выбиралъ молодое и сильное деревцо во время его цвѣта и, не допуская цвѣтъ до завязи, общипывалъ его весь, кромѣ трехъ или четырехъ цвѣточковъ, которые и оставлялъ цвѣсти до-тѣхъ-поръ, покамѣстъ сдѣлается въ нихъ завязь. Изъ этихъ трехъ или четырехъ завязей онъ уже выбиралъ самую полную и сочную, и, оставляя ее одну, уничтожалъ другія? Этимъ способомъ производилъ онъ всѣхъ родовъ плоды необыкновенно-крупные. Матушка не хотѣла отстать отъ опытнаго садовода и снабдила его огромнымъ домашнимъ арбузомъ, слишкомъ въ пудъ вѣсомъ, прекраснѣйшаго вкуса.

На вопросъ мой, откуда брали дрова для чугуннаго завода, когда вокругъ Липецка я не видалъ ни одного крупнаго дерева, Матвѣевъ мнѣ сказалъ, что все пространство за озеромъ, которое съ горы теперь представляется пустынею и простирается верстъ на 20 до

самаго селенія Ольшанки , было нѣкогда непроходимымъ боромъ , въ которомъ водились медвѣди и росомахи , и что онъ самъ даже запомнить много лѣсовъ по ту сторону озера ; что причиною истребленія этихъ лѣсовъ въ такое непродолжительное время была прежде неумѣренная , сплошная рубка дровъ для завода , безъ раздѣленія на лѣсосѣки , а послѣ неограниченное поущеніе всякому рубить сколько душѣ угодно. Жаль ! Какой , думаю , великолѣпный былъ прежде видъ съ горы , когда это неподобное озеро окаймлялось густымъ лѣсомъ и эта тенерешняя липецкая Ливія отънялась зелеными рощами !

12-го августа, суббота.

Во вторникъ назначенъ въ галереѣ танцевальный пикникъ. Это затѣи графа Чернышева , къ величайшему удовольствію всей липецкой публики , молодыхъ людей и стариковъ , изъ которыхъ рѣдкіе , вопреки общему мнѣнію , нерады чужой радости и невеселы чужимъ весельемъ. Между-тѣмъ этотъ пикникъ насъ не очень занимаетъ : у насъ ежедневно свои домашніе танцы подѣ фортепяно Димлера : сестры , нѣсколько ихъ пріятельницъ , очаровательная Альбини , безпечный Нето , веселый трагикъ , Логомахъ-Кузьмичъ , двое молодыхъ , застѣнчивыхъ сосѣдей , валь-

сирующихъ мастерски, и я на подставу: балъ хоть куда, а затѣмъ — кто во что гораздъ!

Но въ этихъ непрерывныхъ удовольствіяхъ повременамъ возстаетъ предо мною угрожающій призракъ: мысль о приближающемся отъѣздѣ. Что же! нельзя, чтобъ счастье было продолжительнымъ, иначе, оно не было бы счастьемъ. Однакожь, кто знаетъ? для меня въ Липецкѣ открылась какая-то новая перспектива: не знаю, куда приведетъ она, но я исполненъ отрадныхъ надеждъ и твердо рѣшился идти по ней.

Сейчасъ получилъ твое письмо, Ну, не грѣшно ли церемониться и не сказать прямо: «пришли мнѣ Дурака». Чтобы угодить тебѣ какъ-можно-скорѣе, отецъ нынче же посылаетъ нарочнаго въ твое Никольское за Гаврилою, по прибытіи котораго онъ немедленно отправленъ будетъ къ тебѣ на почтовыхъ съ Дуракомъ № 2-й.

16-го августа, среда.

Я такъ недолго здѣсь пробуду, что надобно забыть объ охотѣ, и потому рѣшился послать къ тебѣ оба №№ моихъ Дураковъ съ тѣмъ, что еслибъ на будущій годъ мнѣ случилось опять сюда приѣхать, то ты пришлешь мнѣ одного изъ нихъ на то время, которое я здѣсь пробыть могу. Отецъ снаря-

диль тебѣ славнаго верховаго горца, котораго подарилъ ему Л. Д. Измайловъ, въ припадкѣ излишней щедрости. Увѣдомь, когда и съ кѣмъ велишь прислать его. Мнѣ кажется, что тотъ же Гаврикъ можетъ исполнить это порученіе. Вѣроятно, ты спросишь: отчего я полагаю быть опять здѣсь въ будущемъ году? Вотъ отчего: матушка имѣетъ довѣренность къ Альбини и чувствуетъ себя лучше здѣсь, чѣмъ въ Ивановскомъ; сестрамъ веселѣе, а въ прожиткѣ большой разницы нѣтъ: также все почти свое — деревня подъ руками.

Пикникъ удался какъ-нельзя-лучше: время благопріятствовало; танцовали много; полдникъ былъ преизобильный; въ заключеніе пускали небольшой фейерверкъ. При первой ракетѣ я вспомнилъ Брандштедтеровъ и любимое ихъ лакомство — лагушекъ, которыхъ въ здѣшнемъ озерѣ бездна. Кстати объ озерѣ: какъ жаль, что здѣсь вовсе нѣтъ никакихъ средствъ для прогулокъ по водѣ: не только шлюбки, но и простой порядочной лодки найти нельзя!

Историкъ Гиббонъ и медикъ Тиссотъ имѣли склонность къ какой-то красавицѣ, помнится, леди Форстеръ, и ревновали ее другъ къ другу. Разумѣется, при каждомъ ихъ свиданіи у предмета ихъ страсти не об-

ходило безъ взаимныхъ колкостей. Однажды, когда Гиббонъ, по желанію леди, читалъ ей отрывки изъ своей исторіи, Тиссотъ сказалъ ему: «Господинъ историкъ, когда леди Фостеръ занеможетъ отъ скуки, слушая васъ, я ее вылечу» — «Господинъ медикъ» отвѣчалъ Гиббонъ: «когда леди Фостеръ умретъ отъ вашего леченья, я сдѣлаю ее безсмертною».

Нѣчто подобное случилось со мною.

Гиббонъ-Лабатъ и Тиссотъ-Альбини, въ порывахъ своего доброжелательства ко мнѣ, заспорили вчера о той карьерѣ, которую я избрать долженъ, и о средствахъ выйти въ люди. Альбини говорилъ, что вообще, для успѣховъ въ службѣ, мнѣ полезнѣе будутъ занятія серьезныя, и что я долженъ продолжать учиться; а Лабатъ утверждалъ, въ качествѣ француза *de la vieille Roche*, что все это вздоръ, и что, для успѣховъ по службѣ, мнѣ скорѣе нужна благосклонность общества и особенно женщинъ. «Но знаете ли вы, генераль» возразилъ Альбини, «что ваши совѣты могутъ вскружить ему голову, и тогда мнѣ придется лечить его отъ разсѣянія!» — «А знаете ли вы, докторъ» отвѣчалъ живой старикъ, «что когда отъ вашихъ, совѣтовъ онъ будетъ въ чахоткѣ, тогда я, мимо васъ, вылечу его разсѣяніемъ».

24-го августа, четверг.

Вотъ тебѣ послѣднее мое донесеніе изъ Липецка. Мы выѣзжаемъ послѣзавтра или, наипозже, въ воскресенье, 27 числа, прямо въ Москву, не заѣзжая въ деревню. Мои остаются еще здѣсь на недѣлю. Всѣ мы, отъѣзжающіе и остающіеся, грустны до-того, что даже прогулки наши прекратились. Сегодня сдѣлалъ я нѣсколько церемоніальныхъ прощальныхъ визитовъ, а завтра сдѣлаю остальные, нецеремоніальные.

Н. П. Архаровъ сказывалъ, что война съ французами у насъ неизбежна, потому — что государь, по милосердію своему, вѣрно захочетъ помочь нѣмцамъ; иначе они пропали. Старикъ читаетъ иностранныя газеты и постоянно слѣдитъ за политическими происшествіями въ Европѣ, а сверхъ того, и по положенію своему имѣетъ случай знать больше другихъ; слѣдовательно, ему можно вѣрить.

Съ нами по пути ѣдетъ до Лебедяни отставной мичманъ Андреевъ, довольно-бодрый старикъ и чудакъ преуморительный. По мнѣнію его, вся природа измѣнилась теперь къ худшему, а люди стали обезьянами. «Господи, воля твоя! что это за господа бывали встарину!» говоритъ онъ. «Вотъ, на примѣръ, хоть бы взять покойника дѣда твоего, князя Гаврила Ѳеодорыча Борятинскаго —

царство ему небесное — ужь подлинно былъ настоящій баринъ: человекъ серьёзный, тучный, грузный; бригадиръ; ходилъ всегда съ натуральною тростью съ золотымъ набалдашникомъ; сюртукъ на немъ свѣтлозеленый съ красными обшлагами — что твоя риза: нынѣшнихъ три выкроить можно. Бывало, кто хочетъ ему кланяться, а онъ только-что кивнетъ головою; а какъ задумаетъ въ гости къ воеводѣ, либо къ какому сосѣду на храмовый праздникъ, такъ сборы-то и пойдутъ еще съ вечера: призоветъ дворецкаго, да при немъ и учнетъ приказывать кучерамъ: подь такой-то лакипажъ такую — то шестерню, а подь такой-то такую-то. Самъ, бывало, сядетъ съ княгинею въ линею на шестеркѣ пѣгихъ... А теперъ что? ничего, такъ, стрень-брень. Вотъ я тебѣ расскажу, какъ онъ встрѣчалъ изъ похода сына своего, князя Михайла, что опосля съ ума сошелъ...»

Эту исторію я не далъ рассказывать мичману, потому-что мнѣ теперъ некогда слушать, да надобно же и приберечь что-нибудь для дороги. Если рассказъ о нашемъ дѣдушкѣ покажется мнѣ сколько-нибудь занимательнымъ, то сообщу его тебѣ изъ Москвы.

Прости!

3-го сентября, воскресенье.

Мы приѣхали третьягодня. Петръ Ивановичъ обрадовался мнѣ, какъ родному брату. Онъ не понимаетъ, что меня могло задержать такъ долго и какъ столько времени я могъ оставаться въ совершенной праздности, и всю вину сваливаетъ на моихъ товарищей. Я увѣряю, что, напротивъ, всему причиною одинъ я; и это совершенно-справедливо, потому-что, насчетъ отъѣзда, мои товарищи были всегда въ моемъ распоряженіи.

Между-тѣмъ говори что хочешь, а у меня тоска по Липецку; авось не разобьютъ ли ее лекціи, на которыя начну ѣздить съ завтрашняго дня. Я пропустилъ ихъ немного и, при небольшомъ прилежаніи, въ недѣлю войду опять въ свою колею.

Говорятъ, что на роли старухи *m-me Lavandaise*, игравшей любовницъ, и даже «Федру» !!, приѣхала новая актриса. Надлежало бы взглянуть на нее, но я далъ себѣ слово нынѣшній мѣсяць не заниматься театромъ, и развѣ съѣзжу посмотрѣть «Эдипа въ Афинахъ», котораго скоро давать будутъ. Правда, надобно однажды побывать и у нѣмцевъ, чтобъ они не думали, что я ихъ забылъ. Роли *m-lle Stein* заняла *m-me Schröder*, тоже очень-пріятная и миловидная актриса, съ хорошимъ голосомъ.

Нетерпѣливо жду отъ тебя писемъ: хочется знать, доволенъ ли ты мною.

А знаешь ли, что недоразсказанная исторія о сіятельномъ предкѣ не безъ интереса? Въ этой встрѣчѣ, которую сдѣлалъ старикъ проказнику-сыну, много характеристическаго. Когда-нибудь я передамъ ее словами самого рассказчика.

7-го сентября, четвергъ.

Весь городъ толкуеть о войнѣ: ненависть къ Бонапарте возрастаетъ, между-тѣмъ, какъ любовь къ государю доходитъ до обожанія и довѣренность къ нему безпредѣльна. Не умѣю выразить тѣхъ чувствъ, которыя одушевляють каждаго при чтеніи указа отъ 1-го сентября, о рекрутскомъ наборѣ, въ которомъ государь изволить говорить, что «не можетъ равнодушно смотрѣть на опасности, угрожающія Россіи, и что безопасность имперіи, достоинство ея, святость союзовъ и желаніе, единственную и непремѣннуюцѣль государясоставляющее — водворить въ Европѣ на прочныхъ основаніяхъ миръ—рѣшили его двинуть нынѣ часть войскъ за границу и сдѣлать къ достиженію намѣренія сего новыя усилія».

Ну, какъ при этомъ случаѣ не вспомнить пророческихъ стиховъ вдохновеннаго Державина о государѣ:

Не на словахъ ты милосердье,
Покажешь на дѣлахъ твоихъ;
.
Посадишь Мудрость ты съ собою
Велишь ей научать себя,
Пройдешь съ народною толпою —
Проникнетъ правда до тебя;
Ты въ мирѣ брашь готовить станешь,
Войну обымешь тишиной.

Наконецъ, вотъ и письмо твое! Сердечно-радь, что ты мною доволенъ, но за-то я не очень-доволенъ собою: занимаюсь прилежно, чтобъ управиться съ пропущенными лекціями, да туго идетъ — избаловался.

Вчера утромъ ѣздилъ я къ П. Т. Бородину съ письмомъ отъ М. А. Устинова, для получения 300 руб. въ число денегъ, слѣдующихъ отцу за вино. Меня ввели въ тотъ самый кабинетъ, въ которомъ зимою, во время бала, происходила такая ужасная игра въ банкъ. Откупщикъ, какъ видно, съ-похмѣлья, сидѣлъ въ креслѣ, и какой-то домашній эскулапъ-нѣмецъ щупаль у него пульсъ: «нѣтъ принимать лекарства. Я пропишетъ фамъ габли». — «А какъ принимать ихъ?» — «На сахаръ». — «Дуракъ, братъ, нѣмецъ: я, вѣдь, не ребенокъ». — «Ну, на вода». — «Совсѣмъ, братъ, дуракъ. Пей воду самъ». — «Пошалуй съ водка». — «Ну, такъ бы и сказала, любезный другъ!»

Хорошъ пациентъ, да и лекарь недурѣнъ!

Штейнбергъ говоритъ, что желалъ бы сдѣть свой театръ, потому-что не хватаетъ здоровья и силъ на исполненіе двойкой обязанности: директора и актёра. Кажется, А. М. Муромцову хочется попасть въ театральные султаны: онъ крѣпко увивается около Штейнберга; но съ такимъ директоромъ театръ уйдётъ недалеко, также, какъ и онъ самъ недалеко уйдётъ съ театромъ: всѣ утверждаютъ, что состояніе разстроится непременно.

12-го сентября, вторникъ.

На вопросъ Ив. Ив. Дмитріева у пріѣхавшаго изъ Петербурга г. Максимовича, служащаго въ комиссіи составленія законовъ, что дѣлаютъ тамошніе литераторы и въ-особенности Державинъ, Максимовичъ отвѣчалъ, что, «по слухамъ, онъ сочиняетъ какую-то оперу, въ родѣ Метастазія...» — «Развѣ въ родѣ безобразія» возразилъ Дмитріевъ.

Иванъ Ивановичъ не можетъ скрыть своего сожалѣнія, что величайшій лирической поэтъ нашего времени на старости лѣтъ предпринимаетъ сочиненія, совершенно-несвойственныя его гению: пишетъ и даже переводитъ трагедіи, комедіи и оперы въ подрывъ своей славы, которою Иванъ Ивановичъ, какъ старинный его пріятель и усердный почитатель

его таланта, такъ дорожить, что желалъ бы видѣть ее неприкосновенною для критики.

Англоманъ Н. М. Гусятниковъ много рассказывалъ о покойномъ графѣ Фѣдорѣ Григорьевичѣ Орловѣ, который, по его словамъ, былъ человѣкъ большого природнаго ума, сильнаго характера, простъ въ обхожденіи и чрезвычайно оригиналенъ иногда въ своихъ мысляхъ, сужденіяхъ и образѣ ихъ изъясненія. Напримѣръ, онъ никогда не предпринималъ ничего не посоветовавшись съ кѣмъ-нибудь однимъ, но терпѣть не могъ совѣтоваться со многими, говоря: «умъ — хорошо, два — лучше, но три съ ума сведуть». Онъ уважалъ науки и искусства, но называлъ ихъ *прилагательными*; *существительною* же наукою называлъ одну *фифіологію*, то — есть умѣнье пользоваться людьми и своевременностью, равно какъ и важнѣйшимъ изъ искусствъ — искусство терпѣливо сидѣть въ засадѣ и ловить случай за шиворотъ.

Получено извѣстіе, что государь выѣхалъ уже изъ Петербурга. Общія усердныя молитвы и благословенія сопровождаютъ нашего ангела во плоти, какъ величаетъ его Москва.

На-дняхъ провожали мы въ С.-Петербургъ П. С. Молчанова. Вотъ распремилый-то человѣкъ! Иванъ Ивановичъ говоритъ, что онъ непременно будетъ статс-секретаремъ,

о чемъ сказывалъ ему графъ Н. П. Румянцевъ, который рекомендовалъ его государю. Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ и Александръ Андреевичъ Беклешовъ любятъ его, какъ душу. Иванъ Ивановичъ совѣтуетъ мнѣ держаться этого знакомства, которое можетъ современемъ быть для меня чрезвычайно-полезнымъ.

16-го сентября, суббота.

Сегодня на французскомъ театрѣ дебютъ *Девремона* въ пяти пьесахъ: «Le marquis par hasard», «Le galant Savetier», «Mr et m-me Fatillon», «Le remouleur et la meunière» и «La Dinde du mans». И слѣдовало бы поѣхать, но не поѣду: въ будущемъ предстоитъ слишкомъ-много удовольствій, а можетъ-быть, и счастья. Потерпимъ, reculons pour mieux sauter. Я теперь бы съ удовольствіемъ съѣздить къ Троицъ-Сергію помолиться угоднику — вотъ куда меня тянетъ! Никогда не чувствовалъ я такой полноты сердца, какъ теперь: знаю, что безъ молитвы его не оперожнишь, а для молитвы здѣсь я какъ-то разсѣянъ. Непременно въ будущую субботу поѣду.

Добрѣйшіе Лабаты пріѣхали изъ Липецка и завтра отправляются въ Петербургъ. Они сказывали, что Альбини будетъ сюда къ 1 октября и, по желанію матушки, остановится у

насъ въ домъ, чего сами они не могли сдѣлать, потому—что не хотѣли пребыть здѣсь болѣе сутокъ; просили прислать какъ-можно-скорѣе нужныя бумаги для опредѣленія въ службу.

Говорятъ, что какой-то Ламбертъ нашелъ средство управлять воздушнымъ шаромъ и общаетъ произвести опытъ въ Парижѣ. Онъ намѣренъ отправиться изъ Тиволи, опуститься на куполь инвалидной церкви и потомъ отправиться въ Версаль и проч. П. И. Страховъ увѣряетъ, что это не что иное, какъ шарлатанство и состояться не можетъ; но Андрей Чеботаревъ, великій физикъ, химикъ и алхимикъ, который ни въ чемъ не сомнѣвается и почитаетъ все возможнымъ, утверждаетъ, что онъ самъ добирается уже до этой тайны. Желаю успѣха!

Москва наполняется помаленьку: на улицахъ замѣтно больше движенія; но изъ моихъ короткихъ знакомыхъ почти никого еще нѣтъ.

19-го сентября, вторникъ.

А. А. Беклешовъ получилъ извѣстie, что графъ Платонъ Александровичъ Зубовъ имѣлъ счастie 11-го числа сего мѣсяца угощать государя въ витебскомъ имѣнii своемъ Усвятѣ, въ самомъ томъ домѣ, въ которомъ останав-

ливалась императрица Екатерина Великая въ 1780 и 1786 годахъ. Графъ Зубовъ такъ былъ восхищенъ пребываніемъ въ его домѣ государя , что воздвигаетъ памятникъ , въ видѣ обелиска , съ надписью , которой я добыть не могъ , хотя она и ходитъ въ англійскомъ клубѣ по рукамъ. Говорятъ , что 17 числа государь назначилъ быть въ Пулавѣ , у князя Чарторижскаго , который сопровождаетъ его въ путешествіи. Въ Пулавѣ соберется вся польская знать и всѣ извѣстныя красотою и любезностью женщины тамошняго края. Государя всюду носятъ на рукахъ. Отраднo и весело слышать !

Дѣдушка видѣлъ репетицію «Эдипа» и увѣряетъ , что такой трагедіи на русскомъ языкѣ не бывало. Онъ въ восхищеніи отъ стиховъ и отъ самаго содержанія трагедіи ; но игрою актёровъ не очень-доволенъ. Говоритъ , что , «кажется , не понимаютъ ролей своихъ , а вразумить некому: кто въ лёсъ , кто по дрова». Представленіе назначено 27 числа. Очень-любопытно видѣть Воробьеву въ греческомъ костюмѣ. Слава Богу , что играетъ не Караневичева !

Теперь ужъ нѣтъ сомнѣній , что русскій театръ въ будущемъ году поступитъ въ вѣдомство императорской театральной дирекціи , отъ которой и назначенъ будетъ директоръ.

Актёры чрезвычайно-довольны ; къ довершенію ихъ благополучія, имъ объявлено , что все время бытности ихъ въ званіи актёровъ будетъ зачтено имъ въ срокъ , назначенный для получения пенсіоновъ ; слѣдовательно, прежніе труды ихъ не пропадутъ. Драматическіе авторы также радуются. Я видѣлъ Н. И. Ильина и В. М. Оедорова , которые утверждаютъ , что теперь драматическая литература въ Москвѣ очень оживится и получитъ настоящіе , свойственные ей размѣры , потому-что всякій сочинитель будетъ знать, съ кѣмъ имѣть дѣло.

21-го септября, четвергъ.

Вмѣсто субботы, отправляюсь къ Троицѣ завтра и пробуду тамъ до понедѣльника, то-есть 25-го числа, потому-что это день праздника преподобнаго Сергія, и митрополитъ будетъ отправлять службу соборомъ. Буньковский ямщикъ подрядился свозить меня взадъ и впередъ за 15 руб. съ тѣмъ, чтобъ ѣхать на тройкѣ, останавливаться въ Пушкинѣ для корма не долѣе двухъ часовъ, отъ Троицы съѣздить въ Виѣанію и наконецъ возвратиться въ Москву во вторникъ, не позже 8 часовъ утра. Дорого, да по-крайней-мѣрѣ покойно и безъ хлопотъ.

Воздушныя путешествія входятъ у насъ въ

моду. Вотъ и еще новый воздухоплаватель : какой-то *Кашинскій* объявляетъ о своемъ полетѣ и приглашаетъ съ собою попутчика ; но если съ самимъ Гарнеренемъ никто изъ москвичей летѣть не рѣшился, то кто же вѣрится малоизвѣстному человѣку ? Сказывали, что въ Петербургѣ съ Гарнеренемъ леталъ генералъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, бывшій некогда фаворитомъ князя Потемкина, большой острякъ, и что, по этому случаю, другой, такой же острякъ, Александръ Семеновичъ Хвостовъ, напутствовалъ его, вмѣсто подорожной, слѣдующимъ экспромптомъ :

Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ
Просить боговъ
О заплата долговъ.

на что генералъ, садясь въ гондолу, отвѣтствовалъ безъ запинки такими же рифмами :

Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ,
Хвосты есть у кнутовъ —
Берегись Хвостовъ !

Я досталъ надпись, которая должна быть вырѣзана наobeliskѣ, сооружаемомъ графомъ Зубовымъ въ память пребыванія государя въ Усвятѣ. Вотъ она :

« Великій Государь Императоръ Александръ.

«I-й присутствіемъ своимъ сентября 11 дня
«1805 года ознаменовалъ память двукратнаго
«присутствія 1780 и 1786 годовъ Великія
«Государыни Императрицы Екатерины II, на
«семь мѣстѣ облагодворившей присоединеніемъ
«подъ державу свою жребій народовъ оттор-
«женныхъ, нынѣ блаженствующихъ».

Чувства и мысль есть; но мнѣ кажется,
что, по важности случая, надпись требовала
бы выраженій сильнѣйшихъ въ слогъ лапи-
дарномъ.

26-го сентября, вторникъ.

Трои сутки на ногахъ, почти не отдыхая.
Вчерашнюю ночь всю въ дорогѣ, сегодняшнее
утро проболталъ, рассказывая Петру Ивано-
вичу свои походы и — ничего не усталъ:
бодръ и здоровъ, какъ говорятъ нѣмцы: ganz
munter. А отчего? оттого, что все дѣлалъ по
влеченію сердца. Чувствую себя довольнымъ
и счастливымъ; на сердцѣ легко. Богъ вѣсть,
продолжится ли только это состояніе сердеч-
наго блаженства!

У Троицы насмотрѣлся, наслушался и на-
молился вдоволь. А сколько воспоминаній!
Четыре года прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ, при
вступленіи моемъ въ пансіонъ Ронка, матуш-
ка возила меня къ Троицѣ за благословеніемъ
преподобнаго чудотворца. Въ теперешнюю

поѣздку мнѣ хотѣлось непременно совершить пелеринажъ мой по прежнимъ слѣдамъ моимъ. Пріѣхавъ въ пятницу, я началъ съ молебна, прикладывался къ ракъ угодника, удостоился прикоснуться губами къ деревянному гробу его и затѣмъ, въ субботу, ѣздилъ въ Виоанію — словомъ, все исполнилъ точно такъ же, какъ и въ первую поѣздку, по матушкиному указанію. Въ Виоаніи встрѣтилъ митрополита во время его прогулки. Онъ часто останавливался, подзывалъ къ себѣ проходящихъ, раздавалъ какія-то приказанія, вѣроятно, по случаю наступающаго въ лаврѣ праздника, и долго разговаривалъ съ семинаристами. Преосвященный Платонъ показался мнѣ древнимъ Платономъ, бесѣдующимъ въ аѳинской академіи съ своими учениками; только я увѣренъ, что языческій Платонъ не былъ такъ благообразенъ и не имѣлъ такой силы убѣжденія, какъ нашъ Платонъ, христіанскій. Про него, не обинуясь, сказать можно: *поучаетъ—яко власть имѣя.*

Въ лавру преосвященный переѣхалъ въ воскресенье ко всенощной, а вчера, въ день праздника, служилъ литургію и говорилъ поученіе, котораго я, стоя, за тѣснотою, далеко, разслушать не могъ. Стеченіе поклонниковъ было чрезвычайное: настоящій христіанскій праздникъ.

Эпоха перваго переселенія изъ деревень въ столицу наступила : многіе возвратились уже изъ подмосковныхъ ; теперь потянутся помѣщики изъ степныхъ деревень ; на-дняхъ ожидаютъ Лобковыхъ. Очень желаю видѣть остроглазую Арину Петровну : перестанетъ ли она издѣваться надо мною ? — Едва-ли. Впрочемъ, теперь пусть забавляется : угаръ проходитъ, если ужь не прошелъ совсѣмъ.

28-го сентября, четвергъ.

Дѣдушка правъ : такой трагедіи , какова «Эдипъ въ Афинахъ», конечно, у насъ никогда не бывало ни по стихамъ, ни по правильному расположенію. Последнее достоинство соблюдено въ ней отъ первой до последней сцены — а это главное ; стихи безподобные ; дѣйствующія лица говорятъ всѣ собственнымъ имъ языкомъ, безъ чего, впрочемъ, стихи не были бы и хороши ; мысли прекрасныя, чувства бездна ; есть сцены до-того увлекательныя , что невольно исторгаютъ слезы ; никакой напыщенности : все такъ просто, естественно — словомъ, «Эдипъ» такое произведение, отъ котораго нельзя не быть въ восхищеніи. Театръ былъ полонъ — ни одного пустаго мѣста, и восторгъ публики былъ единодушный. Плавильщиковъ, игравшій роль Эдипа, былъ большею частью хорошъ, а въ нѣ-

которыхъ сценахъ даже превосходень : въ 4
явленіи втораго дѣйствія, когда онъ узнаётъ,
что находится близъ храма Эвменидъ :

«Храмъ Эвменидъ! Увы! я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отщепеніемъ ко мнѣ» и проч.

онъ, кажется мнѣ, слишкомъ горячился, но
за-то съ какимъ высокимъ чувствомъ печаль-
наго воспоминанія сказалъ онъ слѣдующую
тираду :

«Гора ужасная, несчастный Кнэеронъ,
«Ты первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
«Куда на страшну смерть извлекъ меня родитель» и проч.
или :

«Видала ль ты, о дочь! когда извергнуть волны
. обломки корабля?
. Вотъ жизнь теперь моя!

но верхомъ совершенства игры его была сце-
на съ Полиникомъ, въ которой онъ точно вы-
казалъ дарованіе необыкновенное и былъ пре-
имуществвенно превосходень :

«Зри руки ты мои, прошеньемъ утомленны,
«Ты зри главу мою, лишенаю волосъ:
«Ихъ изсушила скорбь и вѣтеръ ихъ разнёсъ.
или :

«. . . . Тебя земля не приметъ :
«Изъ вѣдръ отвергнетъ трупъ и смрадь его обыметъ!»

Я не могъ хорошо запомнить стиховъ, по-
тому-что плакалъ, какъ и другіе, и это слу-

чилось со мною въ первый разъ въ жизни, потому-что русская трагедія досель къ слезамъ не приучала.

За-то какой Креонъ Колпаковъ! какой Полиникъ Прусаковъ! какая Антигона Воробьева и какой Тезей! Правда, Тезей — Зловъ, туда и сюда: немного холоденъ, немного на ходуляхъ, по-крайней-мѣрѣ несмѣшонъ. При слѣдующихъ стихахъ, которые произнесъ онъ недурно:

. Мой мечъ союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ,
Гдѣ на законахъ власть царей установлена,
Сразить то общество не можетъ и вселенна»,

театръ поколебался отъ рукоплесканій и криковъ: «браво» и проч. Спасибо нашей публикѣ, которая, какова ни есть, не пропускаетъ, однакожь, ничего, что только можетъ относиться къ добродѣтелямъ обожаемаго нашего государя.

Матушка пишетъ, что послѣзавтра долженъ пріѣхать Альбини, и чтобъ я приготовилъ имъ спокойное помѣщеніе и угостилъ ихъ какъ-можно-радушнѣе и лучше. Объ этомъ мнѣ напоминать нечего: мы съ Петромъ Ивановичемъ не занимаемъ и половины дома; слѣдовательно, всѣ остальные комнаты къ услугамъ любезнаго доктора и распремилой его подруги. Что же касается угощенія, то объ

этомъ я также давно позаботился : отъ кис-
лыхъ щей до разныхъ медовъ и наливокъ —
всего приготовлено вдоволь, а о кушаньѣ не-
чего и говорить : однихъ развѣ фазановъ не
будеть. Сколько бы ни пробыли здѣсь они, не
почувствуютъ рѣшительно ни въ чемъ недо-
статка ; даже снарядилъ для нихъ и карету.
Итакъ, милости просимъ желанные гости !

1-го октября, воскресенье.

Всюду толки объ «Эдипѣ» и, странное дѣ-
ло ! есть люди, изъ числа старовѣровъ литера-
турныхъ, которые находятъ, что какая-нибудь
«Семира» Сумарокова, или «Рославъ» Княж-
нина больше производятъ эффекта на сценѣ,
чѣмъ эта неподобная трагедія. Мнѣ кажется,
что можно безумствовать такъ изъ одного
только упрямства. Всѣ лучшіе литераторы :
Дмитріевъ, Карамзинъ, Мерзляковъ, отдають
полную справедливость автору ; да и нельзя :
трудъ его достоинъ не токмо хвалы, но и
уваженія : до него никто у насъ на театрѣ
не говорилъ еще такимъ языкомъ ; и тѣ, ко-
торые показываютъ видъ, что предпочитаютъ
ему Сумарокова и Княжнина, дѣйствуютъ не
весьма-добросовѣстно, потому-что, хотя и за-
прещается спорить о вкусахъ, но это запре-
щеніе относится скорѣе къ огурцамъ и арбу-
замъ и прочему, нежели къ произведеніямъ

ума. Впрочемъ, и то сказать : если человекъ иногда можетъ быть вещественно-близорукъ, косоглазъ и даже слѣпъ, то почему жь ему не быть близорукимъ, косоглазымъ и слѣпымъ и въ нравственномъ отношеніи ? А если допустить это, пословица выйдетъ справедлива : о вкусахъ не спорь.

Какъ жаль, что Озеровъ, при сочиненіи прекрасной тирады проклятія Эдипомъ сына, не имѣлъ въ виду превосходныхъ дантовыхъ стиховъ, которые такъ были бы кстати и такъ согласовались бы съ положеніемъ самого Эдипа, испытывающаго на себѣ всѣ бѣдствія, имъ сыну предрекаемыя :

«Tu proverai si come sà di sale
Il pane altrui и проч. и проч.

То-есть :

«Ты испытаешь, какъ солонъ чужой хлѣбъ и какъ жестки ступени чужаго крыльца ; но, что еще болѣе для тебя будетъ тягостнымъ, это — скучное и развратное общество, въ которое ты впадешь и которое, несмотря на свою гнусность, неистовство и безбожіе, обратится , однакожь , противъ тебя и посмѣется надъ тобою.»

Въ этомъ сухомъ и плохомъ переводѣ нѣтъ и тѣни тѣхъ красотъ , которыя заключаются въ строфѣ божественнаго Данта ; но геній

Озерова умѣлъ бы облечь этотъ скелетъ въ надлежащій образъ и вдохнуть въ него жизнь и движеніе.

Сегодняшній спектакль на Петровскомъ Театрѣ, несмотря на воскресенье, отмѣненъ, по причинѣ—такъ гласить афиша—*воздушнаго путешествія г. Кашинскаго, предпринимаемаго имъ во второй разъ*. Хороша причина!

3-го октября, вторникъ.

Альбини пріѣхали сегодня къ обѣду и пробудутъ до 7-го числа. Комнатами и устройствомъ помѣщенія чрезвычайно — довольны. Обѣдъ былъ превкусный, а съ дороги, послѣ трехдневной голодухи, показался имъ еще вкуснѣе. Петръ Ивановичъ въ восхищеніи отъ петербургской красавицы; да иначе и быть не можетъ. У Альбини здѣсь много дѣлъ, и онъ долженъ выѣзжать безпрерывно. Не знаю, буду ли умѣть занять милую гостью, которая все это время должна оставаться одна; но, во всякомъ случаѣ, постараюсь и даже приглашу Снѣгиря — Нето летать къ намъ почаще: онъ знакомъ уже съ нею и бываетъ забавенъ.

5-го октября, четвергъ.

Вчера ѣздили въ нѣмецкій театръ, а сегодня возилъ гостей смотрѣть «Эдипа». Милая

докторша находить, что мадамъ Шредеръ играетъ Русалку нетокмо пріятнѣе, нежели въ Петербургѣ мамзель Брюкль ¹, которая, хотя имѣетъ и огромный голосъ, но за-то неловка и дурна собою, но даже лучше самой мадамъ Кафка. Отъ Штейнсберга въ восхищеніи: говорить, что лучше Минневарта видѣть невозможно и что онъ и въ Петербургѣ отличался въ этой роли, несмотря на то, что Линденштейнъ, который въ фарсахъ почитается несравненнымъ, игралъ Ларифари. Между прочимъ, они сказывали, что главною причиною удаленія Штейнсберга изъ Петербурга было соперничество его съ Линденштейномъ, потому-что директоръ нѣмецкаго театра, Мирè, передалъ Линденштейну половину ролей, занимаемыхъ Штейнсбергомъ. Я никакъ не предполагалъ, чтобъ Альбини посѣщали русскій театръ и видѣли «Эдипа» уже въ Петербургѣ. Они находятъ, что Плавильщиковъ въ «Эдипѣ» превосходитъ Шушерина, но что всѣ прочія роли играютъ въ Петербургѣ гораздо-лучше, и особенно роль Антигоны, которую исполняетъ воспитанница театральнаго школы, Семенова, съ необыкновеннымъ талантомъ.

¹ Впослѣдствіи мадамъ Линденштейнъ.

Мнѣ хотѣлось бы свозить гостей моихъ во французскій спектакль въ субботу, посмотрѣть двѣ очень-хорошія пьесы: «La femme, comme il y en a peu» и «Les folies amoureuses»; но, къ-сожалѣнію, они въ этотъ день намѣрены выѣхать.

Получено извѣстіе, что талантливая мамзель Штейнъ вышла замужъ за отличнаго актёра, Гебгардта, и принята на петербургскій нѣмецкій театръ, на которомъ мужъ ея занимаетъ амплу первыхъ любовниковъ. Говорятъ, что она съ каждымъ днемъ видимо совершенствуется, и что публика принимаетъ ее лучше, нежели мамзель Брюкль въ операхъ, и холодную красавицу мамзель Леве въ комедіяхъ и драмахъ. Пасторъ Гейдеке увѣряетъ, что если семейныя хлопоты и заботы не воспрепятствуютъ ей, она можетъ сдѣлаться первою актрисою Германіи.

Здоровье Штейнсберга чрезвычайно разстроивается, а между-тѣмъ онъ всякій разъ играетъ. Сдача театра Муромцову рѣшена. Хорошо будетъ управленіе!

6-го октября, пятница.

Сегодня посѣщали Альбини многіе изъ здѣшнихъ почетныхъ медиковъ. Странное дѣло! Никто лучше ихъ не знаетъ, что дѣлается въ свѣтѣ, оттого ли, что они, рыская без-

престанно по разнымъ домамъ , имѣють случаи узнавать вообще о всѣхъ происшествіяхъ , или имѣють какіе-нибудь особые источники, изъ которыхъ могутъ почерпать новости ; только имъ все извѣстно лучше и обстоятельнѣе , нежели самому князю Одоевскому , который тратитъ такіа большія суммы на содержаніе своихъ городскихъ и загородныхъ корресподентовъ. Между-прочимъ , гг. медики рассказывали , что вообще во всѣхъ сословіяхъ одна рѣчь: «благословенія государю , и что , по одному его слову , всѣ бы готовы были — старый и малый , знатный и простолюдинъ — не токмо жертвовать своимъ достояніемъ , но сами лично приняться за оружіе и стать въ ряды воиновъ на защиту престола и отечества». Какъ теперь кстати стихъ Дмитріева :

Речеть — и двинется полсвѣта, и проч.

Между-тѣмъ, какъ гости мои были заняты докторами, я воспользовался свободнымъ временемъ и сдѣлалъ нѣсколько необходимыхъ визитовъ , которые долженъ бы сдѣлать нѣсколько дней назадъ. Былъ у тѣтки Прасковьи Гавриловны , былъ у твоихъ Семеновыхъ. Милыя кузины наши Вишневскія и твои сестры добрѣють и полнѣють , но не молодѣють: пора , пора ! Но я боюсь , чтобы пора

уже не просила. Заѣзжалъ къ Лобковымъ: востроглазая Арина Петровна такъ же хороша, такъ же весела и такъ же насмѣшлива по-прежнему; и нельзя не любить ея; но четырехмѣсячное отсутствіе и серьезныя размышленія много меня измѣнили. Къ-чему могла повести меня эта исключительная привязанность?

8-го октября, воскресенье. -

Гости мои выѣхали изъ Москвы совершенно-довольные мною, давъ честное слово, въ проѣздъ свой черезъ Москву въ будущемъ апрѣлѣ, опять остановиться у насъ, а осенью ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ. Мы съ Петромъ Ивановичемъ провожали ихъ до Всесвятскаго, гдѣ распили бутылку шампанскаго за здоровье ненаглядной Schwester Dorchon, какъ она мнѣ подъ сурдиною велѣла называть ее, говоря, что это названіе klingt besser in die Ohren; а я прибавилъ: «und lautet noch besser im Herzen».

Только-что распростились мы съ ними и они хотѣли садиться уже въ карету, какъ, обернувшись, увидѣли мы надъ Москвою преогромное зарево пожара. Долго-долго стояли мы въ недоумѣніи, что такое такъ жарко горѣть могло, пока ѣдущій изъ Москвы почтальионъ не объяснилъ, что горитъ Петровскій Театръ, и, несмотря на всѣ усилія пожарной команды,

едва-ли она въ-состояніи будетъ отстоять его.

Наконецъ мы разстались не безъ взаимнаго горя :

Iede zarte Blume der Bekanntschaft
Pflantzt der Trennung Dorn ins Herz.

сказали они, и справедливо: Богъ-вѣсть, удасться ли опять встрѣтиться въ жизни? Столько непредвидимыхъ случаевъ, столько неожиданныхъ бѣдствій! Державинъ нравъ:

Сегодня льститъ надежда лестна,
А завтра чтѣ ты, человѣкъ?

.

Петру Ивановичу очень хотѣлось заѣхать на пожаръ, но я рѣшительно отказался: *изъ огня да въ полымя!* Пріѣхалъ домой, и вотъ нѣсколько гекзамеровъ на нѣмецкую тѣму Schwester Dorchchen :

Смертные въ жизни подобны былипкамъ, бро-
шеннымъ въ море:
Ярны волны ихъ разлучаютъ, тамъ следипаютъ вне-
запно,
Тамъ разлучаютъ опять, и кто знаетъ, на долгое ль время?
Мило знакомство, но тяжко мгновенье разлуки. Ахъ!
буря
Жизни можетъ увести за могилу минуту свиданья!
Не дай Богъ случиться послѣднему!

9-го октября, понедѣльникъ.

Петровскаго Театра какъ не бывало : кромѣ обгорѣлыхъ стѣнъ, ничего не осталось. Жаль, очень-жаль! Что теперь будутъ дѣлать актёры? Куда дѣваться публикѣ? Время спектаклей только-что наступило. Теперь одинъ ресурсъ — нѣмецкій театръ; но, къ сожалѣнію, Штейнсбергъ хирѣетъ не на шутку, и хотя есть новые, очень-хорошіе сюжеты, особенно въ оперѣ, но всё эти господа безъ Штейнсберга какъ тѣло безъ души.

Чего иногда не выдумаетъ народъ? Многіе находятся въ полномъ убѣжденіи, что театръ сгорѣлъ оттого, что *въ воскресенье* назначено было представленіе «Русалки», въ которой столько чертовщины, что христіанину смотрѣть страшно и въ будни, не токмо въ праздникъ. Самыя жаркія послѣдовательницы этого мнѣнія двѣ наши сосѣдки: старухи Бушуева и знаменитая башмачница, извѣстная подъ прозваніемъ *раскольницы*. Первой эту глупость простить можно за миловидность дочки ея, Настасьи Васильевны; но другую извинить нѣчѣмъ, потому — что работницы ея всё, какъ на подборъ, одна другой безобразнѣе.

Кстати о Настасѣ Васильевнѣ. Чѣмъ кончится страсть Петра Петровича Свинына, которую онъ слишкомъ-неосторожно обнару-

живааетъ къ этой бѣдной дѣвушкѣ? Она вовсе невинно пострадать можетъ во мнѣніи своихъ знакомыхъ: нашъ околотокъ — царство сплетень. Не разъ посылалъ онъ ей записки, а наконецъ я встрѣтилъ несчастнаго воздыхателя подъ ея окошкомъ: увѣрялъ, что дожидается ея появленія, чтобъ послать ей поцалуй. Что-то ужъ черезчуръ глупо! О матери говорить нечего: подъ-носомъ ничего не видить; но братья могутъ узнать, и дѣло не обойдется безъ исторіи.

Намѣдни какой-то помѣщикъ Перхуровъ, отставной прапорщикъ и громогласный толстякъ, въ великомъ раздраженіи на французъ, кричалъ въ англійскомъ клубѣ: «Подавай мнѣ этого мошенника Буонапартія! я его на веревкѣ въ клубъ приведу». Услышавъ грознаго оратора, Иванъ Александровичъ Писаревъ, только-что пріѣхавшій изъ деревни, скромный тихоня, спросилъ у Василья Львовича Пушкина: не извѣстный ли это какой-нибудь генералъ и гдѣ онъ служилъ? Пушкинъ отвѣчалъ экспромптомъ:

Онъ мѣсяцъ въ гвардіи служилъ
И сорокъ лѣтъ въ отставкѣ жилъ,
Курилъ табакъ,
Кормилъ собакъ,
Крестьянъ самъ сѣкъ —
И вотъ онъ въ чемъ провелъ свой вѣкъ!

Иванъ Ивановичъ говоритъ , что Пушкинъ и не воображаетъ , какая вѣрная и живая біографія Перхурова заключается въ его экспромптѣ.

Съ удивленіемъ рассказываютъ , съ какою малою свитою государь изволитъ путешествовать. Его сопровождаютъ не болѣе восьми человекъ : обер-гофмаршалъ графъ Толстой , князь Чарторижскій , генерал-адъютантъ князь Долгорукій , графъ Ливень и Уваровъ , лейб-медикъ Виле , статскій совѣтникъ Убри и камергеръ прищъ Биронъ.

11-го октября, среда.

Вотъ что рассказывалъ генераль Бардаковъ , находившійся нѣкогда въ главной квартирѣ князя Потемкина-Таврическаго.

Князь обложилъ какое-то турецкое укрѣпленіе и послалъ сказать начальствовавшему въ немъ пашѣ , чтобъ сдался безъ кровопролитія; между-тѣмъ , въ ожиданіи удовлетворительнаго отвѣта , приготовленъ былъ великолѣпный обѣдъ , къ которому приглашены были генералитетъ и всѣ почетныя особы , къ свитѣ князя принадлежащія. По расчету свѣтлѣйшаго , посланный парламентёръ долженъ былъ явиться къ самому обѣду , однакожь онъ не явился. Князь сѣлъ за столъ въ дурномъ расположеніи духа, ничего не ѣлъ, грызъ,

по обыкновенію своему, ногти и безпрестанно спрашивалъ, не ѣдетъ ли посланный. Обѣдъ приходилъ къ окончанію, и нетерпѣніе князя возрастало. Наконецъ вбѣгаетъ адъютантъ съ извѣщеніемъ, что парламентёръ ѣдетъ. «Скорѣй, скорѣй сюда его!» восклицаетъ князь, и чрезъ нѣсколько минутъ входитъ запыхавшійся офицеръ и подаетъ князю письмо; разумѣется, въ ту же секунду письмо распечатано, развернуто... Но вотъ бѣда: оно писано потурецки — новый взрывъ нетерпѣнія!» «Скорѣе переводчика!» Переводчикъ является. «На, читай и говори скорѣе, сдастся ли укрѣпленіе, или нѣтъ?» Переводчикъ принимаетъ бумагу, читаетъ, оборачиваетъ письмо, вертитъ имъ передъ глазами туда и сюда, пожимаетъ плечами и не говоритъ ничего. «Да говори же скорѣе, сдастся укрѣпленіе, или нѣтъ?» восклицаетъ князь въ величайшемъ порывѣ нетерпѣнія. «А какъ вашей свѣтлости доложить?» прехладнокровно отвѣчаетъ переводчикъ: «я въ толкъ не возьму. Вотъ изволите видѣть, въ турецкомъ языкѣ есть слова, которыя имѣютъ двоякое значеніе: утвердительное и отрицательное, смотря по тому, бываетъ поставлена надъ ними точка, или нѣтъ; такъ и въ этомъ письмѣ находится именно такое слово. Если надъ этимъ словомъ поставлена точка перомъ, то укрѣпле-

ніе не сдается ; но если эту точку насидѣла муха , то на сдачу укрѣпленія паша согласенъ»—«Ну, разумѣется, что насидѣла муха!» воскликнулъ свѣтлѣйшій и тутъ же , соскобливъ точку столовымъ ножомъ , приказалъ подавать шампанское и первый провозгласилъ тостъ за здравіе императрицы.

Укрѣпленіе точно сдалось , но только чрезъ двои сутки , когда пашѣ обѣщаны были какіе-то подарки ; а между-тѣмъ донесеніе государынѣ о сдачѣ этого укрѣпленія послано было въ тотъ же день , когда свѣтлѣйшій соскобилъ точку , «будто-бы мухой насиженную.

Вотъ какія дѣла прежде сходили съ рукъ ! Впрочемъ , князю Потемкину многое извинить было можно за вѣру его во всемогущество русскаго народа и премудрость Екатерины. Онъ былъ именно тотъ человѣкъ , который , по словамъ Державина :

. . . ввѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознести ихъ громъ на тѣ вершины,
На конхъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ!

14-го октября, суббота.

Шуринъ Г. Р. Державина, Н. А. Дьяковъ, показывалъ нѣсколько его писемъ и , между прочимъ , собственноручное его посланіе , въ

которомъ нашъ бардъ дѣлаетъ намеки на увольненіе Дьякова отъ должности московскаго прокурора и какъ-будто утѣшаетъ его въ невзгодѣ:

Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы,
Ускорилъ коль правый судъ,
Коль отеръ сиротамъ слезы,
Не бралъ лихвы, не былъ плутъ,
Дѣлалъ то, что дѣлать должно—
И безъ чина ты почтенъ, и проч. и проч.

Прочіе стихи не припомню, только Иванъ Ивановичъ говоритъ, что Дьяковъ совсѣмъ не изъ разряда тѣхъ людей, которые бы могли внушать поэтическія посланія. И точно, мнѣ показался онъ не болѣе, какъ прокуроромъ, но прокуроромъ зажиточнымъ и наторѣлымъ въ хорошемъ обществѣ.

Между прочимъ, къ слову о Державинѣ. Наблюдательный Иванъ Ивановичъ рассказывалъ, что Гаврила Романовичъ, по кончинѣ первой жены своей (Катерины Яковлевны, женщины необыкновенной по уму, тонкому вкусу, чувствамъ приличія и вмѣстѣ по своей миловидности), примѣтно измѣнился въ характерѣ и сталъ еще болѣе задумчивъ; и хотя въ скоромъ времени опять женился, но воспоминаніе о первой подругѣ, внушавшей ему всѣ лучшія его стихотворенія, никогда его не оставляетъ. Часто за пріятельскими обѣ-

дами, которые Гаврила Романовичъ очень любить, при самыхъ иногда интересныхъ разговорахъ, или спорахъ, онъ вдругъ задумается и зачертитъ вилкою по тарелкѣ вензель покойной, драгоценныя ему буквы К. Д. Это занятіе вошло у него въ привычку. Настоящая супруга его, замѣтивъ это ежедневное, несвоевременное рисованье, всегда выводитъ его изъ мечтанія строгимъ вопросомъ: «Ганюшка, Ганюшка, что это ты дѣлаешь?» — «Такъ, ничего, матушка» обыкновенно съ торопливостью отвѣчаетъ онъ, вздохнувъ глубоко и потирая себѣ глаза и лобъ, какъ будто съ просонья.

18-го октября, среда.

Москва находится въ какомъ-то волненіи по случаю объявленной войны съ французами. Въ обществахъ о ней только и говорятъ; ожидаютъ чего-то чрезвычайнаго. Многіе, кажется мнѣ, черезчуръ уже храбрятся и презираютъ французовъ, говоря, что первую схваткою все должно окончиться и что мы непременно поколотимъ этихъ забіякъ; а другіе думаютъ, что одно выигранное сраженіе еще не рѣшитъ дѣла; вообще же всѣ надѣются на государя, и очень-мало находится такихъ людей, которые не увѣрены были бы въ успѣшномъ окончаніи кампаніи, тѣмъ бо-

**

лѣе , что армію командуетъ генераль Кутузовъ . Намѣдни у князя Несвицкаго П. С. Валувевъ разсказаль , что Кутузовъ соединяетъ всѣ качества настоящаго военачальника : обширный умъ , необыкновенное присутствіе духа , величайшую опытность и ничѣмъ-непоколебимое мужество , и что онъ былъ чрезвычайно уважаемъ самимъ Суворовымъ , который называль его правою своею рукою .

Вотъ обѣщанный списокъ русскихъ , французскихъ и нѣмецкихъ актѣровъ и актрисъ съ обозначеніемъ ихъ амплуа . Свѣдѣнія о первыхъ двухъ труппахъ , которыя теперь , по случаю пожара театра , находятся безъ всякаго дѣла , притащилъ мнѣ дѣдушка , а о нѣмцахъ я позаботился самъ . Какъ жаль , что не успѣю передать тебѣ и всѣхъ закулисныхъ сплетень , которыхъ у меня , по милости дѣдушки , порядочный запасъ ! Развѣ удастся только сообщить исторію о томъ , отчего изъ двухъ актрисъ , сестеръ Лисицыныхъ , старшая сдѣлалась госпожою Бутенброкъ и почему она передъ самымъ вѣнчаніемъ была высѣчена розгами . Исторія очень-интересная ; только , извини , до будущей недѣли не скажу ничего .

Русскій театр :

1) Плавильщиковъ — въ трагедіяхъ, драмахъ и нѣкоторыхъ комедіяхъ, что называется, первая роли.

2) Померанцевъ — въ драмахъ и комедіяхъ роли благородныхъ отцовъ. Высокій талантъ, которому цѣны не знаютъ.

3) Колпаковъ — поступилъ на роли благородныхъ отцовъ, а покаместъ играетъ иногда роли и не своего амплуа.

4) Кондаковъ — играетъ что велятъ, а понастоящему резонёръ и порядочный *Тарасъ Скотининъ*.

5) Прусаковъ — герой и первый любовникъ въ трагедіяхъ, драмахъ и операхъ: всюду на ходуляхъ.

6) Украсовъ — несмотря на преклонныя лѣта, остался на амплуа вертопраховъ; и надобно отдать справедливость, играетъ отлично, хотя иногда ему измѣняетъ органъ: хрипитъ.

7) Мочаловъ — малый видный; играетъ вездѣ: въ трагедіяхъ, комедіяхъ и операхъ, и нигдѣ, по-крайней-мѣрѣ, не портить.

8) Жебелевъ — въ трагедіяхъ и драмахъ первый любовникъ; но, говорятъ, хочетъ

поступить на комическія роли. И Хорошо сдѣлаетъ.

9) Зубовъ — очень-хорошій актёръ всюду, а вмѣстѣ и пѣвецъ. Голосъ удивительный. По смерти *Уварова* пѣлъ принца *Тамино* въ «Волшебной флейтѣ» и даже лучше, чѣмъ его предшественникъ. Жаль, что для такихъ ролей не очень-взраченъ собою. Отлично-хорошъ въ *Клейнсбергахъ* Коцебу, въ роли волкиты стараго графа.

10) Орловъ — въ роляхъ молодыхъ людей, а иногда и слугъ въ драмахъ и комедіяхъ. Талантъ есть.

11) Зловъ — играетъ въ трагедіяхъ, драмахъ и операхъ. Всюду хорошъ, гдѣ горячиться ненужно. Въ драмѣ *Сынъ любви*, въ роли пастора безподобенъ. Славный собесѣдникъ.

12) Сандуновъ — по амплу своему слуга отличный, но теперь большею частью любитъ играть гримовъ: Клима Гавриловича, голоднаго поэта въ комедіи «Черный человѣкъ» и проч.

13) Волковъ, и

14) Кураевъ — оперные комики въ одномъ и томъ же амплу. Оба съ талантомъ, но послѣдній умнѣе и натуральнѣе, хотя и не такъ любимъ публикою.

15) Соколовъ — молодой человѣкъ съ хо-

рошимъ голосомъ ; игра непринужденная .
Путь будетъ .

16) Лисицынъ — любимецъ райка. Гримаса въ разговорѣ , гримаса въ движеніи—словомъ , олицетворенная гримаса даже и въ роляхъ дураковъ , которыхъ онъ представляетъ .

17) Кавалеровъ — недавно поступилъ на роли слугъ изъ учениковъ Сандунова .

18) Медвѣдевъ — безподобенъ въ роли Еремѣвны въ «Недоросль», которую , по какимъ-то преданіямъ , играютъ всегда мужчины ; даже и на петербургскомъ театрѣ играетъ ее актёръ Черниковъ .

19) Сандунова — объ этой и говорить нечего .

20) Померанцева — старуха , какихъ мало . Въ драмахъ заставляетъ плакать , въ комедіяхъ морить со смѣху . Играетъ и въ операхъ . Талантъ необыкновенный .

21) Воробьева — въ трагедіяхъ и драмахъ роли первыхъ любовницъ . Иногда бываетъ недурна .

22) Баранчеева — роли благородныхъ матерей и большихъ барынь въ драмахъ и комедіяхъ .

23) Караневичева — роли молодыхъ любовницъ превращаетъ въ старыхъ .

24) Насова — премиленькая оперная актриса , и была бы еще лучше , еслибъ кто-ни-

будь занялся ею. Чистая натура; жеманства ни на грошъ и прекрасный голосъ.

25) Бутенброкъ — пѣвица недурная. Баба плотная, бѣлая и румяная; но зубы уголь-углемъ.

26) Лисицына — сестра ея; недавно поступила на роли старухъ. Есть талантъ. Играетъ въ комедіяхъ и операхъ, только стиховъ читать не умѣетъ: рубить ихъ съ-плеча, не соблюдая ни цезуры, ни удареній. Охотница повеселиться.

Nota bene. Волковъ, Кураевъ, Баранчеева и Лисицына—крѣпостные люди: первый князя Волконскаго, а послѣдніе Столыпина, которому принадлежала также актриса Бутенброкъ, бывшая Лисицына, недавно-выданная замужъ за нѣмца, и покойный Уваровъ, отличный пѣвецъ, красавецъ собою и прекрасный актёръ. Вотъ былъ настоящій принцъ Тамино! Жаль его!

Французская труппа:

1) Дюпаре — отличный актёръ во всѣхъ амплуа. Это другой Штейнсбергъ, разумѣется, на французскій ладъ.

2) Белькуръ — благородный отецъ. Прекрасно играетъ аббата Лепе и Фенемона.

3) Меръеннь — недурень въ роляхъ, что

называется financiers : Оргоновъ , Сганарелей и проч.

4) Брюне и

5) Девремонъ — любовники въ драмахъ и комедіяхъ.

6) Арманъ — гримовъ.

7) Розъ — слугъ.

8) Кремонъ — тоже слуга и , говорятъ , еще покорный жены своей , у которой шашни съ графомъ Салтыковымъ. Сверхъ-того , дирижируетъ оркестромъ и даетъ уроки на скрипкъ.

9) Мадамъ Дюпаре — первая любовница въ родъ Караневичевой.

10) Мадамъ Сериньи — первыя роли въ драмахъ и комедіяхъ. Поступила вмѣсто мадамъ *Лавандезъ*.

11) Мадамъ Меріеннь — играетъ старухъ и дуеннь.

12) Мадамъ Розъ — служанка.

13) Мадамъ Брюне — амплуа благородныхъ матерей.

14) Мадамъ Кремонъ — красивенькая актриса. Недурна въ опереткахъ , напр. въ «Арестантъ», но совсѣмъ не Виргинія , роль которой непременно присвоиваетъ себѣ.

Остальные сюжеты не стѣютъ того , чтобъ упоминать о нихъ : простые подносчици пишемъ.

Нѣмецкая труппа :

- 1) ШТЕЙНСБЕРГЪ — абсолютъ.
- 2) ЛИТХЕНСЪ — Карль Мооръ, Фердинандъ и проч.
- 3) КИСТЕРЪ — любовникъ, злодѣй и проч.
- 4) НЕЙГАУЗЪ — роли благородныхъ отцовъ и комическихъ стариковъ.
- 5) КОРОПЪ — комическія роли.
- 6) ЭМЕ.
- 7) КЮНЪ,
- 8) БЕРЕНСЪ и
- 9) ПЕТЕРЪ — куклы, которыми двигаетъ по произволу Штейнсбергъ.
- 10) ВИЛЬГЕЛЬМЪ ГАСЪ — хорошій пѣвецъ и актёръ въ роляхъ стариковъ.
- 11) ГАЛЬТЕНГОФЪ — отличнѣйшій теноръ и музыкантъ, но спадаетъ съ голоса.
- 12) ГУННИУСЪ — извѣстный въ Германіи басъ и отличный пѣвецъ и актёръ. Въ роляхъ: *Лепорелло* въ «Дон-Жуанъ» *Осмина* въ «Похищеніи» *Хоразмина* въ «Оберонъ», *Зороастра* въ «Волшебной флейтѣ» и *Аксур* въ «Аксуръ Саліери» удивительно-хорошъ.
- 13) АКТРИСЫ: ШРЕДЕРЪ и
- 14) КЛАФКА — поступили на роли мамзель Штейнъ въ драмахъ, комедіяхъ и операхъ.

Объ хороши , но первая лучше ; объ русалки , только послѣдняя втораго разряда.

15) Мамзель Соломони — первая пѣвица въ бравурныхъ партіяхъ.

16) Мадамъ Гуннигусъ — огромная и толстая женщина съ превысочайшимъ сопрано ; только и годна , что для роли царицы ночи въ « Волшебной флейтѣ ».

17) Мамзель Гуннигусъ — милая пѣвичка , Церлина , крестьянка.

18) Мадамъ Штейнсбергъ — молодая любовница въ драмахъ и комедіяхъ.

19) Мадамъ Гевгардъ — роли старухъ въ драмахъ , комедіяхъ и операхъ.

20) Мадамъ Гальтенгофъ — буквально, на всякое употребленіе.

21) Маленькая Шредеръ — удивительный, премилый ребенокъ. Въ роли Лили , въ « Русалкѣ », право, чуть-ли не лучше матери.

22-го октября, воскресенье.

Государь пробылъ въ Берлинѣ нѣсколько часовъ и отправился въ Потсдамъ , гдѣ пробудетъ нѣсколько дней и послѣ побѣдетъ въ Веймаръ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. Москва мысленно слѣдуетъ за нимъ повсюду , и я никогда не замѣчалъ въ обществахъ такой жадности къ политическимъ новостямъ , какъ теперь. Князь Одоевскій на-

рочно нанимаетъ на Мясницкой, противъ почтамта, маленькую квартиру, чтобъ видѣть, когда приходитъ почта и чтобъ первому получать извѣстiя, съ которыми тотчасъ и отправляется по своимъ знакомымъ, или въ англійскiй клубъ, гдѣ вокругъ него всегда собирается кружокъ нувеллистовъ. Говорятъ, наши войска находятся въ необыкновенномъ одушевленiи, отъ котораго ожидаютъ многого.

Какъ бы хотѣлось мнѣ попасть въ этотъ клубъ, а возможности нѣтъ: ни служащихъ въ Москвѣ, ни учащихся, ни домовладѣльцевъ гостями не пускаютъ, а въ члены попасть нашему брату очень-трудно, да, признаться, какъ-то и страшно: разомъ попадешь въ шалапаи, къ чему, между нами, я, кажется, имѣю великую склонность.

Бѣдный русскiй театръ! бѣдная французская труппа! Со времени пожара всѣ актёры безъ дѣла и повѣсили, головы. Что же касается актрисъ, то Сила Сандуновъ говорить, что ихъ жалѣть нѣчего, потому-что онѣ имѣютъ свои ресурсы. Селивановскiй замѣтилъ, что жена его также актриса. «Такъ чтò жь?» возразилъ Сандуновъ: «жена сама-по-себѣ, а актриса сама-по-себѣ: два ампула — и мужъ не въ убыткѣ».

Ужъ подлинно, какъ говорить о немъ князь

Юрій Владиміровичъ , настоящій Сахаръ Медовичъ Патокинъ : никому нѣтъ пощады.

Нѣмецкій театръ пользуется безвременьемъ театровъ русскаго и французскаго и безпрестанно усиливаетъ свои представленія. Посѣтителей много, и Штейнсбергъ дѣлаетъ хорошіе сборы. Такъ-то бываетъ на свѣтѣ : несчастье одного составляетъ благополучіе другаго.

Вотъ хоть бы и нашъ Альбертъ Великій, физикъ и химикъ , Андрей Харитоновичъ Чеботаревъ, прочитавъ въ какой-то иностранной газетѣ , что двумъ механикамъ, Полю и Леммерсье, удалось, наконецъ, разрѣшить задачу управленія полетомъ воздушныхъ шаровъ, находится въ величайшемъ отчаяніи , увѣряя, что эта тайна давно уже имъ открыта и что онъ «обокраденъ, кругомъ обокраденъ ! даже фигура шара самая та , какую изобрѣлъ я (говоритъ онъ); форма птицы въ пропорціяхъ 10 сажень ширины и 3 сажени вышины съ крыльями по бокамъ!» Страховъ, читавшій также объ этомъ въ журналѣ *Публицистъ* , рѣшительно удостовѣряетъ , что все это просто мистификація , незаслуживающая никакого вниманія.

26-го октября, четверг.

Цѣлый день таскался съ поздравленіями по именинникамъ. Я право не думалъ, чтобъ у меня столько было знакомыхъ Дмитріевъ; и всѣ они, на бѣду мою, живутъ въ противоположныхъ частяхъ города: одни въ Лефортовѣ, другіе на Пречистенкѣ, третьи у Серпуховскихъ Воротъ, а Циціановъ на Поварской. Околесилъ, конечно, пдмосквы, пока мѣстъ добрался до Газетнаго Переулка къ чудаку Митро Хотяйнцеву. Накормилъ, напоилъ, или, лучше, окормилъ и опоилъ. Онъ сдѣлался еще оригинальнѣе: такъ потолстѣлъ, что кубарь-кубаремъ и сталъ плѣшивѣе полнаго мѣсяца. Недѣли три гуляетъ напропалую и теперь только и знается, что съ земскимъ судомъ, отъ секретаря до послѣдняго подъячаго. Шампанское льется какъ вода, и когда компанія упьется, задереть хоромъ козелка: «Какъ пошелъ нашъ козелчикъ въ лѣсочекъ гулять: зумъ—зумъ, зумъ—зумъ и проч.»—«Да помилуй, Митро» говоритъ ему братъ: «что тебѣ за охота водиться съ этимъ пустымъ народомъ?»—«Какъ что за охота? Ну, а неравно подъ слѣдствіе попадешь».—«Да вѣдъ ни у тебя, ни у меня дѣлъ никакихъ нѣтъ».—«Теперь нѣтъ, да могутъ случиться».—«Имѣнья также у насъ въ Московской Губерніи, кромѣ дома, нѣтъ».—«Теперь нѣтъ, да быть

можетъ : надо думать о будущемъ». Толкуй съ нимъ ! А вѣдь у молодца больше тысячи душъ.

Между-тѣмъ съ этими поздравленіями и бражничаньемъ, кажется, я далеко не уйду. Еще слава Богу, что прошлаго года успѣлъ перейти Рубиконъ ; иначе, чувствую, что пришло бы мнѣ плохо : Богъ вѣсть отчего теперь мнѣ стоить такого напряженія быть внимательнымъ. Намѣдни Антонскій заказалъ для предстоящаго акта стихи, и до-сихъ-поръ ничего не лѣзетъ въ голову. За-то добрый мой Петръ Ивановичъ осѣдлалъ Пегаса и корпитъ надъ одою подъ названіемъ *Геній*, въ которой вовсе незамѣтно присутствія генія. Мерзлякову заказаны стихи на благость, Грамматику *Гимнъ Истинъ* и Соковнину стансы *На Счастье*. «Все-та предметы-та нравственные» говоритъ Антонъ Антоновичъ : «вотъ и ты-та написалъ бы что-нибудь «на Невинность-та, а то все актѣрки-та на умѣ.»

Брани . Антонъ , ругай меня !
Что стою брани — самъ я знаю
И за нее , повѣрь , тебя
Еще я больше уважаю :
Ты хочешь мнѣ добра , и я —
Въ театрѣ нѣмецкій уѣзжаю !

Все такъ , а чуть-ли Антонскій не правъ !
Мнѣ кажется , я просто не оправился еще отъ

Юньской моей горьчки. Иначе быть не можетъ.

Между-тѣмъ за что ты щуняешь меня? Гдѣ это умничанье, которымъ ты мнѣ попрекаешь? Ты хочешь, чтобъ я писалъ обо всемъ безъ разбора; но я и такъ поступаю, какъ долгоруковская калмычка *Чума*, которая, по выраженію умнаго дурака Савельича, *все воспъваетъ, на что ни взираетъ*; кажется, рублю съ-плеча все, что ни попадется подъ-руку. Неблагодарный!

30-го октября, понедѣльникъ.

Вчера послѣ обѣдни отправились мы съ Ко-лычевымъ за тверскую заставу на садку и какъ-разъ попали на драку двухъ охотниковъ, смѣшную и жалкую. Вотъ какъ происходила баталія: полупьяному содержателю садки вздумалось похвастаться передъ многочисленнымъ собраніемъ охотниковъ, что къ нему доставлены какіе-то отличные бойкіе степные русаки, которыхъ онъ предлагаетъ сажать на угодъ, съ тѣмъ, что если русакъ затравленъ будетъ, то за него денегъ не платить, а если уйдетъ, то онъ, содержатель, получаетъ съ охотника, пускающаго свою собаку, 10 руб. Предложеніе принято единодушно, и двое изъ самыхъ отчаянныхъ охотниковъ и, къ-несчастью, старинныхъ по охотѣ

соперниковъ , Лихаревъ и Похвисневъ , приказали начать садку. Надобно сказать , что вчера цѣлый день моросилъ дождикъ , а къ ночи сдѣлался морозъ , и Ходынское Поле покрылось тонкимъ и ровнымъ слоемъ льда , такъ—что собаки должны были непременно разъѣзжаться и перепортить ноги , что , кажется , хитрый пьянюга и имѣлъ въ виду. Сначала пущена была собака Н. А. Лихарева , какая—то знаменитая *Акушка* , которая довольно—скоро приспѣла къ русаку , дала нѣсколько угонокъ , но , разъѣзжаясь , не успѣвала захватить его и , ослабѣвъ , начала мало—помалу отставать , а наконецъ и совсѣмъ остановилась. У Лихарева замѣтно побагровѣло лицо и напружились жилы. «Что , батюшка Никита Андрейчъ» сказалъ Похвисневъ : «видно русачокъ—то не по силамъ вашей собачкѣ». Лихаревъ промолчалъ , но бросилъ на Похвиснева такой ужасный взглядъ , что у меня замерло сердце. Вотъ посадили собаку Похвиснева. Была ли она лучше собаки лихаревской , или второй русакъ былъ тупѣе перваго—право , не знаю , только послѣ нѣсколькихъ угонокъ похвисневская собака мастерски вздернула на щипецъ зайца , къ великому огорченію содержателя травли и торжеству своего владѣльца. «Браво , браво!» вскричали охотники. «Какое тутъ браво» заво-

пилъ Лихаревъ «это просто стачка между двумя подлецами: одинъ сажаетъ полумертваго русака, другой пускаетъ на него свою полудворнягу, чтобъ только сдѣлать мнѣ афронть!» При этой выходкѣ Похвисневъ бросился на Лихарева съ арапникомъ, но тотъ предупредилъ его сильнымъ ударомъ кулака въ лицо, такъ-что разбитые въ-дребезги очки почти врѣзались въ глаза Похвисневу и — тутъ уже пошло сущее кровопролитіе. Многіе изъ охотниковъ, общихъ знакомыхъ воителямъ, бросились разнимать ихъ; но всѣ извѣстные и почетные люди, какъ-то: Алябьевъ, Мясоѣдовъ, Всеволожскій, князь Голицынъ, Поливановы, Новиковы и проч. тотчасъ же уѣхали, что сдѣлалъ и я, человекъ неизвѣстный и непочетный, поспѣшая на обѣдъ къ князю Михайлу Александровичу. Храбрецовъ отвезли къ обер-полиціймейстеру Балашеву.

У князя обѣдали нѣсколько литераторовъ: князь Шаликовъ, Макаровъ и какой-то Ивановъ, о которомъ я не слыхивалъ, и обычные его посѣтители Плавильщиковъ и Зловъ. Очень-дѣльно замѣчаніе Плавильщикова насчетъ нынѣшнихъ молодыхъ людей обоего пола, которые являются съ желаніемъ поступить на сцену: «Вы не повѣрите» говоритъ онъ «что это за народъ! у однихъ ни рожи

ни кожи ; у другихъ вмѣсто голоса какое-то гортанное шипѣнье ; третьи едва читать умѣютъ—и всѣ ссылаются на страсть свою къ театру ; а наши старшины тотчасъ и заголосятъ: талантъ ! и мы же виноваты , что не хотимъ, будто-бы изъ зависти, заняться претендентами. Ой ужь мнѣ эти протекторы ! Въ мое время для поступленія въ актёры являлись люди , которые соединяли въ себѣ хотя какія-нибудь условія для актёрскаго званія , напр. порядочную фигуру , довольно-звучный органъ и нѣкоторую образованность , приобретённую если не ученьемъ , такъ нѣкоторою начитанностью : съ такими способностями и посредственные актёры могутъ быть сносны для публики. Вотъ хоть бы взять нашего Кондакова: онъ изъ семинаристовъ и, понастоящему, плохой актёръ , но публика его терпитъ , потому-что онъ читаетъ внятно , слова нижетъ какъ жемчугъ , ни одного не проронитъ. Такой человекъ если не отбѣнитъ своей роли , то и не проглотитъ ее , но передастъ публикѣ вѣрно, что хотѣлъ сказать и написать авторъ. Если имѣешь органъ и чистое произношеніе , то есть и возможность заставить слушать себя. Другой примѣръ Караневичева: у ней одинъ тонъ, что на сценѣ, что за кулисами , о движеніи страстей понятія не имѣетъ , о пластикѣ не слыхивала ,

актриса вовсе плохая, а читаетъ хорошо и, будучи на мѣстѣ зрителя, я предпочелъ бы ее многимъ пресловутымъ актрисамъ, съ которыми мнѣ играть доводилось и которыя только-что шептали свои роли, потому-что сцену почитали пьедесталомъ, на которомъ могли поломаться предъ публикою. Разумѣется, я говорю о Кондаковѣ и Караневичевой только по отношенію къ недостатку у насъ хорошихъ актёровъ и актрисъ, выбирая изъ худаго лучшее; потому-что, еслибъ у насъ всѣ были Крутицкіе, Померанцевы и Шушеринны, а въ женщинахъ Синявскія, Померанцевы и Рахмановы, то Кондакову и Караневичевой никогда бы не бывать на сценѣ.»

Князь Шаликовъ такъ и разстилался передъ княжнами въ комплиментахъ, которые напомнили мнѣ липецкаго Ивана Кузьмича. Онъ намѣренъ издавать съ новаго года журналъ, подъ заглавіемъ: *Московскій Зритель*, о чемъ хочетъ публиковать въ газетахъ, а между-тѣмъ напечаталъ особое объявленіе, котораго экземпляры носить съ собою для раздачи ихъ знакомымъ и незнакомымъ, встрѣчнымъ и поперечнымъ. Вотъ тебѣ эта чужь:

«Будутъ словесность русская и иностранная, отрывки, повѣсти, анекдоты, басни и стихи. Хорошій вкусъ и чистота слога, тонкая разборчивость литераторовъ (почему не

литературы?) и нѣжное чувство женщинъ будетъ однимъ изъ главныхъ предметовъ моего вниманія. Будетъ статья и для критики — не брань, но критика здравая и безпристрастная должна быть въ журналѣ такого рода непременно: она служитъ свѣтильникомъ въ путяхъ искусства, занимаетъ читателя, еще болѣе артиста, и научаетъ самого критика — польза важная и неоспоримая! Иногда журналъ будетъ заключаться смѣсью!!»

А вотъ и мадригалъ его старшей княжнѣ, какъ нарочно-написанный для твоего сборника курьезныхъ сочиненій:

Какъ свѣтитъ сладостно прекрасная луна
На мрачную небесь безбрежность
И на тревожный миръ лѣтъ съ высотъ она
Спокойствіе и безмятежность:

Такъ въ мракъ моей души и сердца въ безнадежность
Ты льешь покой и свѣтъ, прелестная княжна!

2-го ноября, четвергъ.

Всѣ наши столбовые москвичи находятся въ ожиданіи чего-то чрезвычайнаго. У главнокомандующаго ежедневно большой пріѣздъ, и онъ принимаетъ во всякое время. Всюду какая-то ажитация, а объ англійскомъ клубѣ и толковать нечего: говорятъ, что это настоящій воскресный базаръ; всѣ хотятъ непременно что-нибудь узнать, а за недостаткомъ вѣрныхъ извѣстій, вѣрятъ всякимъ не-

былицамъ. Съ одной стороны смѣшно, а съ другой, извинительно. Графъ Иванъ Андреевичъ говоритъ, что это любопытство, въ какомъ бы видѣ оно ни представлялось, доказываетъ искреннее участіе въ судьбахъ отечества и его славу и преслѣдуемо быть не должно.

Вотъ прекрасные стихи, которые ходятъ вездѣ по рукамъ; иной и не знаетъ понѣмецки, а все-таки непременно хочетъ имѣть ихъ. Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ сказывалъ, что будто-бы они взяты изъ берлинскихъ газетъ. Въ нашихъ вѣдомостяхъ такихъ не ожидай. Чудо, какая энергія!

Die Ehre ruft! die Pflicht gebet!
Zum Schwerdte zuckt die Hand—
Und jedes Kriegers Herz erneut,
Durchflammt von Gluth der Tapferkeit
Den Schwur: fürs Vaterland!

Наконецъ нашли какой-то балаганъ въ домѣ князя Волконскаго на Самотѣкѣ, который обращаютъ въ театръ. Сказываютъ, что чело-вѣкъ двѣсти помѣститься могутъ. Но пока-мѣстъ все это одни разговоры; а когда откроются спектакли — знаютъ лишь про то першіе.

3-го ноября, воскресенье.

За обѣдомъ у Ростислава Евграфовича Татищева видѣлъ я Дмитрія Ардалионовича Лопухина, бывшаго калужскаго губернатора, непримиримаго врага Державину за то, что этотъ, въ качествѣ ревизующаго сенатора, смѣнилъ его за разныя злоупотребленія. Лопухинъ не можетъ слышать о Державинѣ равнодушно, а бывшій секретарь его, великій говорунъ Николай Ивановичъ Кондратьевъ, раздѣлившій участь своего начальника и до-сихъ-поръ вѣрный его наперсникъ, приходитъ даже въ бѣшенство, когда заговорятъ о Державинѣ, и особенно если его хвалятъ. Этотъ Кондратьевъ пописываетъ стишки, разумѣется, для своего круга, и, по выходѣ Державина въ отставку, *спустилъ*, по выраженію, кажется, Сумарокова, *свою своевольную музу, аки цѣпкую собаку*, на отставнаго министра и выразилъ удовольствіе свое слѣдующимъ стихотворнымъ бредомъ :

Ну-ка, братъ, цѣвецъ Фелицы,
На свободѣ отъ трудовъ
И въ отставкѣ отъ юстицы
Наполняй бюро стиховъ.
Для поэзьи ты свободенъ,
Мастеръ въ ней играть перомъ,
Но за что сталъ неугоденъ
Министерскимъ ты умомъ?
Иль въ приказномъ дѣлѣ хватки

Стихотворцамъ есть урокъ ?
Чьи, скажи, были нападки?
Или изгнанъ за порокъ?
Не жена ль еще причиной,
Что свободенъ сталъ отъ дѣлъ?...

— Далѣе, слава Богу, не припомню. Кромѣ неудовольствія слышать эти гадкіе, кабачные стихи, грустно видѣть въ нихъ усиліе мелочной души уколоть гениальнаго человѣка, который, вѣроятно, никогда и не узнаетъ объ этихъ виршахъ. Просто : кукишъ изъ кармана.

Тутъ же повстрѣчалъ я симбирскаго помѣщика, старика Степана Степановича Кроткова съ молодою женою. Онъ извѣстный богачъ, владѣлецъ шести тысячъ душъ крестьянъ, и богатство его имѣло источникомъ совершенно-романическое приключеніе. Кротковъ былъ прежде очень-бѣдный дворянинъ, обремененный семействомъ. Бунтовщикъ Пугачовъ, во время разгрома Симбирской Губерніи, проѣзжая мимо деревушки Кроткова, полюбилъ мѣстоположеніе этой деревушки и обратилъ ее въ главное свое становище, а изъ гумна, риги и овиновъ подѣдалъ магазины и кладовыя для всего награбленнаго имъ въ губерніи имущества. Когда налетѣвшіе отряды войскъ выгнали самозванца изъ его становища, Кротковъ, слѣдовавшій за отрядами, немедленно возвратился въ свое имѣніице и нашелъ въ ригѣ, овинахъ

и даже, говорятъ, въ хлѣбныхъ скирдахъ множество всякаго добра и, между прочимъ, нѣсколько бауловъ съ деньгами, серебряной посудой и другими разными драгоценными вещами, всего тысячъ на двѣсти. Тутъ накопилъ онъ имѣній и, будучи хорошимъ хозяиномъ, годъ-отъ-году прибрѣталъ болѣе-и-болѣе, зажилъ, что называется, паномъ и въкъ свой изжилъ бы паномъ безъ горя, присовокупя еще столько же тысячъ душъ, сколько уже имѣлъ, еслибъ не позамотались служившіе въ Петербургѣ сынки. Одинъ изъ нихъ, видно, понаходчивѣе и поудалѣе другихъ, имѣя нужду въ деньгахъ, вздумалъ продать отцовское имѣніе и въ числѣ крестьянъ, въ главѣ подворной описи, помѣстилъ въ продажу и самого родителя своего, подъ скромнымъ званіемъ бурмистра Степана Степанова сына Кротова. Разумѣется, пошло дѣло, и купчая уничтожена; однакожь старикъ, для избавленія сына отъ преслѣдованія уголовныхъ законовъ, принужденъ былъ помириться съ покупщикомъ, заплативъ ему едва-ли не двойную цѣну противъ той, какую получилъ за имѣніе сынъ. Но, въ наказаніе мотоватыхъ дѣтокъ, онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ и лучшее имѣніе свое, подмосковное село Молоди, укрѣпилъ уже за молодою женою.

Это добрая замѣтка для тѣхъ, которые

полагають, что человекъ можетъ быть постоянно во всемъ счастливъ.

7-го ноября, вторникъ.

На ловца зѣбрь бѣжить. Петръ Ивановичъ привезъ мнѣ отъ Селивановскаго только-что оттиснутый проектъ любопытнаго объявленія объ изданіи «Дамскаго Журнала», которое будетъ напечатано и въ газетахъ. Это, просто, объяденье, что твой князь Шаликовъ!

«Изъ уваженія къ почтеннѣйшимъ россійскимъ дамамъ(!) въ слѣдующемъ 1806 году будетъ издаваться ежемѣсячное изданіе подъ названіемъ *Дамскій Журналъ*. Въ немъ помѣщаются будутъ пьесы разныхъ родовъ въ стихахъ и прозѣ. Главнымъ предметомъ будетъ: *нѣжная чувствительность, сопряженная съ моралью*. Иногда помѣщаются будутъ статьи о модахъ, переводимыя изъ иностранныхъ журналовъ. Критика и политика исключаются. Издатель поставитъ себѣ за особливую честь, если удостоенъ будетъ отъ почтенныхъ россійскихъ поэтовъ присылкою ихъ произведеній».

Я непременно хочу попасть въ число почтенныхъ россійскихъ поэтовъ и пошлю издателю нѣкоторыя изъ моихъ произведеній. Не помѣститъ ли онъ моихъ куплетовъ изъ переводныхъ пьесъ, на примѣръ, хоть изъ оперы

«Братья-охотники», въ которой меньшей братъ поётъ:

Заячьи ножки
Больно востры,
Всѣ ихъ дорожки
Страхъ какъ пестры.

Средній отвѣчаетъ :

Заяцъ больно чутокъ,
Намъ тутъ не кладъ ;
Станемъ лучше утокъ
Становить мы въ рядъ.

Старшій замѣчаетъ :

Ваши зайцы, ваши утки —
Все однѣ пустыя шутки.
Вотъ какъ волка приберемъ —
Не рублемъ тогда запахнетъ :
Вся деревня наша ахнетъ,
Какъ десятка два возьмемъ.

А между-тѣмъ хозяйка постоялаго двора, за которою они приволакиваются, кокетничаетъ передъ ними и угощаетъ ихъ :

Вотъ вамъ, милые дружочки,
Очень-вкусные кусочки.
Вотъ тебѣ, Петруша, щи;
Если дурны — не взыщи:
Я варила какъ умѣла
И капусты не жалѣла.
Вотъ тебѣ, Иванъ, мясца,
Кушай до поту лица;
А тебѣ, Алѣша, кашки;
Послѣ всѣмъ налью и бражки.

**

Ужь если тутъ мало нѣжной чувствительности, сопряженной съ моралью, такъ гдѣ же искать ея болѣе? Ссылаюсь на умнаго и милаго Мерзлякова, которому показывалъ я свой переводъ и который съ-тѣхъ-поръ, какъ узналъ я о его переводахъ итальянскихъ оперъ, удивительно какъ снисходителенъ сталъ къ моему вдохновенію и называетъ меня парнасскимъ Люстихомъ.

12-го ноября, воскресенье.

Нынѣшній день начались и русскіе спектакли на театрѣ князя Волконскаго. Театрикъ хоть куда: помѣщается до 300 человекъ. Давали «Бѣглаго Солдата», и пьеса шла неочень-удачно. Главный персонажъ былъ въ какомъ-то курчавомъ, рыжемъ парикѣ, который безобразилъ его до такой степени, что сидѣвшій со мною рядомъ въ партерѣ толстый купецъ, садоводъ Лебедевъ, не вытерпѣлъ, чтобъ не вымолвить: «Ишь, батюшка, точно какъ у принца со сковороды ушелъ». Я въ первый разъ слышу эту поговорку и ума не приложу, откуда она пристечь могла.

Въ среду, 15-го числа, нѣмцы даютъ въ первый разъ большую оперу «Der Spiegel von Arcadien», въ которой мадамъ *Hippius* играетъ роль Юноны. Вотъ ужъ настоящая Юнона, какую изобразили Гомеръ и Виргилій! Вопер-

выхъ, глаза у ней какъ у быка и, вовторыхъ, однимъ ударомъ широкой длани своей можетъ угомонить какого хочешь Юпитера и всѣ другія олимпійскія божества, которыя съ нею будутъ на сценѣ.

Получено извѣстіе, что государь пробылъ самое короткое время въ Дрезденѣ и уже выѣхалъ оттуда. Войска наши идутъ къ мѣсту назначенія въ порядкѣ, и какъ генералы, такъ и офицеры горятъ нетерпѣніемъ сразиться съ французами. Графъ Ростопчинъ говоритъ, что русская армія такова, что ее не понуждать, а скорѣе сдерживать надобно, и если что можетъ заставить иногда страшиться за нее, такъ это одна излишняя ея храбрость и даже запальчивость. Онъ увѣряетъ, что нашимъ солдатамъ стѣитъ только сказать: «за Бога, царя и святую Русь», чтобъ они безъ памяти бросились въ бой и ниспровергли всѣ преграды, но что съ французами и нѣмцами говорить надобно умѣючи. Такъ Генрихъ IV говаривалъ первымъ: «Господа! вы—французы и непріатель предъ вами»; а съ послѣдними генералъ Цитенъ логически разсуждалъ: «Государи мои! сегодня у насъ сраженіе, слѣдовательно, все должно идти какъ *по маслу*». Всякому свое. Балагуръ!

15-го ноября, среда.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ сказывалъ Невзорову, что въ Германіи встрѣчаютъ нашего государя какъ защитника и избавителя, и что восторгъ всѣхъ классовъ народа, при встрѣчѣ съ государемъ, превосходитъ всякое описаніе. Онъ обворожилъ всѣхъ, отъ мала до велика, простымъ и милостивымъ своимъ обращеніемъ: мужчины бѣгаютъ за нимъ толпами, а женщины придумываютъ разные способы для доказательства своего къ нему уваженія. Такъ, въ память пребыванія его въ Берлинѣ, дамы ввели въ моду носить букеты, подъ названіемъ *александровскихъ*, которые собраны изъ цвѣтовъ, составляющихъ по начальнымъ буквамъ своихъ названій, имя Alexander. Безъ этихъ букетовъ ни одна порядочная женщина не смѣетъ показаться въ общество, ни въ театръ, ни на гулянье. Вотъ изъ какихъ цвѣтовъ составляются букеты, которые разнятся только величиною и цѣнностью; большіе носятъ на груди, а маленькіе въ волосахъ: Anemone (анемонъ), Lilie (лилія), Eichel (жолуди), Xeranthenum (амарантъ), Accazie (акація), Nelke (гвоздика), Dreifaltigkeits blume (веселые глазки), Erheu (плющъ) и Rose (роза).

Мило и остроумно! Непремѣнно закажу такой букетъ и поднесу его востроглазой Аринѣ

Петровнѣ, на колѣняхъ а la Visarour и при мадригалѣ à la Schalikoff. Кстати же готовятся по воскресеньямъ и балы у графа Орлова. При первомъ хорошемъ извѣстїи изъ арміи пойдетъ дымъ коромысломъ; но покаместъ молятся Богу о государѣ и толкуютъ о новостяхъ.

По милости Невзорова я не попалъ ни въ одинъ театръ и не видалъ ни «*Spiegel von Arcadien*», «ни *Catherine ou la belle Fermière*» и сердечно этому радъ. Иногда таскаешься по театрамъ только отъ скуки, и я не ропщу, когда есть случай^а посидѣть вечеромъ дома, лишь бы не одному.

17-го ноября, пятница.

Почтенный начальникъ Москвы, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, столь извѣстный своимъ здравымъ русскимъ умомъ, неколебимостью и праводушіемъ своего характера, есть вмѣстѣ человекъ самага добраго и нѣжнаго сердца. Кто бы могъ это сказать, смотря на угрюмую его физиономію и нѣкоторую жесткость въ обхожденїи? П. И. Аверинъ, отличнумный человекъ, находящійся съ Александромъ Андреевичемъ въ самыхъ близкихъ отношенїяхъ по службѣ и пользующійся полною его довѣренностью, рассказывалъ за обѣдомъ у Арсеньева такія черты его доброты,

которыя невольно извлекають слезы. Александр Андреевич очень-очень небогачъ, даже, въ сравненіи съ прочими вельможами, можетъ назваться вовсе-бѣднымъ, а между-тѣмъ такъ охотно и съ такимъ радушіемъ благодѣтельствуетъ всѣмъ, кто ни прибѣгаетъ къ его помощи! Не говоря уже о братѣ его, Николаѣ Андреевичѣ, которому, какъ отцу многочисленнаго семейства, предоставилъ онъ всѣ доходы съ небольшого родоваго своего имѣнія, онъ всѣ почти карманныя деньги свои раздаетъ неимущимъ. Какъ-то на-дняхъ опять явилась къ нему съ просьбою о дѣтяхъ вдова надворнаго совѣтника Федорова, умершаго подъ судомъ за растрату казенныхъ денегъ. «Ну, ты опять пришла» говоритъ ей Беклешовъ: «вѣдь я сказалъ ужъ тебѣ, что мужъ твой былъ плутъ, и я за тебя, хоть ты рас-плачься, государя беспокоить не стану. А вотъ тебѣ на бѣдность отъ меня еще сто рублей; какъ проѣшь ихъ, такъ добрые люди еще помогутъ. О старшихъ же ребятишкахъ попрошу губернскаго предводителя и кого-нибудь изъ ученыхъ, чтобъ помѣстили въ какое-нибудь училище. Ну, теперь пошла!» Учеными называетъ Александръ Андреевичъ университетское начальство.

А вотъ и резолюція его на докладную записку Балашева о баталіи на садкѣ: «Лиха-

рева съ Похвисневымъ содержать какъ озорниковъ, подъ арестомъ, покуда искренно не примирятся; а примирятся, такъ отчасъ выпустить, сдѣлавъ нотацію, что благороднымъ людямъ, къ соблазну публики, приходитъ въ азартъ и драться стыдно!»

Витязи въ тотъ же день развѣхались отъ оберполиціймейстера совершенными друзьями.

Вотъ каковъ нашъ добрый начальникъ, котораго наставленіе московскимъ властямъ должно бы напечатать золотыми буквами: *слабостямъ снисходи, проступки исправляй, злонамъреніе пресльдуй, преступленія предотвращай, а раскаянью прощай.* Гдѣ Беклешовъ ни служилъ, какія высокія должности ни занималъ, генерала ли прокурора, генерала ли губернатора — всюду снискивалъ онъ любовь и уваженіе и всюду былъ по словамъ поэта Петрова :

Защитникъ строгаго зепонова закона
И стойкъ посреди великолѣпнй трона!

20-го ноября, понедѣльникъ.

22-го числа у французовъ бенефисъ *Брюле*: «Portrait de Michel Servantes» и «Heure du mariage» Етьенна; а у нѣмцевъ бенефисъ *Гункиуса*: «Die Luft-Bälle», опера Френцеля. Куда ѣхать? Я думаю къ нѣмцамъ, потому что объявленіе о французскомъ спектаклѣ прекуръзное и не внушаетъ довѣрія, точно пая-

цы вопять съ балаганнаго балкона: «къ намъ, публика, къ намъ! ужь мы для васъ постараемся!» а на повѣрку вся штука въ томъ, что, вмѣсто двухъ рублей мѣдью, они за кресла хотятъ брать по два руб. серебромъ, то-есть по 2 руб. 60 к. Вотъ ихъ объявленіе: «Les deux piéces viennent d'obtenir le plus grand succès à Paris, tant a cause de leur style agréable, que par la manière ingenieuse dont elles sont traitées. Les acteurs redoubleront de zèle, pour que le spectacle soit favorablement accueilli !!!»

Отъ шарлатанства французовъ мѣчи нѣтъ; но, что досаднѣе всего, что и русскіе актёры хотятъ подражать имъ. Отчего же не дѣлаютъ этого нѣмцы? Оттого, что у Штейнсберга ума палата. Онъ говоритъ, что хвастовство увлекаетъ постепенно: прихвастнувъ немного одинъ разъ, надобно — хочешь не хочешь — хвастать въ другой и въ третій побольше, а тамъ хвастовству мѣры не будетъ и наконецъ — сарут.

Червонцы въ цѣнѣ возвысились до 4 руб. 6 коп. Серебряный рубль ходитъ 1 р. 30 к. Говорятъ, что это плохой знакъ. Но мало ли что говорить!

25-го ноября, четверг.

Въ нѣмецкомъ театрѣ давали вчера оперу «Die Luft-Bälle», которая шла отлично, и мы

смѣялись до истерики. Бенефициантъ пѣлъ мастерски, а Коропъ уморительно представлялъ воздухоплателя, и еслибъ говорилъ порусски, то сказали бы, что на сценѣ не Коропъ, а нашъ премилый чудакъ Андрюша Чеботаревъ. Точь-въ-точь та же исторія пусканія бумажнаго шара на Дѣвичьемъ Полѣ, за которое едва всѣхъ насъ не забрали въ полицію, потому-что чуть не сожгли грачевскаго дома, на который опустился горящій шаръ.

Видно ужъ вышелъ день такой — *une folle journée*. Изъ театра Хомяковъ увезъ меня на танцовальный вечеръ къ Веревкинымъ. Танцовальные вечера не по моей части, однакожь этотъ баликъ былъ превеселый и безцеремонный. Столько было хорошенькихъ дѣвушекъ, начиная съ хозяйскихъ дочерей до красавицы Алмазовой¹, что и я соблазнился попрыгать экоссеэзъ и а-ла-грекъ, хотя немножко и медвѣдемъ. Востроглазая Арина Петровна, *qui me cherche noise*, прислала Бѣлавина спросить меня: у какого танцмейстера я учился, чтобъ предостеречь своихъ знакомыхъ отъ такого учителя. Насмѣшница! Ужинъ былъ не пышный, но вкусный. Шампанское не всѣмъ подавали, за-то ратафій, нали-

¹ Впоследствии — г-жи Шереметевой.

вокъ и шипучекъ было въ волю ; а все это, по примѣру Петра Ивановича, я предпочитаю всякому вину. Послѣ ужина я вздумалъ-было полюбезничать , но ненарочно такъ громко зѣвнулъ, что барышни расхохотались, и я со стыдомъ отправился восвояси. Вотъ оно что ! Мѣсяцевъ шесть назадъ , я бы не зѣвалъ и никакъ бы не прозѣвалъ, а теперь, *hin ist hin und alles dahin!* Таковъ человѣкъ ! За-мѣтки психологамъ.

23-го ноября, суббота.

15-го числа государь былъ въ Лигницѣ. Ожидаютъ жестокаго боя, но вѣрнаго никто ничего не знаетъ. Много отцовъ и матерей находится въ великой тревогѣ за дѣтей своихъ, служащихъ въ гвардіи и арміи. Конечно, не беспокоиться нельзя; но мнѣ кажется, что не будь сплетень и пустыхъ толковъ, поддерживающихъ это безпокойство, оно уменьшилось бы на половину. Однакожь между малодушными есть и крѣпкодушные. Вотъ, напримеръ, Настасья Дмитриевна Офросимова, барыня въ объясненіяхъ своихъ, какъ извѣстно, не очень-нѣжная, но съ толкомъ. У ней въ гвардіи четыре сына, въ которыхъ она души не слышитъ, а между-тѣмъ гоголь-гоголемъ, разъѣзжаетъ-себѣ по знакомымъ да уговариваетъ ихъ не дурачиться. «Ну, что вы,

плаксы, разрюмились? будто ужь такъ Буна-
партъ и проглотить нашихъ цѣликомъ! На
все есть воля божія, и чему быть, тому не
миновать. Убьютъ, такъ убьютъ, успѣете и
тогда наплакаться». Дама презамѣчательная
своимъ здравомысліемъ, откровенностью и
безусловною преданностью правительству.

26-го ноября, воскресенье.

Рескриптъ государя с.-петербургскому главно-
командующему генералу Вязьмитинову чита-
ютъ во всѣхъ домахъ, восхищаются имъ и
благословляютъ Провидѣніе, ниспославшее Рос-
сиіи такого царя-отца. Какія чувства, какая
великость души и какая любовь къ своему
народу!

«Сергѣй Кузьмичъ! Со всѣхъ сторонъ до-
ходятъ до меня извѣстія о неоднократномъ
изъявленіи привязанности ко мнѣ публики
петербургской и вообще всѣхъ жителей сего
любезнаго мнѣ города. Не могу довольно из-
образить, сколь лестно для меня сіе чувство.
Изъявите имъ отъ имени моего искреннюю и
чувствительную мою признательность. Никог-
да болѣе не наслаждался я честью быть на-
чальникомъ столь почтенной и отличной націи.
Изъявите равномерно всѣмъ, что единое мое
желаніе есть заслужить то званіе, которое я

на себѣ ношу и что всѣ мои старанія къ нему одному предмету обращены.»

28-го ноября, вторникъ.

Кажется, любопытство заразительнѣе чумы. Такъ изъ дома и тянетъ, чтобъ добыть вѣстей. Мы рѣшительно ничего не знаемъ, а должно случиться чему-нибудь важному, потому-что кареты безпрестанно шныряютъ по Тверской, останавливаясь у подъезда главнокомандующаго, точно какъ въ большой праздникъ, когда пріѣзжаютъ съ поздравленіями. У графа Ивана Андреевича и подѣ Донскимъ у гр. Орлова также бывають утренніе сѣзды. Митрополитъ прибылъ изъ лавры. Въ англійскомъ клубѣ замѣтили, что нѣкоторые notabilités, на примѣръ, князь Юрій Владиміровичъ Долгорукой, Петръ Степановичъ Валуевъ, генераль Марковъ и другіе, какъ-то все особятся и долго о чемъ-то втихомолку разсуждаютъ. Многихъ изъ ежедневныхъ посѣтителей англійскаго клуба вовсе не видно. И. И. Дмитріевъ, Карамзинъ и князя Оболенскіе вечера проводятъ у князя Андрея Петровича Вяземскаго; Ю. А. Нелединскій и Обресковъ тоже тамъ. Всеволожскіе, Мятлевъ и Давыдовы у графа А. Г. Орлова. Непремѣнно что-нибудь да знаютъ, или вскорѣ узнать должны.

А между-тѣмъ жизнь частныхъ людей идетъ своимъ чередомъ :

die ewige Natur

Geht Kalt in ihre alte Gleise, — и

Буйныя страсти кипятъ и бушуютъ въ сердцахъ земно-
родныхъ.

Вотъ въ сосѣдствѣ нашемъ случилось недавно происшествіе, драма или романъ — какъ угодно — которое стѣдитъ разсказа. Молодой, достаточный помѣщикъ Зубаревъ влюбился въ воспитанницу тѣтки своей, Софью Ивановну Благову (имена и фамилія невыдуманная), дѣвушку бѣдную, но пригожую и получившую очень-хорошее свѣтское образованіе, и, увѣренный въ взаимной склонности, рѣшился на ней жениться. Передъ свадьбой старуха говорила племяннику: «Жениться вамъ я не препятствовала, но, повторяю, смотри въ оба: дѣвушка умная, но скрытная и безъ намѣренія и разсчета шагу не ступить. Ты добросердеченъ, довѣрчивъ, самонадѣянъ и нехорошъ собою — берегись!» Такое предостереженіе для влюбленнаго — то же, что шелестъ листьевъ на кустарникѣ: мигомъ забыто. Свадьба состоялась, и молодые жили около четырехъ лѣтъ душа въ душу, прижили двухъ ребятишекъ и прожили бы вѣкъ свой спокойно и счастливо, еслибъ горничной Тань-

къ не вздумалось выйти замужъ за повара Сергѣя, принадлежавшаго сенатору Мясоѣдову. Вотъ Танька и говоритъ барыня : «Позвольте мнѣ выдти замужъ». — «Что жь, выходи, милая ; мы дадимъ тебѣ приданое». — «Приданое приданымъ ; но прежде надобно жениха выкупить на волю». — «И на это согласна ; только у меня денегъ нѣтъ, а мужъ едва-ли на это согласится». — «Знаю, сударыня ; да вы можете сказать *Петру Андреичу*». Барыня вспыхнула, однакожь, подумавъ немного, отвѣчала : «Хорошо, я скажу Петру Андреичу».

Петръ Андреевичъ Мошинъ былъ молодой, хорошо-воспитанный человекъ, красивой наружности, знакомый Софѣ Ивановнѣ еще до ея замужства, а послѣ закадычный другъ ея мужа, его совѣтникъ, его оракуль, его душа — словомъ, другой онъ самъ. Петръ Андреевичъ прежде не имѣлъ рѣшительно никакого состоянія, но года за полтора до происшествія, о которомъ идетъ рѣчь, получилъ въ наслѣдство около сотни душъ и тысячъ съ восемь рублей денегъ, жилъ чрезвычайно-скромно, никуда не ѣздилъ, не хотѣлъ имѣть никакихъ знакомствъ и довольствовался однимъ развлеченіемъ бывать у Зубаревыхъ, съ которыми проводилъ все свое время. Когда Зубаревъ отлучался куда-нибудь изъ Москвы по хозяйственнымъ дѣламъ своимъ, онъ поручалъ

попеченію Мошина жену, дѣтей и весь домъ свой, которые обыкновенно называлъ своею *вселенною*.

Между-тѣмъ поварь Сергѣй, при дѣятельномъ пособіи проворной горничной, откупился на волю, заплативъ за себя болѣе трехъ тысячъ руб., и женился на Танькѣ, которой дали хорошее приданое. Но свободному чело-вѣку нужно занятіе; а какое можетъ быть лучше занятіе для повара, какъ не завести трактиръ и не записаться для этого въ купцы? И вотъ Танька опять, пользуясь милостью бывшей госпожи своей, проситъ о запискѣ мужа въ купцы и о ссудѣ его нѣсколькими тысячами на обзаведеніе трактира. «Да у меня, милая, право денегъ нѣтъ» говоритъ ей Софья Ивановна. «И, сударыня» отвѣчаетъ Танька: «вамъ стѣитъ вымолвить одно слово Петру Андреичу». Барыня горько заплакала, но, подумавъ, опять сказала: «Хорошо, я скажу Петру Андреичу.»

И вотъ московскимъ купцомъ Сергѣемъ Ивановымъ открывается на Солянкѣ *съѣстной трактиръ городъ Данцигъ*. Въ этомъ трактирѣ съ ранняго утра до поздней ночи ѣдятъ и пьютъ, поютъ и пляшутъ, и все дѣло ведется прикащикомъ, лихимъ парнемъ, который завѣдываетъ всѣми приходами и расходами; а хозяинъ съ хозяйшкою только-что приказыв-

вають, живутъ-себѣ барами, нѣжата въ постели часовъ до 9-ти, принимаютъ гостей, новыхъ знакомыхъ, распиваютъ съ ними чай и кофе, кушаютъ цыплятъ и телятинку и блаженствуютъ, какъ наши праотцы въ раю.

Однакожь, мѣсяца черезъ три трактирщику приходитъ плохо : вмѣсто гостей, квартира наполняется заимодавцами — одному отдай за сахаръ и чай, другому за мясные припасы, третьему за дрова, и проч. Выручка есть, да расходы вдвое. *Итогъ* : тысячи три убытку. Ступай, Танька, опять къ Софьѣ Ивановнѣ !

На этотъ разъ, сколько ни уговаривала Танька бывшую свою барыню напомнить о ней Петру Андреичу, но Софья Ивановна предпочла отдать ей половину своего гардероба, шаль, часы, цѣпочки, то-есть все, безъ чего порядочная женщина можетъ только обойтись, не обнаруживая своего недостатка, чѣмъ безпокоить Петра Андреича.

Но всѣ эти пожертвованія принесли мало пользы и не пособили дѣлу. Нѣкоторыя вещи проданы за безцѣнокъ, а шаль, часы и цѣпочки украсили Таньку и ея супруга. Да и какъ содержателю трактира быть безъ часовъ, а женѣ его безъ турецкой шали ?

И вотъ Танька, въ нѣсколько пріемовъ обобравшая кругомъ Софью Ивановну и видя, что она не хочетъ болѣе напоминать о ней Пет-

ру Андреевичу, отправилась къ нему сама и, вооружившись всѣмъ безстыдствомъ, къ какому только была способна и которое усовершенствовала въ продолженіе трактирной своей жизни, выманила постепенно у бѣднаго Мошина всѣ деньжонки, бывшія у него на-лицо, и, сверхъ-того, онъ принужденъ былъ заложить имѣньице свое въ опекунскій совѣтъ и полученную за него небольшую сумму также отдать въ удовлетвореніе ненасытной жадности трактирной четы.

Однажды, когда Мошинъ, истощивъ всѣ свои средства, принужденъ былъ невольно отказать въ деньгахъ Танькѣ, озлобленная тварь, поблѣднѣвъ, бросилась вонъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью и пробормотавъ: «Ну, такъ вспомните жь меня!»

На другой день нѣсколько писемъ Софьи Ивановны къ Мошину было въ рукахъ Зубарева, а самъ онъ, разбитый параличомъ, лежалъ безъ чувствъ на диванѣ. Въ этомъ положеніи засталъ его близкій ему родственникъ и добрый нашъ сосѣдъ И. И. Затрапезный, за которымъ посылали. Вскорѣ пріѣхала и старуха-тѣтка; но Затрапезный, во избѣжаніе соблазна, успѣлъ до пріѣзда ея высвободить письма изъ рукъ Зубарева и оставилъ ихъ у себя до времени.

Изъ этихъ писемъ, которая переносила

Танька, бывшая единственною повѣренною любовниковъ съ самаго начала преступной ихъ связи и которая она, вѣроятно, затаила, или украла, обнаруживается, что Софья Ивановна еще до замужства своего имѣла тайныя свиданія съ Мошинымъ, что первый ребенокъ былъ плодомъ ихъ любви, и что она вышла замужъ за Зубарева единственно для того, чтобъ скрыть свое безчестье и имѣть какое-нибудь положеніе въ свѣтѣ, потому-что Мошинъ жениться на ней не могъ, ибо рѣшительно не имѣлъ тогда никакого состоянія, и что, вслѣдствіе этого намѣренія, она завлекла Зубарева, и, видя его привязанность, торопила свадьбою. Нѣкоторыя другія подробности слишкомъ отвратительны, чтобъ о нихъ рассказывать.

Мошинъ совершенно потерялся, да и есть отчего, а Софья Ивановна...

У Мартына-Исповѣдника во время раннихъ обѣденъ ежедневно можно встрѣтить молодую женщину, стоящую въ углу придѣла на колѣняхъ и обливающуюся слезами со всѣми признаками отчаянія. Она молится объ исцѣленіи полумертваго мужа и, вѣроятно, объ отпущеніи собственныхъ ея грѣховъ.

Всѣ люди, всѣ человѣки, говоритъ нашъ добрый, снисходительный отецъ Іоаннъ. Чтò дѣлать! Въ свое время все омоется банею покаянія. А къ Мошину очень примѣнить можно

четыре стиха изъ неподобнаго посланія Бу-
ринскаго :

Вотъ до чего доводятъ страсти,
И вотъ какъ низко ты упалъ,
Что подчиненъ лакеевъ власти
И вдругъ краснѣть предъ другомъ сталъ !

29-го ноября, среда.

Вздили съ Невзоровымъ къ Карцеву, у ко-
торога я такъ долго не былъ. Онъ недомо-
гаетъ и былъ намъ искренно-радъ. Застали у
него князя Гундорова. Этотъ князь, толстый,
громогласный человѣкъ, считается однимъ изъ
лучшихъ наѣздниковъ на рысакѣхъ и за эту
способность находится въ большомъ почетѣ у
охотниковъ и въ милости у графа Орлова; онъ
также извѣстенъ неугомонностью своего апе-
тита, которому, однакожь, не всегда распо-
ложена служить его натура, несмотря на свою
солидность: случается подъ конецъ обѣда, или
ужина, что, наложивъ себѣ верхомъ тарелку
какого-нибудь кушанья и приготовясь наслаж-
даться имъ, онъ вдругъ съ глубокимъ вздо-
хомъ оттолкнетъ его отъ себя съ досадою,
примолвивъ : *не могу !* Невзоровъ преумори-
тельно передаетъ это отчаянное движеніе Гун-
дорова.

Карцевъ читалъ намъ кой-какіе стихи и,
между прочимъ, одинъ стихотворный рассказъ,

подъ заглавіемъ *Цыганъ*, который тутъ же и дозволилъ мнѣ списать. Разсказъ нѣсколько растянута, но языкъ хорошъ и даже лучше многихъ нынѣшнихъ пресловутыхъ писателей. Мнѣ кажется, что Карцевъ мѣтилъ на какое-нибудь лицо, хотя и не признается въ томъ.

ЦЫГАНЪ.

(ПОСЛОВИЦА).

Цыганъ, барышникъ лошадиной,
Мужикъ догадливый, да храбрости гусиной,
Купаяся, попалъ въ водоворотъ
И сталъ тонуть; кричить и вопить: «Гей, ребята!
Спасите! Кто спасетъ, тому ужъ будетъ плата:
Отдамъ послѣднее — топоръ отдамъ!» Народъ,
Какъ водится у насъ, ни съ мѣста, лишь глазѣть:
Народъ, вишь, плавать не умѣть,
За то пересужать другикъ собаку съѣлъ:
«Зачѣмъ попалъ въ рѣку? Не чортъ носилъ купаться!
Знай, дома бы сидѣлъ, пострѣлъ,
Стерегъ табунъ да лапти плелъ,
Такъ вѣтъ, туда жъ въ рѣкѣ задумалъ полоскаться!»
По счастью, кумъ Семепъ шелъ мимо; слышитъ крикъ,
Бултыхъ въ рѣку, давай барахтаться съ волнами
(Онъ парень ловкій былъ, не только-что съ рѣками
Онъ былъ знакомъ съ морями)
И вытащилъ утопленника вмигъ;
А тотъ безъ памяти; однакоже очнулся,
Вдохнулъ,
Зѣвнулъ,
Чихнулъ
И потянулся,
Затѣмъ какъ встрепанный вскочилъ

И норосить домой, забывши о посулѣ:
Онъ домосѣдничать любилъ.
Межь тѣмъ Семень стоялъ на караулѣ
И куманька остановилъ.
«Послушай, говорить, и не ворочай рыла;
Ты, кажется, тому сулилъ топоръ,
Кто выгацитъ тебя скорѣе изъ бучила!»
«Топоръ? какой топоръ? Ну, это чтò за вздоръ?» —
«Какъ вздоръ! Всѣ слышали. Хоть я съ тобой и дру-
жень,

Однако же, признаться, мнѣ
Теперь топорикъ очень нуженъ.»
— «Тебѣ топоръ? на чтò? Да въ вашей сторонѣ.
Имъ дѣлать нечего; къ-тому жь, ты недосужень.» —
«Досужень я, иль нѣтъ — мнѣ слѣдуетъ топоръ:
Я выгацилъ тебя. Отдай! къ чему тутъ споръ?» —
«Ужь полно ль ты тащилъ? Кажися мнѣ, Петруха,
А впрочемъ, ты, иль онъ — въ томъ нѣтъ большой ну-
жды.

Ужь коли сдѣлалась съ товарищемъ проруха,
По христіанству, долженъ ты
Его избавить отъ бѣды:
Такъ, слышь ты, писано; къ тому жь, признаться,
Куда не хочется мнѣ съ топоромъ разстаться!»
— «Давно бѣ ты напрямки сказалъ,
«Чѣмъ проповѣди пѣть, дружище»
Ему Семень безъ сердца отвѣчалъ:
«Ну, жалко топора, отдай хоть топорнище,
Оно и все-то грошь, а я его искалъ...»
— «Вотъ это дѣло, кумъ, и не одно, а пару
Добуду я тебѣ, лишь бы Господь привелъ
Мнѣ побывать въ лѣсу, а тамъ бы я нашелъ,
Хотя бѣ пришлось таскаться до угару.
Да что! тутъ нечего напрасно тратить словъ,
Ужь просто куму вѣрь!» сказалъ—и былъ таковъ.
Не даромъ говорить:
Какъ товуютъ, такъ топоръ сулять

И отказать ни въ чемъ не смѣютъ;
А вытаци — попятятся назадъ
И топорнища пожалѣютъ!

На-дняхъ, кажется, 2-го декабря, въ круглой залѣ Зарубина, у Никитскихъ Воротъ, даетъ концертъ скрипачъ *Бальйо*, соперникъ знаменитаго *Роде*, который, два года назадъ, обворожалъ всю Москву волшебнымъ (какъ тогда говорили) смычкомъ своимъ. Теперь мнѣнія раздѣлились, и нѣкоторые знатоки отдаютъ преимущество *Бальйо*, въ игрѣ котораго находятъ болѣе бѣглости, силы и энергіи; но Всеволожскіе, Мосоловы и другіе дилеттанты одного съ ними круга, утверждаютъ, что хотя *Бальйо* точно отличный скрипачъ и одаренъ необыкновенною силою, но что *Роде* превосходитъ его чистотою, нѣжностью и пѣвучестью игры. «Такъ играетъ» говорятъ они, «что невольно плачешь, сердце выскочить хочетъ и не слышишь земли подъ собою». Вотъ какъ! Но я слышалъ, что то же говорили и даже писали о *Жарновикъ* и помѣшанномъ *Дичъ*. Чему вѣрить? Мнѣ кажется, что нѣтъ лучше того, что нравится; а нравится сегодня одно, завтра другое. Бѣдные мы люди и бѣдный я студентъ!

Непостоянство — доля смертныхъ,
Въ премѣнахъ вкуса — счастье ихъ?

Мало-того, что Державинъ великій поэтъ, онъ и великій мудрецъ; а Н. И. Кондратьевъ, гу-

бернскій секретарь, пишетъ на него кабачные стихи ! Вотъ поди ты съ нимъ !

30-го декабря, четверкъ.

Москва не въ плѣну, однакоже :

«Москва уныла

«Какъ мрачная осення почъ!»

Ни одни стихи такъ не были кстати и не выражали лучше настоящаго состоянія Москвы, какъ эти стихи нашего Дмитриева. Получено извѣстiе, что 20 числа мы претерпѣли жестокое пораженiе подъ Аустерлицемъ. Подробностей никакихъ еще не знаютъ, по крайней-мѣрѣ не знаемъ мы ; только эта роковая вѣсть вдругъ огласила всю Москву, какъ звукъ перваго удара въ большой ивановскiй колоколъ. Я не видалъ никого изъ знатныхъ, но много незнатныхъ разнаго рода людей приходило и прѣзжало къ намъ съ вопросами : *не знаете ли чего ?* Завтра побѣду и я съ такимъ же вопросомъ по своимъ знакомымъ и, вѣроятно, также ничего достовѣрнаго не узнаю.

Мы не привыкли не только къ большимъ пораженiямъ, но даже и къ неудачнымъ стычкамъ ; и вотъ отчего потеря сраженiя для насъ должна быть чувствительнѣе, чѣмъ для другихъ государствъ, которыя не такъ избалованы, какъ мы, непрерывнымъ рядомъ побѣдъ

впродолженіе полувѣка. Очень, очень хочется знать въ подробности о всѣхъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе, что знакомые подстрѣкаютъ своимъ любопытствомъ. Одинъ мой охранитель-геній, Петръ Ивановичъ, корпитъ надъ своимъ *Геніемъ*, почти не принимая участія въ происшествіяхъ политическихъ, да и мнѣ совѣтуетъ не слишкомъ заниматься ими. «Ужь повѣрь, любезный» говоритъ онъ, «что государь знаетъ лучше насъ, съ тобой, что для чего дѣлается; и если насъ потрепали, то видно, что такъ надобно». Можетъ-быть, и правда, но правда и то, что изъ его *Генія* ничего не выйдетъ. Онъ мнѣ кой-что изъ него читалъ: грустно сказать, но совершенно-пустой наборъ словъ.

Сегодня въ городѣ много именинниковъ и все людей знатныхъ и почетныхъ: князь Оболенскій, Колокольцовъ, сосѣдъ нашъ богачъ Баташевъ и проч., только врядъ-ли у кого именины будутъ веселыя: у всякаго въ сраженіи былъ кто-нибудь изъ ближнихъ, или дѣти, или родственники, о судьбѣ которыхъ еще ничего неизвѣстно. Вотъ у нашего Андрея Анисимовича Сокольскаго родныхъ въ походѣ, слава Богу, никого нѣтъ, а всѣ без-опасно поютъ на клиросахъ, и потому пирушка его будетъ несовсѣмъ-скучна. Поѣдемъ къ доброму имениннику!

2-го декабря, суббота.

Извѣстія изъ арміи становятся мало-помалу опредѣлительнѣе, и пасмурныя фізіономіи именитыхъ москвичей проясняются. Старички, которые руководствуютъ общимъ мнѣніемъ, пораздумали, что не лѣзя же, чтобъ мы всегда имѣли однѣ только удачи. Не даромъ есть поговорка: лѣпя, лѣпя и облѣпишь-ся, а мы лѣпимъ больше сорока лѣтъ и, кажется, столько налѣпили, что Россія почти вдвое больше стала. Конечно, потеря не малая въ людяхъ, но народу хватить у насъ не на одного Бонапарте, какъ говорятъ нѣкоторые бородачи-купцы, и не сегодня, такъ завтра подавится, окаянный. Впрочемъ, слышно, что потеряли не столько мы, сколько нѣмцы, коотрые будто-бы *лшася* бѣгу тогда, какъ мы грудью ихъ отстаивали.

3-го декабря, воскресенье.

Всюду толкуютъ о подвигахъ князя Багратиона, который мужествомъ своимъ спасъ арьергардъ и всю армію. Я сегодня воспользовался воскресеньемъ и объѣздилъ почти всѣхъ знакомыхъ, важныхъ и неважныхъ, и у всѣхъ только и слышалъ, что о Багратионѣ. Сказывали, что генераль Кутузовъ доноситъ о немъ въ необыкновенно-сильныхъ выраженіяхъ. Кажется, что мы разбиты и принуждены были

**

ретиrowаться, по милости нашихъ союзниковъ; но тамъ, гдѣ дѣйствовали одни, и въ самой ретирадѣ войскъ наши оказали чудеса храбрости. Такъ и должно быть.

Удивительное дѣло! Три дня назадъ, мы всѣ ходили какъ полумертвые и вдругъ перешли въ такой куражъ, что Боже упаси! сами не свои, и чортъ намъ не братъ. Въ англійскомъ клубѣ выпито вчера вечеромъ больше ста бутылокъ шампанскаго, несмотря на то, что изъ трехъ рублей оно сдѣлалось 3 р. 50 к. и вообще всѣ вина стали дороже.

Войскамъ нашимъ велѣно возвратиться, и государь скоро будетъ въ Петербургъ.

А между-тѣмъ, пока мы деремся съ заграничными французами, здѣшніе французы ломаютъ разныя комедіи и потѣшаютъ Москву какъ ни въ чемъ не бывали. Никогда французскій театръ не видалъ у себя столько посѣтителей, сколько съѣхалось въ сегодняшній бенефисъ мадамъ *Сериньи* и мсьё *Розъ*. Правда, что театръ не великъ, но за-то былъ набитъ биткомъ; давали трехактную комедію: «*Les conjectures ou le faiseur des nouvelles*». Эта пьеса какъ-будто нарочно сочинена для настоящей эпохи и представляетъ довольно-вѣрно непобѣдимую страсть нашего общества къ новостямъ, разнымъ заключеніямъ и пересудамъ

(чтобъ не сказать : сплетнямъ). Она разыграна была удачно, съ большимъ ансамблемъ.

5-го декабря, вторникъ.

Разсказываютъ пропастъ анекдотовъ объ удальствѣ нашихъ солдатъ въ продолженіе трехдневной баталіи. Между-прочимъ, на одного гренадера фанаторійскаго полка напали четыре француза и закричали: *пардонъ*, то-есть сдавайся! Но онъ выстрѣломъ убилъ одного, другаго повалилъ прикладомъ, третьяго прокололъ штыкомъ, а четвертый бѣжалъ. Государь приказалъ представить себѣ храбреца.

«О чемъ вы задумались?» шутя спросилъ я сегодня Петра Ивановича: «кажется съ *Гермией* уладили, дѣвицамъ Скульскимъ стихотворенія ихъ исправили, графинямъ Гудовичъ просодію объяснили и съ барышней Баташевой склоненія и спряженія кончили: день вашъ наполненъ, о чемъ же думать?» — «А вотъ, любезный, о чемъ я думаю» пресерьезно отвѣчалъ мнѣ Петръ Ивановичъ: «у какого Николы завтра слушать обѣдню? У Николы-Явленнаго, у Николы-Дербенскаго, у Николы-Большой-Крестъ, у Николы-Красный-Звонъ, у Николы-на-Щепахъ, у Николы-въ-Столпахъ, у Николы-въ-Кошеляхъ, у Николы-въ-Драччахъ, у Николы-въ-Воробинъ, аль у Николы-на-Болвановкѣ, у Николы-въ-Котелкахъ, или

у Николы-въ-Хамовникахъ? ко всѣмъ не поспѣешь, а поѣхать къ одному, такъ чтобъ другіе причты не обидѣлись: всѣ приглашали на храмовой праздникъ и угощеніе.

Вотъ подлинно душа-то ангельская!

Я-такъ завтра отправлюсь къ Николѣ-на-Курьихъ-Ножкахъ: тамъ у Лобковыхъ три праздника: приходскій, именины сына и рожденье насмѣшницы *ma tante*, которой, по увѣренію отца, минеть 19-ть лѣтъ, хотя мать считаетъ ей только 17-ть. Но сколько бы ни было, она точно мила; современемъ насмѣшливость исчезнетъ, потому-что съ лѣтами, говорятъ, чувствуютъ больше нужды въ людяхъ, а веселость и остроуміе останутся. Я поѣду поздравить ее и повезу ей букетъ, разумѣется, стихотворный или, лучше, смѣхотворный.

7-го декабря, четвергъ.

Вчерашній день прошелъ весело, несмотря на то, что мое самолюбіе очень страдало. Какъ быть! Не всякое лыко въ строку.

Видѣлъ пріѣзжаго изъ Петербурга г. Стратиновича, человекъ среднихъ лѣтъ, съ умной физиономіей, очень-плѣшиваго и очень-серьезнаго. Онъ служитъ цензоромъ, говоритъ какъ книга, прехладнокровно рассказываетъ пресмѣшныя вещи и, повидимому, въ связи со многими знатными людьми. Много толковалъ

о графѣ Головкинѣ, котораго признаетъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей въ Россіи, и выхвалялъ его дипломатическія способности, которыя были причиною назначенія его посломъ въ Китай!

Между-прочимъ, Стратиновичъ, описывая нѣкоторыя черты характера графа Головкина, рассказывалъ, что онъ не можетъ равнодушно слышать трехъ русскихъ пословицъ: 1) *все Божье да царское*, 2) *хоть не радъ да готовъ* и 3) *безъ вины виновать*; а насчетъ нашихъ дѣльцовъ, или почитаемыхъ такими, отзывается, что всѣ они состоятъ изъ людей, которые *хотятъ* и *не умѣютъ*, или *умѣютъ* и *не хотятъ*, или *не хотятъ* и *не умѣютъ*; но что такихъ, которые бы *хотѣли* и *умѣли*, онъ еще не встрѣчалъ. Любопытно его замѣчаніе насчетъ нѣкоторыхъ особъ известнаго круга: «они» утверждаетъ графъ Головкинъ «при всѣхъ добрыхъ своихъ качествахъ, имѣютъ такіе недостатки, которые уничтожаютъ эти качества; напримѣръ, много говорятъ и мало знаютъ; много проживаютъ и мало имѣютъ доходовъ; много о себѣ думаютъ, а мало значать». Стратиновичъ прибавилъ, что всѣ замѣчанія графа заключаютъ въ себѣ какую-то тройственность.

Въ театрѣ давали оперу «*Глупость* или *Тщетная предосторожность*» — плохой переводъ съ

французскаго. Эта опера, которая шла какъ-нельзя-хуже, называется въ оригиналѣ «Une Folie». Кто же видаль называть «Folie» глупостью? Содержаніе пьесы — шалость молодыхъ любовниковъ, и такъ бы должно назвать ее. Пріѣзжіе изъ Петербурга рассказываютъ чудеса объ игрѣ и пѣніи въ этой оперѣ французской актрисы Philis Andrieux, которая производитъ необыкновенный восторгъ, о какомъ здѣсь и понятія не имѣють.

10-го декабря, воскресенье.

Всѣ наши власти и знать въ великой ажитации по случаю послѣзавтрашняго дня. У главнокомандующаго огромный обѣдъ, а вечеромъ нарядный балъ въ дворянскомъ собраніи. На Кузнецкомъ Мосту точно гулянье: въ магазинахъ толпа, а у мадамъ Обер-Шальме такой пріѣздъ, что весь переулочекъ заставленъ каретами. Записнымъ танцовщикамъ нашимъ Валуюву, Козлову, Демидову съ товарищи много предстоитъ работы; сколько имъ будетъ упрашиваній отъ маменекъ, тѣтушекъ и бабушекъ, чтобъ не обошли ихъ дочекъ, племянницъ и внучекъ! Этимъ господамъ теперь лафа: въ городѣ нѣтъ ни гвардейцевъ, ни армейцевъ; есть пѣсколько гарнизонныхъ, отжившихъ свое время офицеровъ, но кто же

изъ нашихъ барышень рѣшится танцовать съ такими кавалерами ?

5-го числа уѣхалъ въ Петербургъ молодой нашъ ученый Двигубскій, недавно съ такимъ отличіемъ возвратившійся изъ чужихъ краевъ—человѣкъ очень-умный и ловкій. Онъ будетъ здѣсь профессоромъ. Это новый даръ М. Н. Муравьева и новое доказательство его попеченій объ университетѣ.

Ф. И. Евреиновъ сказывалъ, что нѣсколько московскихъ хватовъ и, въ томъ числѣ, Черемисиновъ, Зотовъ и Крюковъ вытребованы были къ главнокомандующему на головоумытьѣ за какую-то болтовню. Думали, что расправа съ ними будетъ, попрежнему, потаенная, но вышло напротивъ: Александръ Андреевичъ приказалъ представить ихъ къ себѣ въ пріемный день, когда соберется больше публики, да при всѣхъ отщелкалъ ихъ посвойски, такъ, что они сгорѣли отъ стыда и не знали куда дѣваться. «Ахъ вы, негодные мальчишки! служили безъ году недѣлю, да туда же суетесь судить и радить о политикѣ и критиковать поступки такихъ особъ! Знаете ли, что васъ, какъ школьниковъ, слѣдовало бы выпороть хорошенько розгами? И вы еще называетесь дворянами и благородными людьми—безпутные! какіе вы, къ чорту, благородные люди! такъ, шавель, сущая дрянь!»

Евреиновъ говорить, что начальникъ разсердился больше на то, что эта непростительная болтовня происходила въ троицкомъ трактирѣ, при большомъ стеченіи купцовъ и простаго народа, который съ неудовольствіемъ слушалъ ее, и что изъ этого могъ бы произойти какой-нибудь гвалтъ, неравно-гибельный для самихъ болтуновъ; иначе онъ бы пренебрегъ этимъ, зная, что самъ государь пренебрегаетъ подобными розказнями и не желаетъ, чтобъ ихъ преслѣдовали.

12-го декабря, вторникъ.

Между-тѣмъ, какъ наши знатные москвичи праздновали рожденіе государя и благополучное возвращеніе его изъ арміи, сперва на большомъ обѣдѣ у начальника столицы, а послѣ на балѣ въ дворянскомъ собраніи, незнатный студентъ праздновалъ «сей нареченный и святой день» дома, съ нѣсколькими добрыми знакомцами. У насъ обѣдали неизмѣнный Максимъ Ивановичъ и любезный дѣдушка. У одного въ головѣ журналъ: «Другъ Юношества»; другой до смерти сердитъ на всѣхъ актѣровъ и особенно на актрисъ. Говоритъ: «горничныя, сударь, настоящія горничныя: никакого священнаго огня въ груди не имѣютъ». Пресмѣшной! хочетъ найти священный огонь въ груди у Баранчеевой.

Говоря о священномъ огнѣ, я, къ стыду моему, долженъ признаться, что онъ и въ моей груди погасаетъ: рѣшительно учиться не могу и съ новаго года прощусь съ университетомъ. Не знаю, тотчасъ ли поѣду въ Петербургъ: это будетъ зависѣть отъ воли моихъ домашнихъ; но только наука не лѣзетъ мнѣ въ голову. Петръ Ивановичъ говоритъ, что это пройдетъ, и что я нахожусь въ какомъ-то переходномъ состояніи. Я не понимаю этого выраженія, но чувствую, что обманывать себя глупо, а другихъ — грѣшно, и нечего тратить время попустому. Невѣждою не останусь, а полуневѣждою быть — куда не шло!

Антонскій призывалъ меня и спрашивалъ: приготовилъ ли я стихи для акта? Я отвѣчалъ, что нѣтъ и что написать ничего не могу. «Ну, такъ и тебѣ-тѣ ничего не будетъ-тѣ» сказалъ онъ серьезно, разсердившись: «и лѣнишься-тѣ и балахрысничаетъ-тѣ». Я возразилъ, что, по увѣренію Петра Ивановича, я нахожусь въ переходномъ состояніи, и потому я не виноватъ; къ-тому же онъ самъ написалъ прекрасную пьесу «Геній», и мнѣ съ нимъ, какъ со старшимъ, входить въ соперничество непристойно, тѣмъ болѣе, что мы живемъ вмѣстѣ.

Доброжелатель мой засмѣялся, et le voila desarmé.

15-го декабря, среда.

Все это время дни мои такъ же пусты, какъ и моя голова. Готовимся къ акту; а чтобъ не совсѣмъ огорчить Антонскаго, который постоянно ко мнѣ такъ благосклоненъ, хотя и нерѣдко журить меня, я рѣшился потѣшить его и написалъ нѣмецкую рѣчь о пользѣ изученія иностранныхъ языковъ, которую де-Сангленъ находитъ очень-хорошею и не требующею многихъ поправокъ:

«Hochzuverehrende Versammlung! In unsere Zeiten ist das Studium der lebenden Sprachen ein nothwendiges und wesentliches Stück einer guten Erziehung» и проч. и проч.

Напротивъ, Тургеневы, воспитанники Лемана и записные нѣмцы, говорятъ, что это просто какая-то жижа, которую даже и водою назвать нельзя, но что, впрочемъ, я смѣло могу читать ее, потому-что, кромѣ ихъ, никто меня не поймѣтъ (довольно самолюбія!). Десангленъ гладитъ меня по головкѣ, вѣроят-но, потому, что мы часто выдаемся съ нимъ на вечерахъ у Катерины Александровны Муромцовой, гдѣ я бываю постояннымъ свидѣтелемъ его любезничанья. И въ-самомъ-дѣлѣ, онъ человекъ хорошаго тона и очень-веселый въ обществѣ: великій затѣйникъ на всякія игры и умѣетъ занять молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Всѣ его любятъ и всѣ ему рады. Я не види-

валъ человѣка, который бы такъ ловко соединялъ педагогику съ общежитіемъ.

Въ воскресенье открытіе новаго театра въ домъ Пашкова на Моховой. Даютъ *Прекрасную Арсену*: разумѣется, прекрасною Арсеною будетъ Сандунова, а Монстромъ — Прусакъ. Постараюсь попасть въ этотъ спектакль, благо свободный день.

18-го декабря, понедѣльникъ.

Я слышалъ вчера, что Петербургъ встрѣтилъ государя съ такимъ восторгомъ, какому не бывало примѣра. Послѣдствіемъ этой встрѣчи былъ рескриптъ петербургскому главнокомандующему, съ котораго списки ходятъ уже здѣсь по рукамъ; онъ скоро долженъ появиться и въ газетахъ, но покаместъ еще не напечатанъ и не дошелъ до насъ. Вотъ нѣкоторыя изъ него подлинныя фразы, достопамятныя по чувству и выраженію. Государь, поручая главнокомандующему повторить жителямъ Петербурга признательность его, между прочимъ, изволитъ изъясняться такъ: «Любовь любезнаго мнѣ народа есть моя лучшая награда и единый предметъ всѣхъ моихъ желаній». Наши москвичи, и особенно стихотворцы, въ порывахъ своего усердія и преданности къ государю, обыкновенно называютъ его Титомъ, Маркомъ Авреліемъ, Антониномъ и проч., по-

тому—что не могут ступить шагу безъ древнихъ громкихъ именъ; но я спрашиваю: справедливо ли нашего благочестиваго батюшку—царя сравнивать съ римскими нехристианскими владыками? Тѣ кесари любили триумфы, любили лесть и обожаніе, а нашъ императоръ отказывается даже и отъ тѣхъ почестей, которыя принадлежатъ, независимо отъ сана, его личнымъ заслугамъ, и вотъ тому разительный примѣръ. Въ день рожденія государя, кавалерская дума поднесла ему, чрезъ депутатовъ своихъ, князей Прозоровскаго и Куракина, орденъ св. Георгія 1-й степени; но государь, не принявъ его, приказалъ сказать думѣ, что «онъ благодаритъ ее за вниманіе къ такимъ дѣяніямъ его, которыя онъ почищаетъ своею обязанностью, но что знаки 1-й степени ордена св. Георгія должны быть наградою за распоряженія начальственные; что онъ не командовалъ, а храброе войско свое привелъ на помощь своего союзника, который всѣми онаго дѣйствіями распоряжалъ по собственнымъ своимъ соображеніямъ, и что, потому, не думаетъ онъ, чтобъ все то, что онъ въ семь случаевъ сдѣлалъ, могло доставить ему сіе отличіе; что во всѣхъ подвигахъ своихъ раздѣлялъ онъ только неустранимость своихъ войскъ, и ни въ какой опасности себя отъ нихъ не отдѣлялъ; и что

«сколько ни лестно для него изъявленное ка-
«валерской думой желаніе, но, имѣвъ еще
«единственный случай оказать личную свою
«храбрость, и въ доказательство, сколь ува-
«жаетъ онъ военный орденъ, находить те-
«перь приличнымъ принять только знакъ 4-й
«степени.»

Стоить только прочитавъ этотъ отзывъ го-
сударя, чтобъ вполне почувствовать блажен-
ство быть его подданнымъ и жить подъ его
державою. Князь Одоевскій, который вмѣняетъ
себѣ въ честь, славу и обязанность прежде
всѣхъ получать всѣ извѣстія—на что употреб-
ляетъ важныя суммы—первый распустилъ этотъ
отзывъ государя думѣ по городу, приказавъ
въ своей домашней конторѣ переписать его
въ большомъ количествѣ экземпляровъ и раз-
далъ ихъ своимъ знакомымъ. Предрагоцѣнный
человѣкъ, этотъ князь! даромъ—что подъ век-
селями и другими дѣловыми бумагами не иначе
подписывается, какъ дѣйствительнымъ камерге-
ромъ и старшиною російскаго благороднаго
собранія.

Намъ сказывали по секрету, что Александръ
Андреевичъ также ожидалъ рескрипта, но, не
получивъ его, очень прикручинился и даже не
скрываетъ своей грусти; говорить, что онъ
бы желалъ получить доказательство государе-
ва вниманія не для себя собственно, потому-

что онъ вѣкъ свой отжилъ, но для Москвы, которой усердіе и любовь къ государю проявились во всемъ блескѣ во время отсутствія его изъ Россіи.

Новый театръ въ домѣ Пашкова ни хорошъ, ни дуренъ, а такъ, ни то, ни сѣ. Сдѣланъ изъ манежа и узокъ не по длинѣ. *Прекрасная Арсена* въ томъ видѣ, какъ ее представляютъ, вовсе-непрекрасна. Во время представленія я узналъ, что товарищъ нашъ, Морозовъ, безъ памяти влюбленъ въ Сандунову и ходитъ потихоньку въ театръ всякій разъ, какъ она играетъ. Сегодня мы открыли у него цѣлую кипу посланій, мадригаловъ и сонетовъ къ знаменитой актрисѣ, и все это въ прозѣ. Ну, кто видалъ писать мадригалы и сонеты въ прозѣ? Преоригинальная мысль! Впрочемъ,

Amis respectons ses amours
Pour qu'il respecte aussi les notres.

20-го декабря, среда.

Завтра экзаменъ, послѣзавтра актъ, и затѣмъ прощайте навсегда пансіонъ и университетъ! Около трехъ лѣтъ назадъ, я только и бредилъ, что объ университетѣ и еще въ началѣ нынѣшняго года думалъ не оставить его иначе, какъ съ званіемъ кандидата, а можетъ-быть, и магистра, а теперь бѣгу изъ него безъ оглядки простымъ недоучившимся

студентомъ, бѣгу, не зная самъ куда. Видно, по выраженію Жуковскаго, таковъ человекъ:

Игралище суетъ, волнуемый страстями,
Какъ яримъ вихремъ листъ; ужасный жребій твой:
Бороться съ горестями, болѣзнями и собой!...

Не безъ сердечнаго, однакожь, сожалѣнія оставлю многихъ моихъ доброхотовъ и пособниковъ и никогда не забуду ихъ заботъ и попеченій обо мнѣ. Да и какъ забыть умнаго, положительнаго Страхова, ученаго, красно-рѣчиваго и добродушнаго Сахацкаго, гениальнаго Мерзлякова и даже самого кропотуна Антонскаго, превосходнаго наставника и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ добраго человека, хотя и плохаго профессора! Не говорю уже о Петрѣ Ивановичѣ, съ которымъ еще не такъ то скоро разстанусь и который былъ мнѣ другомъ и братомъ и, несмотря на свое педанство, одинъ изъ превосходнѣйшихъ людей на свѣтѣ по качествамъ сердца и образу мыслей. Не забуду и тебя, милый, безпечный мой Буринскій, будущее свѣтило нашей литературы, поэтъ чувствомъ, поэтъ взглядомъ на предметы, поэтъ оборотами мыслей и выраженій и образомъ жизни — словомъ, поэтъ по призванію! Не забуду тебя, скромный обитатель бѣдной кельи незабвеннаго нашего поэта Кострова, котораго наслѣдовалъ ты талантъ, но не наслѣдовалъ его слабостей.

23-го декабря, суббота.

Экзамены кончились благополучно и актъ прошелъ какъ слѣдуетъ, то-есть какъ проходилъ онъ двадцать лѣтъ назадъ и проходить будетъ опять черезъ двадцать лѣтъ. Спрашивали извѣстное, отвѣчали заученое, представляли судебное дѣйствіе Горюшкина, въ которомъ нѣтъ никакого дѣйствія; любовались рисунками, рисованными учителемъ Синявскимъ, подъ видомъ поправокъ; играли на клавикордахъ тѣ же пьесы, которыя играли прошлаго года и будутъ играть въ будущемъ году все тѣ же братья Лизогубы; танцовали тотъ же балетъ съ гирляндами, которымъ старикъ Морелли угощаетъ посѣтителей ежегодно въ продолженіе почти четверти вѣка; читали *Благодѣнье* Мерзлякова, *Генія* Петра Ивановича, *Гимнъ Истинъ* Грамматина съ поправками Жуковскаго, очень-несчастное *Счастіе* Соковнина, *Французскій діалогъ* въ родѣ разговора: comment vous portez vous?—très bien monsieur, Провозгласилъ и я нѣмецкую рѣчь Hochzuverehrende Versammlung, которую подсказывалъ мнѣ пріѣхавшій въ отпускъ Александръ Тургеневъ и которой никто не слушалъ—словомъ, все прошло какъ-нельзя-лучше. Столичное начальство дѣлало комплименты Антонскому, а онъ передавалъ ихъ учителямъ и нѣкоторымъ воспитанникамъ. Всѣ довольны, но бо-

лѣе всѣхъ доволенъ я, потому-что все это кончилось.

Однакожь, какъ теперь, на свободѣ, пораздумаешь : что это значить : мы, дѣйствительные студенты, ѣздимъ на лекціи въ университетъ, а принадлежимъ еще начальству пенсіонскому? Согласенъ, что тѣ, которые живутъ въ пенсіонѣ, обязаны считаться отъ него зависящими; но я и нѣкоторые другіе вступили въ пенсіонъ полупенсіонерами и никогда въ немъ не жили: почему жъ мы принадлежимъ пенсіону? Вотъ этого никто не хотѣлъ, или не умѣлъ мнѣ растолковать! А что-то неладно.

Завтра отдыхъ. Постараюсь выспаться хорошенько, чтобы какъ-можно-бодрѣе встрѣтить праздникъ. Для меня одной рождественской заутрени мало: поѣду прежде въ успенскій соборъ, а тамъ поищу, не будетъ ли гдѣ другой и третьей попозже. Готовъ бы ихъ прослушать хоть десять, лишь бы послужили ноги. Что это за прелесть такая! Этотъ громкій, торжественный, всепотрясающій кликъ пророка : *съ нами Богъ!* этотъ канонъ, составленный изъ такихъ чудныхъ пѣсенъ *Дама-скина*, какъ, на примѣръ, *жезль изъ корене Исеева* и проч., эти богородичныя и синаксари, право, кажется, что, исключая пасхальной, превосходятъ рождественской службы ничего

не было и нѣтъ. По-крайней-мѣрѣ для меня, она есть самое высокое и утѣшительное наслажденіе и переносить меня въ эпоху моего дѣтства, когда, бывало, я, непремѣнный чтець покойной бабки, прочитавъ великое повечеріе, корифеемъ восклицалъ : «съ нами Богъ!» а за мною уже двуховный клиръ пѣвчихъ провозглашалъ громогласно : «разумѣйте, языцы» и проч. Итакъ, до времени все мірское въ сторону.

26-го декабря, вторникъ.

Всѣ праздничныя обязанности мои выполнилъ я исправно, и совѣсть моя покойна. У однихъ былъ съ поздравленіемъ, у другихъ съ благодарностью, а къ инымъ заѣзжалъ по влеченію сердца. У послѣднихъ оставался долге. За-то какъ и усталъ!

Слышалъ, что градоначальникъ, наконецъ, получилъ рескриптъ и что онъ очень-доволенъ. Эту медленность приписываютъ тому, что государю угодно было обрадовать Москву и ея начальника въ самый день праздника. Завтра узнаю о содержаніи рескрипта и о прочемъ въ-подробности, а теперь, покамѣстъ,

Неодолимый клонитъ сонъ.

Спѣшу въ объятія къ Морфею :

Пусть мнѣ представить въ грезахъ онъ

Ту благодѣтельную фею,

Кому судьбой я обреченъ,
Съ кѣмъ я соединюсь душою,
Съ кѣмъ буду сердцемъ обрученъ!

Что жъ ? стихи какъ стихи, и не хуже виршей князя Шаликова съ товарищи, даромъ—что писаны на сонъ грядущій; а говорятъ, что ихъ писать мудрено. Пустяки!

28-го декабря, четвергъ.

Весь рескриптъ градоначальнику состоитъ изъ необыкновенно-сильныхъ и милостивыхъ выражений. Ждали долго, но за-то ожиданіе вознаграждено сторицею. Вотъ что, между прочимъ, изволить писать государь:

«Любовь народа составляетъ для меня единственный предметъ, начало и конецъ всѣхъ моихъ дѣйствій и желаній. Я поручаю вамъ снова удостовѣрить обывателей московской столицы въ совершенной признательности моей къ толь пріятному для меня ихъ расположенію. Удостовѣрьте ихъ, что покой и счастье народа мнѣ любезнаго считаю я драгоценнѣйшимъ залогомъ, отъ Провидѣнія мнѣ врученнымъ, и важнѣйшею обязанностью моей жизни».

Я думаю, что едва-ли когда-нибудь Москва осчастливлена была подобнымъ изъявленіемъ монаршаго къ ней благоволенія. Вотъ бы ей случай поусердствовать и ознаменовать радость

*

свою чѣмъ-нибудь *непреходящимъ*: что бы стоило воздвигнуть монументъ, или какое-нибудь другое красивое зданіе, на которомъ бы и начертать, въ память родамъ грядущимъ, незабвенныя слова: *любовь народа составляетъ для меня единственный предметъ, начало и конецъ всѣхъ моихъ дѣйствій и желаній!* Въ этихъ словахъ весь Александръ I-й. Не повѣришь, какъ хочется въ Петербургъ! какъ нетерпѣливо желается взглянуть на государя—душу матушки святой Руси!

По случаю этого рескрипта, всѣ наши записные стихотворцы пріударили въ перья. И графъ Хвостовъ и Кутузовъ и прочіе, чиновные и нечиновные, корпятъ надъ виршами и говорятъ, что не далѣе, какъ завтра, постигнетъ насъ настоящее стиховное наводненіе. Но я думаю, что никто ничего путнаго не напишетъ, потому—что Державина здѣсь нѣтъ, Дмитріевъ не пишетъ, Херасковъ дряхль, возлюбленный Мерзляковъ безъ заказа начальства на торжественный случай писать не рѣшится, а для другихъ предметъ слишкомъ-недоступенъ, и всѣ ихъ вирши могутъ состоять изъ одного набора громкихъ словъ и казенныхъ рифмъ.

29-го декабря, пятница.

Вотъ что рассказываютъ: вскорѣ по возвращеніи государя, с.-петербургскому главноко-

мандующему подали, или подложили безыменное письмо съ эпиграфомъ: *nov or never*, въ которомъ заключались очень-здравыя мысли, благонамѣренныя сужденія и множество дѣльных замѣчаній о настоящей политикѣ нашего кабинета и объ отношеніяхъ нашихъ къ другимъ европейскимъ державамъ. Между-прочимъ, неизвѣстный сочинитель письма изложилъ также мнѣніе, что, несмотря на побѣды Бонапарте, не должно оставлять его въ покоѣ и давать ему усиливаться, а, напротивъ, непрерывно воевать съ нимъ и тревожить его, хотя бы то было съ нѣкоторыми потерями; что настоящее время есть самое удобнѣйшее для того, чтобъ соединенными силами имѣть надъ нимъ поверхность, и что если это время будетъ упущено, то съ нимъ послѣ не сладишь: *nov or never*.

Генераль Вязьмитиновъ, получивъ это письмо, представилъ его государю, который не токмо не прогнѣвался на смѣлость сочинителя письма, но пожелалъ даже узнать его, и потому приказалъ обвѣстить чрезъ полицію с.-петербургскихъ жителей и вмѣстѣ публиковать въ газетахъ, чтобъ тотъ, кто обронилъ бумагу съ надписью *nov or never*, явился къ нему, генералу Вязьмитинову, безъ всякаго опасенія. Премудро и премилосердо! Полагаютъ, что это письмо сочинялъ какой-нибудь иностранецъ

потому—что нѣкоторыя выраженія несовсѣмъ—то русскія.

Сегодня спектакль въ пользу актёровъ и актрисъ г. Столыпина. Даютъ «Прекрасную Арсену», а скрипачъ *Элуа* играетъ концертъ на скрипкѣ. Поѣхалъ бы, еслибъ давали не «Арсену». Впрочемъ, и лучше: отправлюсь съ братомъ Иваномъ Петровичемъ Поливановымъ къ Робертсону въ фантазмагорію и кинетозографію: ничего этого я еще не видалъ.

Любезные мои нѣмцы и нѣмки пѣniają мнѣ, что я давно у нихъ не былъ и они не видали меня въ третьей части «Русалки», которую третьягодня давали въ первый разъ. Они думали, что возвышенныя цѣны были тому причиною и увѣряли меня, что я всегда имѣю свободный входъ въ театръ безъ всякой платы. Взяли съ меня слово, что непременно пріѣду къ нимъ подъ новый годъ въ маскарадъ. Это добродушное ихъ объясненіе и приглашеніе заставило краснѣть меня и будетъ стоить мнѣ недешево.

«О самолюбіе! ты нашихъ дней отравя.»

Штейнсбергъ боленъ и боленъ опасно, между—тѣмъ ему не даютъ покоя. Боюсь, чтобъ мы не лишились его: Штейнсберга никто не замѣнить. Какой актёръ и какой человекъ! Въ послѣднемъ отношеніи если кто наиболѣе приближается къ нему по качеству ума, такъ это развѣ трансцендентальный пасторъ Гейдеке.

30-го декабря, суббота.

Представленіе Робертсона началось кинетозографіею ; это крошечный театр, состоящій изъ нѣсколькихъ перемѣнъ разныхъ видовъ: то передъ вами зимній дворецъ съ огромною площадью, то академія художествъ съ широкою рѣкою, то селеніе съ церковью и почтовою станціею, то прозрачное озеро съ раскинувшимися по берегамъ его рощами и проч. Но какъ все это сдѣлано! какъ освѣщено и какъ оживлено! По площади разѣзжаютъ разные экипажи, скачутъ верхами офицеры, идутъ пѣшеходы: кто бѣжитъ, а кто идетъ тихо, едва передвигая ноги; по набережной гуляютъ кавалеры и дамы, встрѣчаются другъ съ другомъ, снимаютъ шляпы, кланяются и дѣлаютъ ручкой; вотъ скачетъ почтовая тройка и останавливается у станціи: выходятъ ямщики, осматриваютъ повозку и проч; по озеру плаваютъ лодки, однѣ на парусахъ, другія управляются гребцами, а третьи стоятъ на мѣстѣ и съ нихъ рыболовы удятъ рыбу; между-тѣмъ по небу ходятъ прозрачныя облака, вѣтерокъ качаетъ деревцами; наконецъ смеркается, и изъ-за горизонтá выплываетъ полная луна — словомъ, прелесть! Умники говорятъ, что это хорошо для дѣтей. Согласенъ; да все-таки хорошо, и такъ хорошо, что я хочу быть ребенкомъ. Всякое вѣрное подражаніе природѣ есть уже

художество, которое причисляется къ категоріи художествъ изящныхъ. Послушайте Сахацкаго.

Вотъ вамъ нѣчто и неребяческое. Вы въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, въ которой не видно зги, темно и мрачно, какъ въ могилѣ. Вдругъ вдали показывается свѣтлая точка, которая приближается къ вамъ и, по мѣрѣ приближенія, все растеть, растеть и наконецъ возростаеть въ огромную летучую мышь, сову или демона, которые хлопаютъ глазами, трепещутъ крыльями, летаютъ по комнатѣ и вдругъ исчезаютъ. Засимъ появляется докторъ-поэтъ Юнгъ, несущій на плечахъ трупъ своей дочери, кладеть его на камень, беретъ заступъ и начинаеть рыть могилу. Эта чуха называется фантазмагоріей.

Богъ съ ней, съ этой фантазмагоріей! Передъ самымъ представленіемъ этого плаксы-Юнга такая поднялась въ темнотѣ возня, что Боже упаси! Тамъ кричатъ: «ай!» тамъ слышны «ахъ!» тамъ чмоканье губъ, тамъ жалобы на невѣжество; тамъ крикъ матушекъ и тѣтушекъ: «что такое, Маша?», «что съ тобою, Лиза?» тамъ глубокіе вздохи, прерываемые сердитымъ голосомъ: «да перестаньте!» — словомъ, такая суматоха и такой соблазнъ, что мѣчи нѣтъ! Зрителей было человѣкъ болѣе двухсотъ и болышею частью молодыхъ людей обоого пола,

размѣщенныхъ весьма-тѣсно на скамейкахъ. Въ такой толпѣ, и особенно въ такой темнотѣ, виноватыхъ не сыщешь: всѣ правы. Опомниться не могу отъ этой потѣхи.

31-го декабря, воскресенье.

Услышавъ поутру о прїѣздѣ Ивана Александровича Загряжскаго, знаменитаго владѣльца еще болѣе знаменитаго села Карейна, искренняго друга и сослуживца моего дѣда, я тотчасъ же отправился къ нему и, къ великой моей радости, засталъ его дома. Все семейство его, два сына и три дочери, находится въ Петербургѣ, а онъ живетъ на холостую ногу и, кажется, не упускаетъ случая повеселиться. Онъ радъ былъ меня видѣть, благодарилъ, что прїѣхалъ сегодня, а не завтра, потому-что навѣрное не засталъ бы его дома; спрашивалъ о старшей сестрѣ, которую отецъ, послѣ кончины первой жены своей, оставлялъ у него въ домѣ на воспитаніи, покамѣстъ не женился на моей матери. Онъ попрежнему окруженъ пышностью и не измѣняетъ своимъ привычкамъ, прїобрѣтеннымъ въ штабѣ князя Потемкина, котораго былъ онъ изъ первыхъ любимцевъ и ежедневнымъ собесѣдникомъ. Узнавъ, что я очень-знакомъ съ нѣмецкимъ театромъ, онъ сказывалъ, что привезъ собственную свою балетную труппу и чрезъ балетмей-

**

стера своего, итальянца Стеллато, уже поладилъ съ будущимъ антрпренёромъ Александромъ Муромцевымъ насчетъ опредѣленія своихъ танцоровъ къ нѣмецкому театру за извѣстную плату, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ первая его танцовщица, Наташа, и славный прыгунъ, Иваницынъ, отпущенные на волю, получали особое жалованье.

При мнѣ у Загряжскаго перебивало довольно гостей, старыхъ его пріятелей и сослуживцевъ. Говорили, разсуждали, смѣялись, шутили, такъ-что время прошло незамѣтно, и Загряжскій оставилъ меня обѣдать. Мнѣ чрезвычайно понравились анекдоты, разсказанные хозяиномъ о Львѣ Александровичѣ Нарышкинѣ, отцѣ Александра Львовича, нынѣшняго главнаго директора театральныхъ зрѣлищъ. Одного изъ нихъ не разскажу, потому-что онъ неочень-благопристоенъ, но другіе готовъ сообщить тебѣ, и вотъ изъ нихъ первый. Однажды императрица Екатерина, во время вечерней эрмитажной бесѣды, съ удовольствіемъ стала разсказывать о томъ безпристрастїи, которое замѣтила она въ чиновникахъ столичнаго управленія, и что, кажется, изданіемъ «Городоваго Положенія» и «Устава Благочинія» она достигла уже того, что знатные съ простолюдинами совершенно уравниены въ обязанностяхъ своихъ предъ городскимъ начальствомъ. «Ну, врядъ ли,

матушка, это такъ» отвѣчалъ Нарышкинъ. — «Я же говорю тебѣ, Левъ Александрычъ, что такъ» возразила императрица «и еслибъ люди твои и даже ты самъ сдѣлали какую несправедливость, или ослушаніе полиціи, то и тебѣ спуску не будетъ». — «А вотъ завтра увидимъ, матушка» сказалъ Нарышкинъ: «я завтра же вечеромъ тебѣ донесу». И въ-самомъ-дѣлѣ на другой день, чѣмъ свѣтъ, надѣваетъ онъ богатый кафтанъ со всѣми орденами, а сверху накидываетъ старый, изношенный сюртучишка одного изъ своихъ истопниковъ и, нахлобучивъ дырявую шляпѣнку, отправляется пѣшкомъ на площадь, на которой въ то время подъ навѣсами продавали всякую живность. «Господинъ честной купецъ» обратился онъ къ первому попавшемуся ему курятнику: «а почему продавать цыплятъ изволишь?» — «Живыхъ—по рублю, а битыхъ—по полтинѣ пару» грубо отвѣчалъ торгашъ, съ пренебреженіемъ осматривая бѣдноодѣтаго Нарышкина. «Ну такъ, голубчикъ, убей же мнѣ парочки двѣ живыхъ-тѣ». Курятникъ тотчасъ же принялся за дѣло: цыплятъ перерѣзалъ, ощипалъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ кулѣкъ, а Нарышкинъ, между-тѣмъ, отсчиталъ ему рубль мѣдными деньгами. — «А развѣ, баринъ, съ тебя рубль слѣдуетъ? Надобно два». — «А за что жь, голубчикъ?» — «Какъ за что? За двѣ пары жи-

выхъ цыплятъ. Вѣдь я говорилъ тебѣ: живые по рублю». — «Хорошо, душенька; но вѣдь я беру не живыхъ, такъ за что жь изволишь требовать съ меня лишнее?» — «Да вѣдь они были живые». — «Да и тѣ, которыхъ продаешь ты по полтинѣ за пару, были также живые; ну я и плачу тебѣ по твоей же цѣнѣ за битыхъ». — «Ахъ ты, калатырникъ!» взбѣсившись, завопилъ торгашъ, «ахъ ты, шишмонникъ этакой! Давай по рублю, не то вотъ господинъ полицейскій разберетъ насъ!» — «А что у васъ за шумъ?» спросилъ тутъ же расхаживавшій, для порядка, полицейскій. «Вотъ, ваше благородіе, извольте разсудить насъ» смиренно отвѣчаетъ Нарышкинъ: «господинъ купецъ продаетъ цыплятъ живыхъ по рублю, а битыхъ по полтинѣ пару; такъ, чтобъ мнѣ, бѣдному человѣку, не платить лишняго, я и велѣлъ перебить ихъ и отдаю ему по полтинѣ». Полицейскій вступился за купца и началъ тормошить его, увѣряя, что купецъ правъ, что цыплята были точно живые, и потому долженъ онъ заплатить по рублю; а если не заплатитъ, такъ онъ отведетъ его въ сибирку. Нарышкинъ откланивался, просилъ милостиваго разсужденія, но рѣшеніе было неизмѣнно. «Давай еще рубль, или въ сибирку». Вотъ тутъ Левъ Александровичъ, какъ-будто ненарочно, разстегнулъ сюртукъ и явился во всемъ блескѣ

своихъ почестей, а полицейскій въ ту же секунду вскинулся на курятника: «Ахъ ты, мошенникъ! самъ же говорилъ живые по рублю, битые по полтинъ, и требуетъ за битыхъ какъ за живыхъ! Да знаешь ли, разбойникъ, что я съ тобой сдѣлаю?... Прикажите ваше превосходительство, я его сейчасъ же упрячу въ доброе мѣсто: этотъ плутецъ узнаеть у меня не уважать такихъ господъ и за битыхъ цыплятъ требовать деньги какъ за живыхъ!»

Разумѣется, Нарышкинъ заплатилъ курятнику вчетверо и, поблагодаривъ полицейскаго за справедливое рѣшеніе, отправился домой, а вечеромъ въ эрмитажѣ разсказалъ императрицѣ происшествіе, какъ только онъ одинъ умѣлъ расказывать, прищучивая и представляя въ лицахъ себя, торгаша и полицейскаго. Всѣ смѣялись, кромѣ императрицы, которая, задумавшись, сказала: «Завтра же скажу оберполиціймейстеру, что, видно, у нихъ попережнему: *разстѣнутъ — правъ, застѣнутъ — виноватъ*».

О прочихъ анекдотахъ, напр., какъ Нарышкинъ одного посланника, вызвавшаго его за шутку на дуэль, оставилъ на мѣстѣ, и какимъ образомъ объявлялъ онъ строптивой супругѣ своей о кончинѣ ея отца, о которой никто объявить ей не рѣшался, сообщу по времени, а теперъ на встрѣчу новому году къ нѣмцамъ, въ маскарадъ!

1806 годъ.

4-го января, понедѣльникъ.

«Съ преподобными преподобень будеши, и со строптивыми развратишися».

Это богомудрое изреченіе сбылось на мнѣ въ полномъ значеніи слова. Благодаря нѣкоторымъ повѣсамъ, вчерашнюю ночь напролетъ я прогулялъ въ маскарадѣ, ходя объ-руку съ разными масками двусмысленнаго поведенія, которыя всё такъ хорошо замаскированы были, что ихъ можно было бы узнать за четверть версты. Одна изъ нихъ, Марья Ивановна Козлова, открылась мнѣ, что выходитъ замужъ за берейтора колымажнаго манежа, Шульца, товарища старика Кина, и вмѣстѣ съ нимъ моего наставника въ верховой ѣздѣ. Поздравляю ее: супружество блистательное. Но, правду сказать, она женщина чудесная, собою красавица и стоитъ такого мужа. О прежнемъ говорить нечего: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Слава Богу, что посреди этихъ соблазновъ удержался я еще отъ пьянственнаго окаянства! Итакъ сегодня не поспѣлъ куда и визиты

справлять придется завтра; а что буду отвѣчать, если инья прочія спросятъ: *Ou avez vous été hier, monsieur?* или отпустить такую фразу: *Vous avez la mine toute bouleversée, monsieur: seriez vous par hazard malade?* Что же? сказалъ на прямки всю правду да и въ сторону. Признаніе заставить все извинить.

Маскарадъ не обошелся безъ исторіи: двое закадычныхъ пріятелей, Лисенко и Батуриный, чуть-было не вцѣпились другъ другу въ волосы за мадамъ Кафка, которая одного предпочла другому. Это напомнило мнѣ лафонтенову басню, которая, кажется, начинается такъ:

*Deux coqs vivaient en paix: une poule survint
Et voici la guerre allumée.
Amour, tu perdis Troye!* и проч.

Штейнсбергъ опасно боленъ и не сходить съ постели. Дирекція театра передана уже Муромцеву, и нѣкоторые актёры и актрисы переѣзжаютъ къ нему въ домъ въ Посланниковъ Переулокъ.

Получилъ преминое письмо изъ Петербурга. Пишутъ о скорѣйшемъ доставленіи аттестата и просьбы для поступленія на службу. Прежде будущаго мѣсяца сдѣлать этого не могу et pour cause.

Плохо началъ я этотъ годъ. Какъ-то Богъ приведетъ кончить его?

3-го января, среда.

Истинная правда: настоящее стиховное наводненіе. У кого только я ни былъ, у всѣхъ находилъ въ разныхъ видахъ и размѣрахъ оды по случаю полученія все милостивѣйшаго рескрипта и, въ томъ числѣ, одну, поднесенную градоначальнику, которая, къ-сожалѣнію, изъ рукъ вонъ плоха: ни одной мысли, ни одного чувства, ни одного выраженія! Господи Боже мой! не-уже-ли же нашъ московскій Парнасъ до такой степени обнищаль, что для такого важнаго случая не выставитъ ни одного достойнаго пѣснопѣвца? Право, такую жижу и посылать къ тебѣ совѣстно и грустно; развѣ отправить ее только для пріобщенія къ прочимъ курьезностямъ твоей литературной кунсткамеры.

О Д А.

Градовъ полунощныхъ царца,
Сѣдяща на горахъ крутыхъ,
Почтенна древняя столица
Обширѣйшей изъ странъ земныхъ,
Склона подѣ тяжкими стѣнами
Главу, покрыту сѣднами,
Вкушала сладостный покой;
Огромны башни позлащенны,
Одеждой бѣлой покровенны,
Дремали томно надѣ рѣкой,

Почто по зимней ночи мрачной
Востокъ зардѣлся отъ огней

*И Фебъ въ румяной ризь брачной
Сугубить свѣтъ своимъ лучей,
Снѣга алмазами блеснули,
Изъ льдовъ налды воспрянули
И вся природа толь красна,
Что въ хладъ мертвомъ и суровомъ
Она мигаетъ подъ покровомъ
И жизни радостной полна?*

Не звукъ ли ангельскій несется
Отъ норда съ невскихъ береговъ ?
Нѣтъ, сладкій голосъ раздается
Отца въ сердцахъ его сыновъ ;
Его драгое начертанье
Души небесной изліянье
Москву и въ старости живить.
Имя ангела на тронѣ,
Намъ сладко жить въ его законѣ,
Когда онъ намъ любовь дарить.

Живи, нашъ Царь, живи во вѣки,
Какъ ты отъ насъ былъ отлученъ,
Въ мольбахъ мы лили слезны рѣки,
А нынѣ — духъ нашъ восхищенъ !
Москва горить къ тебѣ любовью,
Въ сѣдницахъ старцы, хладны кровью,
Понеси долго службы трудъ,
Огнь почувствовавши новы,
Служить тебѣ еще готовы
И кровь застывшую прольютъ.

А ты, съ которымъ мы встрѣчаемъ
Въ весельѣ сладкомъ новый годъ,
Въ комъ любимъ мы и почитаемъ
Славяновъ древнихъ духъ и родъ...
О ! сколько видѣтъ намъ пріятно,
Что ты за доблесть многократно
Щедротой царской озаренъ.

Почтенъ заслугами, душою.
Нешетны годы правъ Москвою
И буди въ вѣкъ благословенъ!

Ухъ! чего тутъ нѣтъ? Во-первыхъ, есть древняя столица, которая склоняетъ покрытую сѣдинами-главу подъ *тяжкими стѣнами!* есть и позлащенные башни, покровенныя бѣлой одеждой, которыя *тожно дремлютъ* надъ рѣкою! есть и Фебъ въ брачной, румяной ризѣ, *сугубящій свѣтъ лучей своихъ!* есть и наяды, *воспрянувшія изъ льдовъ!* есть и хладные кровью старцы, которые, почувствовавъ новые огни, *готовы пролить застывшую кровь!*—словомъ, все тутъ есть, кромѣ здраваго смысла. Право, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ не повѣрятъ, чтобъ эта чепуха была сочиняема серьезно и еще на такой случай ¹!

О, Дмитріевъ! много толку въ твоемъ *Чужомъ Толкѣ!*

5-го января, пятница.

Не жури меня, потому-что мнѣ и безъ того грустно. Бѣды большой въ томъ нѣтъ, что я сказалъ тебѣ отъ искренняго сердца спасибо. Да и какъ не сказать, когда ты безпрестанно меня выручаешь! «Лучше *даяти, чѣмъ прики-*

¹ Предсказаніе студента, сдѣланное въ 1806 году, сбылось въ 1856: безъ справки не повѣрили.

мати» говорить писаніе; и если у *принимателя* отнять одно средство, которымъ онъ можетъ расквитаться съ *дателемъ*, то—есть чувство благодарности, то это значило бы надѣть на него вѣчные кандалы, и потому ты дѣлай свое дѣло, а мнѣ не препятствуй дѣлать моего. Поступимъ по тому же писанію, которое слышали сегодня и услышимъ завтра: «Остави, тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду».

Сегодня выѣзжалъ я только въ церковь, а послѣ навѣстить умирающаго Штейнсберга, и съ-тѣхъ-поръ цѣлый день дома. На свободѣ проглотилъ, наконецъ, многохвальный романъ «Тереза и Фальдони», перевода Каченовскаго и чуть-было не подавился. А отчего мнѣ грустно? Не отъ «Терезы же и Фальдони» и даже не отъ того, что Катерину Ивановну Яковлеву-Собакину, дѣвушку-красавицу и наслѣдницу огромнаго состоянія—которую я коротко знаю и съ которою случалось мнѣ болтать по нѣсколькимъ часамъ безъ умолку, потому-что она болтаетъ любить—кто-то увезъ изъ театра. Мать, женщина простая и сама невыѣзжающая въ свѣтъ, отпускала ее всюду съ французенкой. Я предчувствовалъ, что это когда-нибудь случится. Барышня девятнадцати лѣтъ, богатая, своенравная и своеобычная, легкомысленная, ежеминутно-увлекающаяся, должна

была быть жертвою какого-нибудь отчаяннаго спекулятора. Нѣтъ, Катерина Ивановна, не вы причиную, что мнѣ грустно,

И все мнѣ смутное желанье давить грудь.
И что-то все влечетъ меня къ кому-нибудь ;
Чего-то хочется, чего — и самъ не знаю.
Какъ вѣтка по рѣкѣ, ношусь отъ края къ краю !

Давеча, проходя отъ Штейнсберга мимо комнаты мадамъ Шредеръ, я зашелъ къ ней и засталъ ее за фортепяно (у нихъ сочевника нѣтъ). Она спѣла мнѣ порусски пѣсню Кавелина (одного изъ старыхъ лучшихъ нашихъ воспитанниковъ, товарища Магницкаго и Ханенко), да такъ спѣла, что я прослезился. И какъ выговариваетъ она слова ! совершенно русская, даже милѣе чѣмъ русская :

На что, съ любезной расставаясь,
На что прости ей говорить,
Какъ-будто съ жизнью разлучаясь
Счастливымъ больше ужъ не быть ?
Не лучше ль просто : *до свиданья,*
До новыхъ радостей, сказать,
И въ сихъ мечтахъ очарованья
Себя и время забывать ?

а послѣдніе куплеты :

Въ пріятну ночь, при лунномъ свѣтѣ
Представить счастливо себѣ,
Что нѣкто встѣ еще на свѣтъ
Кто думаетъ и о тебѣ !
Что и она, рукой прекрасной
По арфѣ золотой бродя,

Своей гармонією страстной
Зоветь къ себѣ, зоветь тебя !
Еще день, два — и рай настанетъ...
Но, ахъ ! твой другъ не доживетъ !

Эта полная тихаго чувства пѣсня, этотъ милый, трогательный голосъ хорошенькой, безцеремонной жевщины почти у самыхъ дверей умирающаго пріятеля, мысль о моемъ одиночествѣ, несмотря на дружбу добраго моего Петра Ивановича, и какое-то непонятное влеченье въ Петербургъ, соединенное съ нѣкоторыми воспоминаніями о Липецкѣ—совершенно возмутили меня, и мнѣ сдѣлалось грустно, такъ грустно, что я изъяснить не въ-стояніи.

На ту бѣду, какъ нарочно, никого нѣтъ. Хоть бы дѣдушка зашелъ, такъ потолковали бы о закулисныхъ происшествіяхъ.

Ну кто бы подумалъ, что эту пѣсню мадамъ Шредеръ выучила и пѣла еще въ Ревелѣ, когда въ Москвѣ о ней и теперь понятія не имѣютъ ?

7-го января, воскресенье.

Вчера ѣздилъ на іорданъ, устроенный противъ кремлевской стѣны на Москвѣ-рѣкѣ. Несмотря на сильный морозъ, преосвященный викарій соборомъ служилъ молебенъ и погружалъ крестъ въ воду самъ. Набережныя съ обихъ

сторонъ кипѣли народомъ, а на самой рѣкѣ такая была толпа, что ледъ трещалъ, и я удивляюсь, какъ онъ могъ не провалиться! Въ первый разъ удастся мнѣ видѣть эту церемонію въ Москвѣ: она меня восхитила. При погруженіи креста и громкомъ пѣніи архіерейскихъ пѣвчихъ и всего клира: «Во Иорданѣ крещающуся тебѣ, Господи», палили изъ пушекъ и трезвонили во всѣ кремлевскіе колокола, и это пѣніе, и эта пальба, и звонъ, этотъ говоръ стотысячнаго народа, съ знаменіемъ креста усердно-повторявшаго праздничный тропарь, представляли такую торжественность, что, казалось, будто Искупитель самъ плотію присутствовалъ на этомъ обрядѣ воспоминанія о спасительномъ его богоявленіи погибавшему міру. Говорятъ, что въ Петербургѣ эта церемонія еще великолѣпнѣе; можетъ-быть; но сомнѣваюсь, чтобъ она была поразительнѣе и трогательнѣе.

По окончаніи церемоніи, народъ сталъ расходиться, и Нилъ Андреевичъ Новиковъ повелъ меня на смотръ невѣсть, который у низшаго купечества и мѣщанства бываетъ ежегодно въ праздникъ крещенія и о которомъ я понятія не имѣлъ. По всей набережной стояло и прохаживалось группами множество молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ довольно-богатыхъ зимнихъ нарядахъ: штофныхъ, бархатныхъ

и парчевыхъ шубахъ и шубейкахъ; многія изъ нихъ были бы очень-миловидны, еслибъ не были черезчуръ набѣлены, нарумянены и насурмлены; но, при этой штукатуркѣ и раскраскѣ, онѣ походили на дурно-сдѣланныхъ восковыхъ куколъ. Передъ вереницею невѣстъ разгуливали молодые купчики, въ лисьихъ шубахъ и высокихъ шапкахъ, и всѣ были, по выраженію Новикова, съ *кондачка*, то-есть чистенько одѣты и прикидывались молодцами. Между-тѣмъ какая-то проворная бабѣнка подбѣжала къ намъ и прямо обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «А ты, золотой мой, невѣсту, что-ли, высматриваешь?» — «Невѣсту высматриваемъ вотъ съ тятенькою» отвѣчалъ я очень-учтиво, показавъ на Новикова: «да только по мысли-то не найдемъ». — «А вотъ, постойте, мои красавцы, я вашей милости покажу: такая, матушка, жирненькая, да и приданьице есть: отецъ въ Рогожской постоялый дворъ держитъ» и съ этими словами привела насъ къ одной группѣ, въ которой стояла дѣвушка, въ малиновой штофной шубѣ, лѣтъ, повидимому, двадцати-пяти, недурная собою, но такъ же намалёванная и такого необъятнаго для дѣвушки дородства, что она, въ сравненіи съ другими, казалась тыквою между огурцами. «Вотъ вамъ, сударики, невѣста, такъ ужъ невѣста!» съ самодовольствіемъ сказала сваха.

«Коли приглянулась, такъ скажите, гдѣ жить изволите и какъ вашу милость звать, а я завтра понавѣдаюсь и о вашемъ житьѣ-бытьѣ невѣстѣ поразскажу». Я объявилъ на-ушко свахѣ, что невѣста намъ очень понравилась и что тятеньку моего зовутъ Ниломъ Андреевичемъ Новиковымъ, а живемъ мы на Ордынкѣ, въ своемъ домѣ, и чтобъ она не замѣшкалась явиться къ нему для переговоровъ. Хоть бы этимъ пронять стараго проказника, который не пропускаетъ ни одного случая поднять меня на смѣшки.

Этотъ выборъ невѣстѣ показался мнѣ очень-похожимъ на выборъ молодыхъ канареекъ въ Охотномъ Ряду: выбирай изъ сотни любую, покрупнѣе или помельче, пожелтѣе или позеленоватѣе; а которая изъ нихъ пѣть будетъ — Богъ одинъ вѣсть.

А слыхалъ ли ты, какъ этотъ любезный оригиналь, Нилъ Андреевичъ, увозилъ цыганку изъ Епифани, какъ весь цыганскій таборъ гнался за нимъ болѣе ста верстъ, и чѣмъ онъ отъ него отдѣлался? Это случилось еще до нашего рожденія, однакожь происшествіе въ памяти у многихъ и такъ занимательно, что я когда-нибудь тебѣ его разскажу.

9-го января, вторникъ.

Кудрявцевъ рассказывалъ при мнѣ генералу Дурнову, что графъ Каменскій получилъ отъ государя собственноручное письмо, которымъ онъ приглашается прѣхать къ извѣстному времени въ Петербургъ и, между-тѣмъ, быть готовымъ къ принятію какого-то важнаго порученія; что по сему случаю фельдмаршалъ вчера отправился въ свои нижегородскія деревни.

Николай Николаевичъ Сандуновъ также скоро ѣдетъ въ Петербургъ. Говорятъ, что долженъ тамъ быть къ 17 числу. Кажется, онъ хочетъ сенатскую службу свою промѣнять на ученую.

Нашего губернскаго предводителя, Льва Дмитриевича Измайлова, ждуть къ 18-му числу. То-то пойдетъ потѣха! Бѣльшая часть изъ его ассистентовъ и согулякъ, Шиловскій, Рославлевъ, Кобяковъ, и проч. уже здѣсь. Эти господа очень грозятся на губернатора и говорятъ, что Измайловъ непременно въ февралѣ поѣдетъ въ Петербургъ хлопотать о его смѣнѣ. По всему видно, что этотъ губернаторъ не захотѣлъ поклоняться рязанскому Амагу.

Завтра на бѣгу большое состязаніе между нѣкоторыми знатными охотниками. Мы ѣдемъ смотрѣть: такого важнаго случая въ жизни москвичей пропустить нельзя.

11-го января, четверг.

Пасторъ Гайдеке утверждаетъ, что Штейнсбергъ проживетъ недолго. Жаль! Это былъ такой человѣкъ, какихъ на бѣломъ свѣтѣ мало бываетъ. Какую жизнью и какими трудами искупилъ онъ заблужденія своей молодости! И вотъ, я думаю, почему онъ былъ такъ увлекателенъ въ первыхъ сценахъ 4-го дѣйствія шиллеровыхъ «Разбойниковъ». Съ какимъ чувствомъ говорилъ онъ тираду: «die Blätter fallen», въ которой Карль Мооръ воспоминаетъ о прежнихъ дняхъ своей невинности: «O meine Unschuld, meine Unschuld!» Пасторъ Гейдеке сознается, что онъ прежде имѣлъ противъ Штейнсберга какое-то предубѣжденіе и даже критиковалъ его въ своемъ журналѣ, но что послѣ, узнавъ его короче, онъ не только сталъ уважать его, но даже искренно его полюбилъ. Однакожь я говорю о бѣдномъ Штейнсбергѣ, какъ объ умершемъ, тогда-такъ, можетъ-быть, онъ еще и выздоровѣеть; у Бога милости много! — кромѣ того, его пользуютъ лучшіе здѣшніе медики и пользуютъ безмездно, слѣдовательно усердно, съ дружескимъ вниманіемъ и осторожностью.

Вчерашній бѣгъ былъ оживленъ и казался какимъ-то охотничьимъ праздникомъ. Стеченіе народа, несмотря на будничныи день, было чрезвычайное. У Александра Алексѣевича Чесменскаго былъ охотничій завтракъ, и охот-

ники прїѣхали съ него на балъ, кажется, очень подгулявши. Закладъ, предложенный г. Мосоловымъ за своего *Буяна* противъ *Катна* графа Орлова, не принять; но это не помѣшало охотникамъ состязаться между собою изъ одной славы. Чесменскій на *Каткѣ*, Мосоловъ на *Буянь*, Давыдовъ на *Потъшиномѣ*, А. И. Яковлевъ на какомъ-то сибирскомъ буланомъ меренѣ, князь Гундоровъ, Исаковъ и много другихъ пустились на своихъ рысакѣхъ по бѣгу перегонять другъ друга, и, вопреки обыкновенію, они не прїостанавливали ихъ на поворотахъ, но поворачивали круто на всей рыси и такимъ образомъ бѣгали до-тѣхъ-поръ, пока лошади ихъ не изнурились и не стали. Одинъ только рысакъ г. Мосолова не токмо не изнурился и не сталъ, а, напротивъ, остальные концы продолжалъ бѣжать одинъ съ возрастающею быстротою, и г. Мосоловъ остановилъ его уже самъ, когда всѣ другіе съѣхали съ бѣга. Я очень боялся, чтобъ, при такой быстрой ѣздѣ, не случилось какого несчастія, тѣмъ болѣе, что охотники были навеселѣ, однакожь Богъ миловалъ. Николай Петровичъ Аксеновъ, знающій охотникъ, сказывалъ, что мосоловскій рысакъ скаковой породы и оттого такъ силенъ, а между-тѣмъ его не очень уважаютъ, потому-что не такъ красивъ и происходитъ не отъ лошадей графа Орлова. Этотъ *

несчастный *esprit de parti* мѣшается всюду и во все, даже и въ самую охоту.

12-го января, пятница.

Сію минуту изъ бенефиса Гальтенгофа. Давали «Дон-Жуана». Сгоряча не могу выразить всего, что я почувствовалъ въ продолженіе представленія этой оперы. Какая прелестная музыка! Нейкомъ, въ своихъ огромныхъ серъгахъ, дирижировалъ оркестромъ. Театръ былъ полонъ. Я никогда не видывалъ столько дамъ высшаго общества въ ложахъ нѣмецкаго театра, какъ въ сегодняшнемъ представленіи. Всѣ извѣстные любители-музыканты занимали кресла. Я замѣтилъ Сандунову и Злова въ одной изъ ложъ 2-го яруса.

На-дняхъ опишу представленіе во всей подробности, а теперь не до того. Довольствуйся, покажѣсть, этимъ заключеніемъ недѣльной моей тетради, которая полетитъ къ тебѣ завтра.

15-го января, понедѣльникъ.

«Дон-Жуана» игралъ Гальтенгофъ, Лепорелло—Гунниусъ, дону Анну—мамзель Соломони, дону Эльвиру — прежняя мадамъ Гебгардъ, для которой входная арія была выпущена, дона Оттавіо — мадамъ Шредеръ, Церлину — мамзель Гунниусъ, Мазетто — Эме, коменданта — Виль-

гельмъ Гасъ. Если говорить о каждомъ въ-особенности, то всѣ исполнили дѣло свое хорошо ; но въ цѣломъ опера была изувѣчена : партія дон-Жуана написана для баса, а ее пѣлъ теноръ ; донъ-Оттавіо — роль тенора, а ее исполняла мадамъ Шредеръ—сопрано'; Церлина, если не совсѣмъ контральто, то самый низкій меццо-сопрано, а ее пѣла маленькая Гунніусъ, сопрано самый высокій ; о Мазетто нечего и говорить: басовую партію пѣлъ контральтино. Для всѣхъ этихъ господъ Нейкомъ долженъ былъ партіи транспонировать, и оттого въ *morceaux d'ensemble* произошла нѣкоторая нескладица. Я не музыкантъ, но у меня хорошей слухъ, а Катерина Александровна Муромцева — мачиха нынѣшняго директора нѣмецкаго театра, великая музыкантша и нѣкогда сама необыкновенная пѣвица — утверждаетъ, что настоящая гармонія оперы потеряна. Только трое изъ дѣйствовавшихъ лицъ были на своихъ мѣстахъ : мамзель Соломони, Гунніусъ и Вильгельмъ. Я простилъ Соломони мою Лизету, которую она исковеркала, за партію дон-Анны, которую исполнила она, по увѣренію Катерины Александровны, согласно съ мнѣніемъ всей публики, совершенно-удовлетворительно. Богъ даровалъ ей талантъ огромный — большой, гибкій и пріятный голосъ, прекрасную наружность и много чувства : стд-

ить только все это усовершенствовать ученьемъ и опытностью и, нѣтъ сомнѣнiя, что въ серьезныхъ оперныхъ партiяхъ она можетъ быть первоклассною пѣвицею и актрисою. Не помню, у Буало или Грессета, есть стихъ :

«*Tel brille au second rang, qui s'eclipse au premier*»:

но, въ-отношенiи къ Соломони, смыслъ этого стиха должно измѣнить на слѣдующий :

Tel brille au premier rang qui s'eclipse au dernier.

Кто видѣлъ Соломони въ простой роли Лизеты и послѣ слышалъ ее въ важной партiи донь-Анны, тотъ, конечно, замѣтитъ эту поразительную разницу въ исполненiи ею обѣихъ ролей и необыкновенно-быстрые ея успѣхи въ области искусства. Не знаю, отчего дирекцiя русскаго театра не догадается завербовать ее на свою сцену. Она родилась въ Россiи, итальянскаго у ней одинъ только голосъ, говоритъ порусски какъ русская и прекрасно образована, играетъ на скрипкѣ и фортепяно и танцуетъ прелестно. Вотъ еще талантъ, которымъ публика будетъ обязана Штейнсбергу, умѣвшему угадать его.

18 января, четвергъ.

Наконецъ удалось мнѣ побывать у Походяшина, съ кѣмъ и какъ—о томъ знать нѣтъ надобности. Это человекъ тихий, скромный и

молчаливый, живетъ болѣ жизнью созерцательною, однакожь не забываетъ исполнять и нѣкоторыя свѣтскія обязанности въ своемъ кружку; ростомъ не малъ, худощавъ и физиономію имѣетъ безстрастную. Онъ принялъ меня ласково, съ любовью, но безъ излишней довѣрчивости, какъ слѣдовало принять недоучку-студента. Дѣлалъ мнѣ кой-какіе вопросы, на которые я отвѣчалъ какъ умѣлъ, запинаясь и краснѣя, потому-что ничто такъ не лишаетъ присутствія духа, какъ желаніе внушить о себѣ доброе мнѣніе и опасеніе проговориться. Спрашивалъ, гдѣ я служить намѣренъ. Я отвѣчалъ, что меня обѣщали опредѣлить въ иностранную коллегію и что я имѣю полное удостовѣреніе въ исполненіи этого обѣщанія, какъ-скоро доставлю въ Петербургъ нужныя для сего бумаги. «Это служба довольно-видная» сказалъ Походяшинъ «и для молодого образованнаго человѣка можетъ быть очень-выгодна въ-отношеніи къ повышенію чинами и другимъ отличіямъ; сверхъ того, она дастъ средства путешествовать и въ чужихъ краяхъ пріобрѣсть такія познанія, какія намъ здѣсь бываютъ недоступны; но между-тѣмъ, въ этой службѣ — разумѣя ее въ нѣкоторой высшей степени дѣйствованія — есть и свое неудобство: надобно умѣть болѣе или менѣе притворствоваться, иначе хорошимъ дипломатомъ

быть нельзя». Здѣсь онъ взглянулъ на образъ Спасителя стариннаго письма, стоящій въ перенесенномъ углу маленькаго его кабинета на какомъ-то продолговатомъ черномъ пьедесталѣ, и потомъ, взглянувъ на меня, продолжалъ : «Да, къ сожалѣнію, нельзя отвергать, что чѣмъ человѣкъ простѣе и прямодушнѣе, тѣмъ менѣе его понимаютъ въ свѣтѣ, а безкорыстную честность почитаютъ какимъ-то неслыханнымъ дивомъ ; и такъ-какъ большая часть людей привыкла судить по своимъ чувствамъ, своимъ видамъ, или своимъ склонностямъ, то самые простые, благонамѣренные поступки всегда приписываютъ лицемѣрію, скрытнымъ намѣреніямъ и видамъ своекорыстнымъ, а между-тѣмъ настоящимъ лицемѣрамъ тепло на свѣтѣ : и въ политикѣ, и въ общественныхъ сношеніяхъ, и даже — страшно вымолвить — въ самой религіи ; они пріобрѣтаютъ народность и уваженіе. Эгоисты и прошлецы дѣйствуютъ мастерски : для нихъ ничего не значатъ ни увѣренія въ дружбѣ, ни предложенія услугъ тогда, когда знаютъ, что въ нихъ не нуждаются, ни коварныя улыбки кстати, ни измѣнническое молчаніе, ни вѣроломныя рукожатія — словомъ, всѣ эти средства обращаютъ они въ свою пользу и похищаютъ незаслуженную благосклонность. Вотъ отчего, при этомъ несчастномъ состояніи нашего общества, трудно сохранить себя отъ

увлеченія и не притворяются, когда другіе притворствуютъ, не лицемѣрять, когда вокругъ васъ лицемѣрятъ другіе; вотъ отчего такъ трудно исполнить заповѣдь Христову: *будите мудри, то-есть осторожны, яко змія и цѣли, то-есть чисты, яко голубіе*. Согласить осторожность поведенія съ чистотою сердца: *здѣ премоудрость!*»

И много еще говорено было кой-чего, о чемъ долго разсказывать. Странное дѣло! Походяшинъ никогда не говоритъ иначе, какъ вдвоемъ или втроемъ; при лишннихъ людяхъ онъ молчитъ и кажется челоѣкомъ очень-ограниченнымъ, за какого мнѣ его и выдавали. Онъ изъ стариннаго купеческаго званія, былъ нѣкогда очень-богатъ, но призрѣвалъ нища и убога и отдалъ все въ заемъ *Богови*. Теперь самъ немного развѣ богаче Максима Ивановича, если не считать капитала, скрытаго въ небесахъ.

Петръ Ивановичъ испугался, когда я объявилъ ему, что былъ у Походяшина. Тотчасъ пошли разспросы: какъ, съ кѣмъ и когда? Но мой Петръ Ивановичъ всего пугается: онъ испугался до смерти, что мадамъ Шредеръ въ сочевникъ пропѣла мнѣ съ глазу на глазъ пѣсню; испугался, что я былъ на смотру невѣсть; испугался нѣмецкаго письма, которое получилъ я изъ Петербурга, и говоритъ, что

**

меня въ Липецкѣ испортили. Не пугается только онъ, когда мы бываемъ у его ученицъ, дѣвицъ Скульскихъ, откормленныхъ двадцатипяти-лѣтнихъ пулярдокъ, которыхъ называетъ онъ удивительными невинностями и которыя, вопреки своему призванію, хотятъ непременно попасть въ поэтессы или поэтиссы, въ Сафо или Дезульеръ. А сколько бы теперь дѣтей было у этихъ бѣлыхъ, румяныхъ и дородныхъ поэтессъ или поэтиссъ, еслибъ онѣ похлопотали о своемъ замужствѣ! Право, люди не знаютъ настоящаго своего назначенія!

20-го января, суббота.

Въ минувшій понедѣльникъ пріѣхалъ Николай Петровичъ Архаровъ, и я сегодня былъ у него. Чуть-ли старикъ не собирается въ Петербургъ. Но зачѣмъ? Онъ челоуѣкъ не нынѣшней эпохи, въ которую *милость хвалится на судъ*, крутъ, упрямъ и властолюбивъ. Сказывалъ, что встрѣтилъ стараго своего знакомаца, смоленскаго военнаго губернатора Степана Степановича Апраксина, который въ одинъ и тотъ же день съ нимъ пріѣхалъ и, кажется, болѣе не возвратится въ Смоленскъ: хочетъ пожить на покоѣ. Если этотъ баринъ поселится въ Москвѣ, то можно ее поздравить съ добрымъ обывателемъ. Богатъ-перебогатъ; фамилія не только знатная, но и заслуженная;

домъ какъ полная чаша ; своя музыка, свой театръ, свои актёры ; любить жить на большую ногу ; привѣтливъ и радушенъ — гуляй Москва ! Николай Петровичъ спрашивалъ меня, часто ли бываю у его брата, Ивана Петровича. Я отвѣчалъ, что давно не былъ. « Дурно » сказалъ онъ : « у него общество всегда хорошее, и тебѣ полезно бывать тамъ ».

Пріѣхавшій новый танцмейстеръ Ламираль, въ прошедшее воскресенье дебютировалъ съ женою и восьмилѣтнею дочерью въ какомъ-то турецкомъ дивертисментѣ. Я ихъ не видалъ ; но тѣ, которые видѣли, хвалятъ. Только преудивительное дѣло : въ воскресенье дебютировали, а чрезъ недѣлю, то-есть послѣзавтра, въ понедѣльникъ, танцуютъ они въ свой бенефисъ. Мнѣ кажется, что бенефисы должны даваться въ награду за нѣкоторое время службы, а не за одинъ разъ прыганья въ турецкомъ нарядѣ.

Я очень понимаю, что талантомъ можно возвысить свое положеніе въ свѣтѣ, и ни мало не удивляюсь, если горничная, булочница или швея поступаютъ на сцену, дѣлаются актрисами, пѣвицами или танцовщицами ; но, чтобъ актриса, жена превосходнаго актёра, обратилась добровольно въ швею — этого постичь не могу. Однакожь примѣръ передъ глазами. Проѣзжая Кузнецкій Мостъ, я замѣтилъ на домѣ Дю-

муть новую вывѣску: «Nouveau magasin de modes; Madame Duparay, ci-devant actrice du théâtre français à Moscou». Вотъ куда спустилась рыжая *Аписія*! Sic transit gloria mundi!

21-го января, воскресенье.

Добродушный хитрецъ Антонъ Антоновичъ въ-самомъ-дѣлѣ думаетъ, что я ничѣмъ не занимаюсь, кромѣ театра. Я пришелъ просить его о выдачѣ мнѣ студенческаго аттестата, а онъ свое: «А больше учиться-та не хочешь?» — «Не хочу, Антонъ Антонычъ». «Какъ Митрофанушка-та: не хочу учиться, хочу жениться?» — «Хочу, Антонъ Антонычъ». — «Не бось, туда же въ дармоѣды-та, въ иностранную коллегію?» — «Туда и отправляюсь, Антонъ Антонычъ». — Ректора-та попроси, а я изготовить аттестатъ велю. А новые стихи-та Жуковского знаешь?» — «Знаю, Антонъ Антонычъ». — «Ну-ка, прочитай-ка».

. Поэзія, съ тобой,
И скорбь и нищета теряютъ ужась свой!
Въ тѣни дубравы, надъ потокомъ,
Другъ Феба съ ясною душой
Въ укромной хижинѣ своей,
Забывшій рокъ, забвенный рокомъ
Поеть, мечтаетъ — и блаженъ!
И кто, и кто не оживленъ
Твоимъ божественнымъ вліяньемъ?
Цѣвницы грубыя задумчивымъ брицаемъ

Лапландецъ, дикій сынъ свѣговъ,
Свою туманную отчизну прославляетъ
И неискusstvenной гармоніей стиховъ,
Смотря на бурные валы, изображаетъ
И хладный свой шалашъ и шумъ морей,
И быстрый бѣгъ саней,
Летащихъ по свѣгамъ съ еленемъ быстроногимъ.
Счастливый жребіемъ убогимъ,
Оратай, наклоняся на плугъ,
Влекомый медленно усталыми волами,
Поетъ свой лѣсъ, свой мирный лугъ,
Возы скрипящи подъ снопами,
И сладость зимнихъ вечеровъ,
Когда, при шумѣ вьюгъ, предъ очагомъ блестящимъ,
Въ кругу своихъ сыновъ,
Съ напѣткомъ пѣннымъ и кипящимъ
Онъ радость въ сердце льётъ
И мирно въ полночь засыпаетъ,
Забывъ на дикія бразды пролитый потъ...

«Полно-та, полно-та!» вскричалъ мой Антон-скій, развеселившись, «ужъ вижу, что знаешь. Когда успѣваешь выучивать-та? все съ актёрками танцуешь-та!» — «Я стиховъ не учу, Антонъ Антонычъ, сами въ память врѣзываются». — «Ну а прозу также помнишь-та?» — «Помню, Антонъ Антонычъ». — Ну-ка, прочитай что-нибудь, хоть изъ Марѣы Посадницы, или изъ Вадима-та!»

«Раздался звукъ вѣчеваго колокола — и вздрогнули сердца въ Новгородѣ!»

«Безмолвныя дубравы, тихія долины, обители меланхоліи! къ вамъ стремлюсь душою,

пѣвецъ природы, незнаемый славою : сокройте меня, сокройте!...»

Я отхваталъ ему «Полпосадницы» и чуть не треть «Вадима», и мой Антонскій давай цаловать меня! «Слышалъ, слышалъ, что у тебя память-та хороша, а этого не ожидалъ. Говорятъ, что и «Пророковъ» знаешь, и «Притчи» и «Исуса Сираха». — «Знаю, Антонъ Антонычъ». — «Ну, жаль, жаль, что я прежде-та не зналъ; а теперъ Христось съ тобой. Да съѣзди въ Донской и молебень отслужи».

Антонскій полагаетъ, что молебны дѣйствительнѣе въ Донскомъ Монастырѣ, потому-что братъ его тамъ архимандритомъ.

23-го января, вторникъ.

По милости брата И. П. Поливанова, я, наконецъ, хотя гостемъ, попалъ въ англійскій клубъ — и какъ доволенъ! Онъ общаетъ записывать меня когда только захочу, и я завтра же буду тамъ обѣдать. Какой домъ! какая услуга — чудо! Спрашивай чего хочешь — все есть и все недорого. Клубъ выписываетъ всѣ газеты и журналы, русскіе и иностранные, а для чтенія есть особая комната, въ которой не позволяется мѣшать читающимъ. Не хочешь читать—играй въ карты, въ бильярдъ, въ шахматы; не любишь картъ и бильярда—разговаривай: всякій можетъ найти себѣ собесѣдника

по душѣ и по мысли. Я намѣренъ непременно каждую недѣлю, хотя по одному разу, бывать въ англійскомъ клубѣ. Онъ показался мнѣ какимъ-то особымъ маленькимъ міромъ, въ которомъ можно прожить, обходясь безъ большаго. Объ обществѣ нечего и говорить : вся знать, всѣ лучшіе люди въ городѣ членами клуба. Я нашелъ тутъ князей Долгорукихъ, Валуева, смоленскаго Апраксина, екатерининскаго генерала Маркова съ георгіевскою звѣздою, трехъ князей Голицыныхъ, изъ которыхъ, у князя Михайла Петровича такой великолѣпный домъ въ Новой Басманной и почти такая же славная картинная галерея, какая была у однофамильца его, знаменитаго филантропа; встрѣтилъ Ивана Петровича Архарова, который очень удивился, увидѣвъ меня въ клубѣ; сенаторовъ: Мясоѣдова, пріятеля нѣкогда главнаго государственнаго человѣка Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго; праводушнаго Мамонова, Алябьева, Ивана Владиміровича Лопухина, столь извѣстнаго умомъ и подвигами человѣколюбія; Нелединскаго, умнаго, остраго, любезнаго куртизана и образцоваго поэта; встрѣтилъ также и князя Ивана Сергѣевича Гагарина, съ которымъ познакомился въ Липецкѣ; Карамзина, И. И. Дмитріева, Пушкиныхъ, А. А. Тучкова, П. И. Кутузова и губернскаго предводителя дворянства Дашкова,

сына столь славной въ свое время Екатерины Романовны, угадавшей геній Державина. Нѣкоторые сидѣли въ кружку и много кой-о-чемъ говорили и разсуждали; между-прочимъ, услышалъ я, что герой князь Багратионъ прибылъ 19-го числа въ Петербургъ, а въ послѣдней половинѣ будущаго мѣсяца прїѣдетъ и въ Москву. Толковали, какимъ бы лучше образомъ сдѣлать ему торжественный прїемъ. П. С. Валуевъ предлагалъ дать ему большой обѣдъ въ клубѣ съ музыкою и пѣвчими, а Кутузовъ вызывался написать въ честь его кантату; но Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ и Нелединскій были такого мнѣнія, что прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, надобно переговорить съ градоначальникомъ и безъ его согласія ни къ чему не приступать.

Князь Михаилъ Александровичъ сказывалъ, что послѣзавтра бенефисъ Померанцева и приглашалъ къ себѣ въ ложу. Даютъ драму Ильина : «Лиза, или торжество благодарности», въ которой Померанцевъ, говорятъ, превосходень. Ужь, конечно, поѣду, вопервыхъ, потому, что отъ игры Померанцева заплачу, а вовторыхъ, что за нея не заплачѹ. Вотъ и мои concetti ! Они стоятъ державинскаго, которое ходитъ здѣсь по рукамъ :

О, какъ великъ На-полѣ-онъ
И хитръ и быстръ и твердъ во брани,

«Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани»
«Къ нему съ штыкомъ Богъ-рати-онъ».

Иванъ Ивановичъ говорить, что ему сгрустнулось отъ этихъ стиховъ, потому—что они доказываютъ, какъ низко можетъ упасть гений, подточенный старостью, и что приобрести славу легче, чѣмъ до конца уберечь ее. Онъ, шутя, замѣчаетъ, что изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ самое трудное умѣть остановиться во-время, и ничего такъ за себя не опасается, какъ выжить — если не изъ ума, такъ изъ вкуса.

25-го января, четвергъ.

Сегодняшній спектакль не въ счетъ годовыхъ ложъ и кресель, а въ пользу актёра Померанцева, какъ нынче печатаютъ въ афишахъ (хорошо выдумали фразу!) былъ порядочно-скученъ и никому не принесъ удовольствія. Даже и строптивая Верещагина, подруга князя Михайла Александровича и записная любительница слезныхъ драмъ, зѣвала порядочно. Померанцевъ точно хорошъ въ своей роли; но что могъ сдѣлать онъ одинъ въ этомъ обществѣ неблагообразныхъ персонажей? За драмой дана была комедія въ одномъ дѣйствіи «Слуга двухъ господъ» и разыграна лучше. Въ ней особенно отличался Сандуновъ, который, по рассказамъ, сталъ съ недавняго времени очень гордиться своимъ происхожденіемъ, будто-бы

отъ древнихъ грузинскихъ владѣтелей. Охота же умному человѣку приплетаться въ родню Митридату и подражать татарамъ—халатникамъ, которые всѣ считаютъ себя потомками Чингисхана !

Платонъ Петровичъ Бекетовъ рассказывалъ въ университетѣ, что на пенсіонскомъ актѣ 22-го прошедшаго мѣсяца, какой-то провинціалъ подсѣлъ къ графу Хвостову и, желая, видно, польстить ему, какъ сенатору, началъ хвалить его сочиненія и, между-прочимъ, съ подбострастіемъ увѣрялъ его, что онъ наизусть знаетъ всѣ его шуточные оды. На вопросъ графа Хвостова, какія же это оды, провинціалъ прочиталъ нѣсколько строфъ изъ слѣдующей :

«Хочу къ безсмертью пріютиться,

«Нанять у славы уголокъ,

«Сквозь кучу рифмачей пробиться,

«Связать изъ мыслей узелокъ;

«Хочу и я сварганить оду

«И выкинуть такую моду,

«Чтобъ былъ ненадобень Пегасъ,

«Ни Аполлонъ, дѣтина строгой;

«Хочу проселочной дорогой,

«На долгихъ ѣхать на Парнасъ.

«Горшки не боги жь обжигаютъ,

«А намъ кто не велѣлъ строчить?... и проч.

Графъ Хвостовъ сдѣлалъ прекислиую мину,

всталъ и отошелъ отъ любителя шуточныхъ стихотвореній.

Дѣло въ томъ, что несчастный льстецъ принялъ одного Хвостова за другаго и, вмѣсто забавнаго сатирика, наткнулся на вовсе-незабавнаго и совсѣмъ-угорѣлаго лирика и баснописца.

26-го января, пятница.

Катерину Ивановну Яковлеву-Собакину догнали, воротили, сдали съ рукъ на руки больной матери, и она—какъ ни въ чемъ не бывала. Да и въ-самомъ-дѣлѣ она была увезена противъ воли: къ подъѣзду театра подъѣхала карета, нѣсколько голосовъ закричало: «карета Яковлевой-Собакиной!» Она, по обыкновенной своей вѣтренности, не осмотрясь, вскочила въ карету, дверцы захлопнули, кучеръ ударилъ по лошадамъ и — похищеніе совершилось! Только проѣхавъ Кузнецкій Мостъ, вѣтренница замѣтила, что, вмѣсто французенки, возлѣ нея сидитъ какой-то немолодыхъ лѣтъ мужчина; хотѣла закричать; но похититель увѣрялъ, что везетъ ее домой. И точно, онъ провезъ ее по Нѣмецкой Слободѣ мимо самаго дома Яковлевыхъ; но, вмѣсто того, чтобъ повернуть въ ворота, онъ отправился за лефортовскую заставу.

3-го числа февраля назначенъ у графа Орло-

ва большой балъ, чтò называется пирь на весь мiръ. Танцовщиць въ виду много, но танцоровъ, напротивъ, почти вовсе нѣтъ. Нѣкоторыя извѣстныя дамы, коротко-знакомыя въ домъ графа, имѣютъ порученiе отъ молодой графини вербовать хорошихъ кавалеровъ. Не знаю, почему Катерина Александровна Муромцова считаетъ меня въ числѣ хорошихъ кавалеровъ и предложила взять меня съ собою вмѣстѣ съ старшимъ ея сыномъ. «Но я рѣшительно танцовать не умѣю» сказалъ я: «застѣнчивъ и неловокъ». — «Et pourtant vous avez dansé chez les Wervevkiines et vous dansez souvent chez les Lobkoff, comme si je ne le savais pas.» — «Это правда; но у Веревкиныхъ былъ балъ запросто, а у Лобковыхъ я танцую *roug gige* въ своемъ кружку; да и не танцую, а прыгаю козломъ». — «А у Орловыхъ будешь прыгать бараномъ — вотъ и вся разница! Болтай-себѣ безъ умолку съ своей дамой — и не замѣтять, какъ танцуешь». Я отнѣкивался, но мнѣ Катерина Александровна рѣшительно объявила: «Vous irez, mon cher; je le veux absolument: a votre âge on ne refuse pas un bal comme celui du comte Orloff, ni une femme qui vous a vu naitre. C'est ridicule».

Дѣлать нечего, буду снаряжать свой бальный костюмъ: пюсовый фракъ и бѣлый жилетъ

съ поджилетникомъ изъ турецкой шали. Разодѣнись хватомъ!

28-го января, воскресенье.

Сегодня былъ я у нѣмцевъ на репетиціи «Der Kaufmann von Venedig» Шекспира. Эта пьеса, которую разучиваютъ уже три мѣсяца, такъ плохо идетъ, что, кажется, и совсѣмъ не пойдетъ. Шейлока долженъ былъ играть Штейнсбергъ; а теперь, вмѣсто него, вздумалъ играть Кистеръ, которому эта роль не по силамъ. Отеутствіе Штейнсберга замѣтно и въ самой репетиціи: какая-то неладница, путаница; бѣдные актёры и актрисы точно гуртъ овецъ безъ хозяина.

Однакожь, что это за пьеса «Венеціанскій Купецъ» и что она доказываетъ? Приготовляясь видѣть ее на сценѣ, я прочиталъ ее и, право, не понимаю, а растолковать нѣкому. Венеціанскому купцу понадобились для услуги пріятелю деньги, и онъ занимаетъ ихъ у жида съ такимъ обязательствомъ, что если не заплатитъ въ срокъ, то жидъ имѣетъ право вырѣзать изъ него фунтъ мяса. Срокъ прошелъ, купецъ денегъ заплатить не могъ, и жидъ требуетъ исполненія обязательства. Дѣло, по своей важности, перенесено на судъ дожа, который не знаетъ, какъ разсудить его. Является женщина, подъ видомъ ученаго юриста, и,

съ дозволенія дожа, берется разрѣшить необы-
валый случай. Она начинаетъ тѣмъ, что, по
буквальному смыслу обязательства, обвиняетъ
купца и предоставляетъ жида вырѣзать изъ
него фунтъ мяса, но вмѣстѣ съ тѣмъ нала-
гаетъ и на жида обязанность вырѣзать ни
больше, ни меньше, какъ только одинъ фунтъ
и совершенно безъ пролитія крови; въ про-
тивномъ же случаѣ, подвергаетъ его наказанію,
какому подлежатъ жида за пролитіе крови
христіанской. По мнѣнію моему, это просто
подборъ подъ законъ: если въ обязательствѣ
не означено дозволенія, при вырѣзываніи мяса,
проливать кровь, то не означено также и за-
прещенія; а между-тѣмъ какъ же можно изъ
живаго человѣка вырѣзать кусокъ мяса безъ
того, чтобъ при этой операциіи не было крови?
Это несогласно съ природою и здравымъ
разсудкомъ; и чтó жь въ этомъ ложномъ
истолкованіи смысла и рѣчи обязательства мо-
жетъ быть трагическаго? Развѣ только нена-
висть жида противъ христіанина ¹.

Пожалуй, если пойдетъ на игру словъ въ
юриспруденціи и на превратные толки о дѣй-

¹ Теперь я совсѣмъ не такъ уже думаю, но 52 года въ
жизни человѣка большая разница. Я воспретилъ себѣ
всякую переѣну въ изложеніи.

Позднѣйшее примѣчаніе.

ствіяхъ подсудимыхъ лицъ, то и у насъ найдется много случаевъ, изъ которыхъ иному русскому Шекспиру вздумается сочинить трагедію, и вотъ, напримѣръ, одинъ анекдотъ, рассказанный П. И. Аверинимъ и слышанный имъ отъ Д. П. Трощинскаго. Какого-то харьковскаго помѣщика обокрала дворовая дѣвка и бѣжала. Баринъ подалъ объявленіе о побѣгѣ и сносъ разныхъ вещей. Дѣвку поймали, посадили подъ караулъ и предали суду. Но дѣвка была смазлива, а судья человекъ чувствительнаго сердца, и потому непремѣнно хотѣлъ оправдать красавицу; для этого онъ составилъ слѣдующій приговоръ: «А какъ изъ учиненнаго слѣдствія оказывается, что означенная дворовая жѣнка Анисья Петрова вышепомянутыхъ пяти серебряныхъ ложекъ и таковыхъ же часовъ и табакерки не *крала*, а просто *взяла*, и съ оными вещами не *бѣжала*, а только такъ *пошла*, то ее Анисью Петрову отъ дальнѣйшаго слѣдствія и суда, какъ въ винѣ непризнавшуюся и неизобличенную, навсегда освободить.»

То ли еще бываетъ! Да гдѣ же тутъ трагедія?

29-го января, понедѣльникъ.

Лапинъ былъ очень-хорошій трагическій актеръ и чрезвычайно-любимъ петербургскою

публикою. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, составляющія отличнаго трагика: счастливую наружность, звучный и гибкій органъ, чистую и правильную дикцію. Въ игрѣ его много было благородства, и онъ чрезвычайно напоминалъ собою Флоридора, котораго постоянно бралъ себѣ въ образецъ. Одного недоставало въ немъ : увлеченія, что французы называютъ *entrailles*, и это происходило болѣе отъ недоброумности къ самому-себѣ и строгаго благоумія, и оттого онъ преимущественно хорошъ былъ въ такихъ роляхъ, которыя этого увлеченія не требовали, какъ-то : въ *Титъ*, въ *Рославль*, въ *Гусманъ* и проч. Лапинъ перешелъ на московскую сцену потому, что не поладилъ съ Дмитревскимъ ; а не поладилъ по причинѣ дѣлаемыхъ ему притѣсненій, чтобы дать ходъ Плавильщикову, который, въ свою очередь, спроваженъ въ Москву, чтобы очистить мѣсто Яковлеву. Это рассказывалъ мнѣ дѣдушка, и слова его подтвердили Сила Сандуновъ, Украсовъ и Григорій Ивановичъ Желелевъ, которые были свидѣтелями всѣхъ этихъ закулисныхъ продѣлокъ. Боже мой ! какъ эти проклятыя исчадія ада — зависть, недобросовѣстность и своекорыстіе — умѣютъ проползти всюду, чтобы помѣшать всякому согласію и уничтожить всякое доброе дѣло въ самомъ его зародышѣ ! Конечно, мы скудны талантами,

но все-таки они изрѣдка появляются и появлялись бы чаще, еслибъ однихъ не душила интрига, а другихъ не сбивало съ настоящаго пути невѣжество — *богопротивное* невѣжество, какъ называетъ его Невзоровъ.

31-го января, среда.

Всѣ наши журналисты взволнованы статьею любезнаго пастора Гейдеке, подѣ заглавіемъ: «Карамзинъ», помѣщенной во второй книжкѣ періодическаго его изданія «Русскій Меркурій», напечатаннаго въ прошломъ году въ Ригѣ и недавно здѣсь появившагося. Дошла же вѣсть до глухихъ! За эту неподобную статью, которую Гейдеке такъ благородно отстаиваетъ Карамзина и такъ хлещетъ его недоброжелателей, я простилъ ему жесткую и несправедливую статью на Штейнсберга, писанную тотчасъ по пріѣздѣ послѣдняго въ Москву, когда онъ не успѣлъ еще сформировать своего театра, ни узнать вкуса публики. Я постараюсь непременно доставить тебѣ эту статью, хотя и въ плохомъ переводѣ; стоитъ прочитать: есть чему порадоваться и о чемъ попечалиться. Порадоваться потому, что нашлись и въ числѣ иностранцевъ люди, которые умѣли оцѣнить нашего геніальнаго писателя; а попечалиться о томъ, что не нашлось ни одного челоуѣка изъ русскихъ, который бы воору-

жился за него противъ его недоброжелателей, и что честь защищать Карамзина похитилъ у насъ иностранецъ Гейдеке. Онъ знаетъ Россію, знаетъ русскій языкъ лучше многихъ русскихъ и въ душѣ русскій. Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ не разумѣетъ понѣмецки и потому желалъ бы прочитать эту статью порусски. Я понялъ намекъ и постараюсь передать ему ее, какъ умѣю. Хотя бы что-нибудь удалось сдѣлать для него пріятное за его привѣтливость.

2-го февраля, пятница.

Вотъ что á peu pres пишетъ Гейдеке въ своемъ «Русскомъ Меркуріѣ» о Карамзинѣ.

«Извѣстный въ Германіи російскій писатель г. Карамзинъ подвергся той же участи, какой подвергаются и всѣ люди, возвышающіеся надъ посредственностью, то-есть, онъ находится между двумя партіями: одною, доброжелательствующею, и другою, ему враждебною. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ бѣльшая часть читающей публики на-расхватъ раскупала всѣ изданія, которыхъ заглавія украшены были именемъ Карамзина; по, между-тѣмъ, въ числѣ столькихъ читателей, жаждущихъ сочиненій Карамзина, находились и такіе литературные соглядатаи, которые искали этихъ сочиненій единственно для того, чтобъ найти въ нихъ какой-нибудь признакъ якобинскихъ правилъ,

которыя можно было бы обратить въ предосужденіе сочинителю. Провидѣніе, такъ неусыпно-пекущееся о людяхъ добродѣтельныхъ, разрушило всѣ эти козни и геній-хранитель провелъ Карамзина невредимо посреди мытарствъ цензуры. Любовь Карамзина къ истинѣ и его откровенность остались неизмѣнными во всѣхъ обстоятельствахъ. Съ мужествомъ древняго римлянина и настоящаго свободнаго гражданина и патріота онъ не преставаеъ совершенствовать русскій языкъ и обогащать его слово ; и когда недоброжелатели его убѣдились, что со стороны политическихъ мнѣній задѣтъ его нѣтъ возможности, то задумали достигъ своей цѣли другимъ способомъ: стали унижать достоинство его сочиненій и подвергать сомнѣнію самый его талантъ. Между прочимъ, упрекали его въ томъ, что онъ измѣняетъ русскій языкъ и ослабляетъ силу его выраженій ; что онъ вводитъ въ него несвойственные ему обороты рѣчи и новыя слова, отчего русскій языкъ такъ же мало походить будетъ на свой коренной, славянскій, какъ нынѣшній изнѣженный итальянскій языкъ мало походить на латинскій Цицерона, Ливія и Тацита. На всѣ эти обвиненія Карамзинъ не отвѣчалъ ничего и похвальнымъ словомъ Екатеринѣ II доказалъ, что онъ не нуждается въ оправданіяхъ. Но закоренѣлая

вражда непримирима. Многие, почитающие себя ветеранами русской литературы, не могут простить Карамзину, что онъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ успѣлъ приобрести такую славу, что современники почитаютъ его любимѣйшимъ своимъ писателемъ».

Засимъ Гейдеке объясняетъ, что онъ не излагаетъ собственнаго мнѣнія своего о сочиненіяхъ Карамзина, потому-что, по чувствамъ особеннаго уваженія, которыя онъ питаетъ къ сочинителю, какъ къ человѣку высокой души и благороднѣйшихъ свойствъ, сужденія его могли бы показаться пристрастными, а ограничивается только нѣсколькими выписками изъ критикъ и рецензій на Карамзина (напечатанныхъ въ 8 книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» 1804 года, издаваемаго г. Макаровымъ, стр. 111), изъ которыхъ ясно, безъ всякихъ коментарій, усмотрѣть можно, какая изъ двухъ партій справедливѣе въ своихъ сужденіяхъ о Карамзинѣ: доброжелательствующая ему, или враждебная. Эти выписки могутъ въ то же время служить и примѣромъ, какъ доселѣ еще въ Россіи неосновательны положенія критики въ-отношеніи къ словеснымъ наукамъ.

Гейдеке прибавляетъ, «что если издателя «Сѣвернаго Вѣстника» и нельзя прямо назвать врагомъ Карамзина, то уже ни въ какомъ случаѣ нельзя считать его въ числѣ людей,

ему благопріятствующихъ. Кромѣ того, что издатель помѣстилъ въ своемъ журналѣ критику на Карамзина, написанную въ тонѣ весьма-насмѣшливомъ, онъ еще присовокупилъ къ ней собственное примѣчаніе, въ которомъ говоритъ, «что почитаетъ пріятнѣйшею обязанностью засвидѣтельствовать искреннюю благодарность любезному сочинителю этой критики». Слѣдовательно онъ вполне раздѣляетъ съ нимъ мнѣніе, въ критикѣ изложенное; а между тѣмъ этотъ любезный сочинитель, обозрѣвая всѣ рецензіи, которыя напечатаны были въ «Московскомъ Журналѣ» въ 1797—1799 годахъ, издаваемомъ Карамзинымъ, не позаботился даже узнать, которая изъ нихъ написана самимъ Карамзинымъ и которая нѣтъ, и всѣ ихъ приписываетъ Карамзину, потому только, что журналъ издавался подъ его именемъ».

Въ заключеніе Гейдеке предлагаетъ свои выписки, о которыхъ распространяться не буду, потому-что «le secret d'ennuyer est celui de tout dire» и упомяну только о замѣчательномъ окончаніи статьи его. Вотъ оно: «Но еслибъ г. Карамзинъ захотѣлъ обращать вниманіе на отзывы этихъ партій, еслибъ вздумалъ дорожить хвалою непризванныхъ цѣнителей его таланта, или ставить во что-нибудь хулу своихъ завистниковъ, и еслибъ, сверхъ чаянія, современники его оказались неблаго-

дарными къ его заслугамъ, то пусть удастся ему получить то же, чего такъ желалъ и что, наконецъ получилъ Овидій: «Si tamen a memori posteritate legar».

5-го февраля, понедѣльникъ.

Охота пуще неволи, говоритъ пословица, а я скажу: неволя пуще охоты. Въ субботу плясалъ до упаду и все съ такими дамами, которыя безъ меня просидѣли бы цѣлый вечеръ на одномъ мѣстѣ: ихъ никто не ангажировалъ. Какъ весело!

Балъ огромный, но совсѣмъ не такой великолѣпный, какъ того ожидали: все запросто, точно большой семейный вечеръ. Домъ старинный. Прѣпасть картинъ, статуй, японскихъ вазъ и Богъ-знаетъ, чего-чего нѣтъ! Но все какъ-то не на виду. Могучій хозяинъ сидѣлъ въ углу передней гостиной съ нѣкоторыми почетными гостями и распивалъ съ ними чай и какіе-то напитки. Всѣ они очень были веселы, громко хохотали и, кажется, что-то другъ другу рассказывали. Возлѣ хозяина сидѣли Сергѣй Алексѣевичъ Всеволожскій и Мятлевъ, женатый на графинѣ Салтыковой.

Ужинъ, кувертовъ на двѣсти, изобильный, но не пышный: на одномъ столѣ сервизъ серебряный, на другомъ и третьемъ, за которымъ мы сидѣли — фарфоровый. Услуга прворная.

За большимъ столомъ служили все почти старики, а около насъ суетились офиціанты втораго разряда. Молодая хозяйка почти не садилась и заботилась о дамахъ. О нашей братьѣ, слава Богу, никто не заботился, за-то мы сами о себѣ заботились вдвое. Послѣ ужина, который кончился въ одиннадцать часовъ, графъ приказалъ музыкантамъ играть русскую пѣсню: «Я по цвѣтикамъ ходила» и заставилъ графиню плясать порусски. Танцмейстеръ Балашовъ, учившій ее русскимъ пляскамъ, находился тутъ же на балѣ, для всякаго случая: иногда графъ заставляеть и его плясать вмѣстѣ съ дочерью; для этого у нихъ есть пребогатѣйшіе русскіе костюмы; но на этотъ разъ они вмѣстѣ не плясали. Въ другихъ же танцахъ почти постоянными кавалерами графини были губернской предводитель Дашковъ, очень тучный, но чрезвычайно-легкій на ногу, и молодой человѣкъ Козловъ¹, танцующіе точно мастерски. Въ половинѣ втораго часа графъ остановилъ танцы, закричавъ: «пора по домамъ!» Музыка замолкла и всѣ стали подходить и прощаться съ нимъ. Коротко-знакомыхъ дамъ онъ иныхъ обнималъ, у другихъ цало-

¹ Впослѣдствіи авторъ «Чернеца», слѣпецъ и разслабленный.

валъ руки, третьихъ дружески трепалъ по плечу и говорилъ имъ не иначе, какъ ты.

Очень удивлялись отчего градопачальникъ не былъ на балѣ, и выводили изъ того разныя заключенія ; но говорятъ, что матушка Москва выводитъ заключенія изъ всего ; такъ что жь? въ томъ худаго нѣтъ : всякій будетъ жить осторожнѣе.

Сказывали, что у толстаго Дашкова есть какія-то датскія собаки, чрезвычайно-складныя, необыкновенно красивой шерсти и такого огромнаго роста, что англичане предлагали ему за нихъ большія суммы. Разумѣется, Дашковъ предложенія не принялъ и велѣлъ отвѣчать что «русскій баринъ собаками не торгуетъ».

8-го февраля, четвергъ.

Бздилъ къ ректору просить о выдачѣ аттестата. Онъ сердечно-радъ отпустить меня скорѣе и совѣтовалъ похлопотать у Антонскаго. Засталъ унего *шестичувственнаго* Брянцева, котораго наши забавники прозвали такъ потому, что добрый профессоръ какъ-то однажды на лекціи объяснялъ, что нѣкоторые извѣстные ученые не безъ основанія признаютъ въ человѣкѣ, вмѣсто пяти чувствъ, шесть, и это шестое чувство называютъ вождельніемъ. Намѣшникамъ только попадись на зубки, а между-тѣмъ лучше быть шестичувственнымъ,

нежели совсѣмъ безчувственнымъ, какъ бѣольшая часть всѣхъ зубокаловъ.

Брянцевъ сказывалъ, что новое изданіе гражданской печатию «Четвероевангелія» покойнаго Харитона Андреевича скоро поступить въ продажу по 4 руб. 50 коп. за экземпляръ. Говоря объ этомъ изданіи, удивлялись огромному труду Чеботарева, труду почтенному и безкорыстному, обратившему на себя вниманіе не только всей религіозной публики, но и такихъ учителей церковныхъ, каковъ преосвященнѣйшій митрополитъ Платонъ и другіе. Страховъ, между-прочимъ, подтвердилъ, что Чеботаре въ дѣйствительно три раза передѣлывалъ свой сводъ, пока мѣсть не добился до точнаго и непогрѣшительнаго порядка въ повѣствованіи евангельскихъ происшествій. Какова добросовѣстность и каково терпѣніе!

Далеко сынку до батюшки! Нашъ Андрюша съ своей фелиціей Вильмаръ (пустымъ романомъ Бланшара), съ своими открытіями да воздушными шарами самъ скоро обратится въ мыльный пузырь. За-то Софья Харитоновна¹— дѣло другое: умъ серьезный, учености бездна и въ двадцать лѣтъ, кромѣ древнихъ языковъ, знаетъ столько наукъ и знаетъ такъ основа-

¹ Бывшая впоследствии замужемъ за извѣстнымъ докторомъ Мудровымъ.

тельно, что впору было бы иному профессору: это Паскаль въ юбкѣ. За-то ужь и дурна собою — ахъ Боже мой, какъ дурна! Видно, природа въ дарахъ своихъ всегда соблюдаетъ равенство и замѣняетъ одни другими.

Вотъ какъ иностранцы толкуютъ о Чеботаревѣ :

«Ректоръ московскаго университета г. Чеботаревъ издалъ духовное сочиненіе, которое не перестаетъ обращать на себя вниманіе ученыхъ теологовъ : мы говоримъ о *Сводѣ четырехъ евангелистовъ*. Это въ высшей степени занимательное твореніе напечатано было въ синодальной типографіи и теперь должно скоро появиться напечатаннымъ въ типографіи университетской, и въ другомъ форматѣ. Чрезвычайно-любопытно появленіе такого важнаго творенія, принадлежащаго, по существу своему, къ области высшихъ теологическихъ наукъ и написанное лицомъ, не принадлежащимъ къ духовенству, творенія, требовавшаго столькихъ экзегетическихъ, герменевтическихъ знаній и критическихъ изслѣдованій, изъ которыхъ авторъ, къ удивленію всѣхъ, вышелъ съ такою честью, такъ-что, несмотря на превосходство существовавшихъ прежде сочиненій въ этомъ родѣ и глубокія изслѣдованія новѣйшихъ истолкователей, онъ не токмо сравнился съ ними, но и превзошелъ ихъ. Впрочемъ, почему же

и не ожидать было этого отъ настоящаго ученаго, который, хотя занимался и постороннимъ для своей части предметомъ, но занимался долгое время, съ любовью и неутомимымъ прилежаніемъ. И говоря объ этомъ ученомъ мужѣ, почему не отвѣчать людямъ, которые, судя по свойствамъ его простодушнаго характера, сомнѣвались прежде въ его талантъ и удивляются теперь успѣшному окончанію предпринятаго имъ огромнаго труда — изреченіемъ самого евангелія, которое такъ изучилъ онъ въ продолженіе полувѣковаго почти труда своего: «Аще у человекъ невозможна, у Бога вся возможна суть».

9-го февраля, пятница.

Очень-любопытна сравнительная вѣдомость о цѣнахъ нѣкоторыхъ жизненныхъ припасовъ въ Иркутскѣ и Москвѣ въ продолженіе января прошлаго года. Въ Москвѣ, кромѣ дровъ, все дешевле, а между-тѣмъ утверждаютъ, что въ Сибири жить очень-дешево, развѣ потому, что, кромѣ насыщенія желудка, нѣтъ другихъ случаевъ къ издержкамъ. Я воображаю, какъ весело мало-мальски образованному человеку проводить жизнь въ такомъ краю, въ которомъ единственнымъ наслажденіемъ его можетъ быть удовлетвореніе только скотскихъ побужденій: аппетита, жажды и прочаго, хотя о про-

чемъ тамъ и помину нѣтъ. Генералъ Маркловскій маленькій, кругленькій старичокъ, котораго иногда встрѣчаю я у моихъ знакомыхъ, рассказывалъ, что, въ бытность его губернаторомъ въ Тобольскѣ, единственнымъ его разсѣяніемъ были карты и охота, когда позволяла погода; прекрасныя занятія для губернатора! Онъ могъ бы найти и другое разсѣяніе, нѣсколько-полезнѣе. Этотъ Маркловскій величайшій охотникъ до лягавыхъ собакъ и создалъ (видно отъ бездѣлья) какую-то особенную ихъ породу, которая очень уважается охотниками.

<i>Названіе</i>	<i>Цѣны</i>	<i>Цѣны</i>
<i>припасовъ :</i>	<i>въ Иркутскѣ :</i>	<i>въ Москвѣ :</i>
Ржаная мука, куль. 10 р. — к.		13 р. 40 к.
Овесъ четверть. . . 10 — 30 —		4 — 50 —
Пшеничная, пудъ. . . 1 — 50 —		1 — 20 —
Сѣно — — 50 —		— — 25 —
Пшено. 2 — 50 —		1 — 10 —
Гречневая крупа . . 2 — 40 —		1 — — —
Горохъ 2 — — —		1 — 45 —
Масло коровье. . . 12 — — —	лучшее.	11 — — —
Говядина. 5 — — —	лучшая.	5 — 50 —
Ветчина 8 — — —		3 — 40 —
Свѣчи сальныя, пуд. 6 — — —		6 — 50 —
Сахаръ. 60 — — —		8 — — —
Кофе 60 — — —		11 — — —
Ведро простаго вина 5 — — —		5 — 50 —
Ведро плохаго вино- граднаго вина крас- наго или бѣ- лаго. 20 — — —		6 — — —

<i>Названіе</i>	<i>Цѣны</i>	<i>Цѣны</i>
<i>припасовъ:</i>	<i>въ Иркутскѣ:</i>	<i>въ Москвѣ:</i>
Ведро кизлярской воды	65 р. — к.	5 р. 80 к.
Мерзлые лимоны, штука по	1 — — —	свѣжіе. — — 10 —
Сажень березовыхъ дровъ	1 — 50 —	6 — — —
Сажень еловыхъ	1 — 30 —	5 — 15 —
Аршинъ сукна	12 — — —	4 — — —
Аршинъ холстины.	1 — — —	одной доброты. — — 40 —
Десть писчей бу- маги	— — 50 —	— — 15 —
Круглая шляпа.	18 — — —	} одинаковой доброты и качества. 3 — 50 — 4 — 25 — 3 — — —
Треугольная	22 — — —	
Пара сапоговъ	15 — — —	
Корова (очень ма- лаго роста)	25 — — —	порядочная. 20 — — —
Теленокъ	5 — — —	4 — — —
Серебряный рубль.	2 — — —	1 — 29 —

11-го февраля, воскресенье.

Нашъ рязанскій атаманъ Л. Д. Измайловъ отправляется завтра въ Петербургъ. Я былъ у него, по приказанію отца, который, не знаю почему, видитъ въ немъ какого-то феномена въ родѣ человѣческомъ; но я, грѣшный студентъ, вижу въ немъ только избалованнаго льстецами барича, совершеннаго неуча, который не только не покровительствуетъ просвѣщенію, какъ бы то ему слѣдовало, по его званію и богатству, но еще не пропускаетъ ни малѣйшаго случая, чтобъ не издѣваться съ ка-

кою-то язвительностью не только надъ науками, но и надъ всѣми, которые себя имъ посвятили и носятъ на себѣ благородный отпечатокъ образованности. Для этого Измайлова ничего нѣтъ достойнаго уваженія, даже, кажется, и жизни человѣческой. Въ книгѣ его дѣяній есть такія страницы, отъ которыхъ захватываетъ духъ и дыбятся волосы. Онъ нѣкогда былъ неизмѣннымъ участникомъ аеинскихъ вечеровъ графа Валеріана Александровича Зубова, который иногда любилъ попировать и покуликать на-славу, и воображаетъ, что похожъ на Зубова, потому-что охотникъ бражничать. Но какая разница! Зубовъ зналъ во всемъ мѣру, былъ человѣкъ отличныхъ свойствъ, необыкновенно-умень и такой сердечной доброты, что невольно привлекалъ къ себѣ любовь всѣхъ, его знавшихъ. И не даромъ Державинъ въ то время, когда Зубовъ впалъ въ опалу и возвращень изъ Персіи, написалъ къ нему одну изъ прелестнѣйшихъ своихъ одъ, въ которой встрѣчаются такіе глубокомысленные и доказывающіе необыкновенное знаніе человѣческаго сердца стихи, какъ, напримѣръ:

О! вспомни въ томъ, какъ восхищенье
Пророча, я тебя хвалилъ:
«Смотри» я рекъ «тріумфъ минуто,
А добродѣтель вѣкъ живетъ».

Сбылось! Игру днесъ счастья люту
И какъ оно къ тебѣ хребеть
Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло —
Ты видишь, видишь, какъ мечты
Сіянье вокругъ тебя заснуло,
Прошло, *остался только ты.*

Остался ты! и та прекрасна
Душа почтенна будетъ въ вѣкъ,
Съ которой ты внималъ несчастна
И былъ въ вельможѣ человекъ,
Который съ сердцемъ откровеннымъ
Своихъ и чуждыхъ принималъ,
Старѣйшихъ вокругъ себя надменнымъ
Возврѣніемъ не огорчалъ.
*Ты былъ что есть, и не страшися
Объятія друзей твоихъ;*

Приди ты къ нимъ! и проч.

Вотъ каковъ былъ Зубовъ ; а вотъ и Измайловъ : напоить мертвецки-пьяными человекъ пятнадцать небогатыхъ дворянъ-сосѣдей, посадить ихъ еле-живыхъ въ большую лодку на колесахъ, привязавъ къ обоимъ концамъ лодки по живому мѣдведю и въ такомъ видѣ спустить лодку съ горы въ рѣку ; или : проиграть тысячу рублей приверженцу своему Шиловскому, вспылить на него за какое-то безъ умысла сказанное слово, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на полъ и заставить подбирать его эти деньги подъ опасеніемъ быть выброшеннымъ за окошко ! Капризь, одинъ

только безотчетный капризъ — стихія этого человѣка. Къ сожалѣнію, находятся еще люди, которые ищутъ въ немъ и, не взирая на все униженіе, которому онъ ихъ подвергаетъ, они смотрятъ ему въ глаза, какъ жрецы да-лай-ламы своему идолу. Сосѣди проспались и также продолжали безвыѣздно пользоваться его гостепріимствомъ, а депутатъ Шиловскій разбросанныя по полу денежки всѣ подобралъ и опять повременамъ мечетъ ему банкъ, какъ-будто между ними ничего и не происходило. O tempora!

13-го февраля, вторникъ.

Бывшій нашъ учитель французскаго языка въ пансіонѣ Ронка, Лаво, съ такимъ же учителемъ Алларомъ намѣрены основать обширную торговлю французскими книгами и завести въ центрѣ города, на Лубянкѣ, книжную лавку. Библиографическихъ знаній у нихъ достанетъ, но достанетъ ли капитала — это вопросъ. Утверждаютъ, что они могутъ поддерживать себя, подобно другимъ, оборотами кредита; но это все не надолго: à la longue этотъ кредитъ и задушитъ ихъ.

А право желательно, чтобъ въ Москвѣ хотя французская книжная торговля развилась и процвѣла, если уже русская не развивается и не процвѣтаетъ. Всѣ вообще жалуются на недо-

статокъ учебныхъ пособій и средствъ къ высшему образованію : специальныхъ и техническихъ книгъ вовсе здѣсь не сыщешь : надобно выписывать изъ Петербурга. Русскіе книгопродавцы не могутъ понять, что для книжной торговли необходимы свѣдѣнія библиографическія, за-то и въ какомъ закоснѣломъ невѣжествѣ они находятся ! ни одинъ изъ нихъ не рѣшится предпринять ни одного изданія новой книги на свой счетъ, потому-что не съумѣетъ оцѣнить ея достоинства. Увѣряютъ, что извѣстнѣйшіе московскіе книгопродавцы всѣ хорошіе люди ; но какая въ томъ прибыль литературѣ и литераторамъ ? Ни въ Меѣ и Грачевѣ, ни въ Акоховѣ, Нѣмовѣ и Козыревѣ нѣтъ даже глазуновской сметливости, чтобъ кормить типографіи изданіемъ хотя «Оракуловъ» и «Сонниковъ», а Клаудій сдѣлался типографщикомъ. О прочихъ не стоитъ и упоминать : просто, мелкіе букинисты. Впрочемъ, немного добраго сказать можно и объ иностранныхъ книгопродавцахъ : ни одного въ Москвѣ изъ нихъ нѣтъ, котораго можно было бы сравнить съ какимъ-нибудь Гарткнохомъ, Рейхомъ или Николаи, а цѣны за книги назначаютъ баснословныя : опытные люди утверждаютъ, что втрое дороже нежели онѣ стоятъ за границею, да и то промышляютъ большею частью всякимъ хламомъ текущей литературы. Французскія книги

еще можно найти у Riss et Saucet. Съ-тѣхъ-поръ, какъ завелся здѣсь французскій театръ, они выписываютъ много драматическихъ новинокъ ; но итальянскихъ и англійскихъ книгъ не сыщешь ни въ одной лавкѣ; старѣйшій изъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, Ридигеръ, бывалъ нѣкогда богатъ книгами классической литературы, но теперь жалуются на его бездѣйствіе. Люби, Гари и Поповъ ничто иное, какъ обыкновенные содержатели типографій безъ всякой предприимчивости : отстали отъ вѣка. Куртнеръ сдалъ торговлю зятю своему, Готье, и еще неизвѣстно что будетъ. У Горна много старыхъ нѣмецкихъ книгъ, большею частью педагогическихъ, но о пополненіи своей лавки новыми онъ, кажется, вовсе не думаетъ. Теперь выступаетъ на сцену Лангнеръ съ собственнымъ своимъ изданіемъ отрывковъ иностранной литературы. Будетъ ли въ немъ прокъ — увидимъ.

Что-же касается книжной торговли во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, то пасторъ Гейдеке, который всегда такъ уморителенъ въ своихъ уподобленіяхъ и сравненіяхъ, говоритъ, что она походитъ на осла, играющаго на лютнѣ (*gleich immer einem Esel, der auf der Laute spielt*). Этотъ нѣмецкій Witz инымъ покажется неочень понятнымъ, но въ-сущности такъ. Вотъ въ Костромѣ какой-то закор-

нѣлый раскольникъ съ давнихъ лѣтъ ведетъ обширную торговлю книгами, а между-тѣмъ почитаетъ смертнымъ грѣхомъ прикоснуться самъ къ книгѣ, напечатанной гражданской печатью.

15-го февраля, четвергъ.

Наконецъ получилъ я сегодня аттестатъ свой, подписанный вчера Страховымъ, и окончательно распростился какъ съ нимъ, такъ съ Антонскимъ и со всѣми профессорами, кромѣ Мерзлякова, съ которымъ прошусь 18 числа, въ день моего рожденія, у насъ на пирушкѣ. Не думалъ я такъ скоро оставить университетъ и оставить его такимъ олухомъ, въ какомъ-то нравственномъ разслабленіи; а какимъ молодцомъ, съ какими энергическими надеждами, съ какою самоувѣренностью въ непремѣнныхъ успѣхахъ я вступалъ въ него! Вотъ тебѣ и успѣхи! прежде болѣзнь, а потомъ Липецкъ уходили меня въ притчу: *да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ.*

Впрочемъ, все къ лучшему! Съ самаго дѣтства я такъ привыкъ вѣрить въ промыслъ, что теперь, не будучи ни ханжею, ни суевѣромъ, ни лицемѣромъ, безъ всякаго опасенія и предосторожности пускаюсь въ житейское море, предаваясь какому-то особому безотчетному путеводному чувству. Знаю, что человѣкъ по-

сылается въ этотъ пестрый міръ не для того только, чтобъ покоиться на розахъ ; если Богъ продлитъ вѣку, придется отвѣдать всего : и горькаго и сладкаго ; но я убѣжденъ въ одномъ, что если мѣра горестей превзойдетъ мѣру радостей, то послѣднія, въ замѣну, будутъ сильнѣе и живѣе, и наоборотъ ; а потому : смѣлѣе съ жизнью въ бой ! *advienne que pourra*. Ура ! ура !

16-го февраля, пятница.

Графъ Растопчинъ даже и въ отставкѣ не пропускаетъ ни одного случая, чтобъ словомъ или дѣломъ не содѣйствовать славѣ отечества. Теперь одаряетъ всѣхъ знакомыхъ своихъ выгравированнымъ и отпечатаннымъ на счетъ его портретомъ прапорщика Эмельянова, который въ 1799 году, будучи простымъ солдатомъ, въ сраженіи подъ Цюрихомъ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ и въ плѣну умѣлъ сохранить спасенное имъ знамя, которое послѣ и возвратилъ генералу Спренгпортену по размѣнѣ имъ плѣнныхъ. Вотъ чтò бы Измайлову съ его богатствомъ не подражать графу, вмѣсто того, чтобъ швырять деньги на удовлетвореніе мелочнаго губернскаго тщеславія и безумныхъ прихотей во вкусѣ временъ феодальныхъ !

Въ англійскомъ клубѣ дѣлаются большія приготовления къ принатію князя Багратіона, ко-

тораго на-дняхъ ожидаютъ. Сказывали, что стихи заказаны П. И. Кутузову и Николеву : мало одного стихотворца, надобно двухъ. Не знаю, почему не составили уже полнаго парнаскаго триумвирата, присоединивъ къ нимъ и графа Хвостова? Рѣшено, что обѣдъ будетъ съ музыкою, а послѣ обѣда будутъ пѣть пѣсенники и цыгане попеременно. Не знаю, удастся ли мнѣ попасть на этотъ праздникъ, въ число избранныхъ пятидесяти человѣкъ гостей, но, во всякомъ случаѣ, постараюсь. Та обѣда, что желающихъ слишкомъ-много, и дѣло не обойдется безъ затрудненій ; а признаюсь, очень хочется поближе увидѣть этого витязя, который сдѣлался такъ дорогъ сердцу каждаго русскаго.

19-го февраля, понедѣльникъ.

Вчерашняя пирушка наша не похожа была на прошлогоднюю : обѣдъ и ужинъ были еще изобильнѣе и вакховыхъ даровъ всякаго разбора и качества вдоволь, но какъ-то все сдавалось на заупокойную трапезу. За обѣдомъ :

Холодный царствовалъ разсудокъ
Сухихъ приличій важный тонъ ;

а послѣ, за ужиномъ, хотя гости нѣсколько и поразвеселились, однакожь безъ настоящаго увлеченія. Напитки уничтожались, но вино пре-

творилось въ воду и хмѣль, по выраженію Буринскаго, *благословенное чадо безпечности*, отказывался споспѣшествовать общей веселости.

«А знаете ли, господа, отчего мы сегодня сидимъ повѣсивъ носы» сказалъ Зловъ, который запѣлъ—было : «*mihi est propositum*» и остановился, видя, что никто ему не подтягиваетъ. «А это оттото, Петръ Васильичъ, что мы ихъ не вздернули» отвѣчалъ Буринскій.—Всѣ засмѣялись. «Не угадалъ, любезный» возразилъ Зловъ ; «это оттото, что мы черезчуръ жеманимся». — «А такъ—какъ жеманство есть вывѣска пошлой посредственности» сказалъ Мерзляковъ, «слѣдовательно мы сегодня, по мнѣнію вашему, люди посредственные : *consequentia valet*». — «И сегодня и завтра, Алексій Федорычъ, если захотите быть не тѣмъ, что вы есть ; я запѣваю вамъ одну изъ любимыхъ вашихъ пѣсень, и никто изъ васъ не думаетъ подтянуть мнѣ : этого не бывало и я недоволенъ вами». — «Часто бываешь недоволенъ другими оттото, что недоволенъ самимъ—собою, Петръ Васильичъ». — Буринскій съостри за меня : «это по твоей части, а я, видишь, дополняю гостямъ стаканы—тружусь». — «Оттото—то Алексій Федорычъ и не въ духѣ, что праздные не любятъ трудолюбивыхъ». — «Ай—да умная голова!» вскричалъ Зловъ. «Десятокъ умныхъ головъ не стоитъ одной веселой» подхватилъ Мерзля-

ковъ: «всѣ умны по-свѣдому». — «Я желалъ бы быть умнымъ *по-вашему*» сказалъ Ѳедоръ Павловичъ, «и тогда бы я былъ счастливъ». — «За доброе слово спасибо, Ѳедоръ Павлычъ. Мы старые пріятели; но предположеніе твое ошибочно». — «Какъ ошибочно? а талантъ, а слава!» — «Твое восклицаніе годилось бы въ приказную рѣчь для пансіонскаго акта, а за пріятельскимъ ужиномъ оно не у мѣста: талантъ, любезный, не проложитъ пути къ частію, а славу надобно выстрадать». — «Не всегда, Алексѣй Ѳедорычъ» возразилъ дотолѣ молчавшій, скромный Василій Ивановичъ, «не всегда: большею частью талантъ сопровождается общимъ уваженіемъ и, рано или поздно, зависть и недоброжелательство должны заплатить дань истинному достоинству и смириться предъ нимъ». — «А до-тѣхъ-поръ, почтеннѣйшій отче, можно десять разъ умереть съ голоду. Но, впрочемъ, говоря о счастьѣ, я понималъ его такъ, какъ привыкли понимать его въ свѣтѣ, и повторяю, что счастье и талантъ — несогласимыя противорѣчія. Дѣло другое въ отношеніи духовномъ: и я постигаю, что настоящее счастье состоитъ въ одномъ только исполненіи своихъ обязанностей къ Богу и ближнимъ, какихъ бы оно самопожертвованій ни требовало». — «Но другаго счастья на землѣ и нѣтъ, любезнѣйшій Алексѣй Ѳедорычъ; всепрочее, что называютъ

счастьемъ, есть ничто иное, какъ только удовлетвореніе страстей». — «Согласенъ, Василій Иванычъ, очень согласенъ съ вами ; но для того, чтобъ находить счастье въ самопожертвованіи, надобно возродиться духовно ; а покаместъ мы не удостоились сей благодати, страсти останутся солью жизни и безъ нихъ она будетъ безвкусна...»

Мы разстались поздно, и всѣ невеселы.

20-го февраля, вторникъ.

Помѣщикъ Д. В. Улыбушевъ рассказывалъ въ клубѣ, что въ числѣ умершихъ въ запрошломъ году въ Нижегородской Губерніи 31,000 съ чѣмъ-то душъ находилось до 25 человекъ, имѣвшихъ отъ 100 до 120 лѣтъ, но что такое долголѣтіе довольно-обыкновенно въ Россіи и особенно въ сибирскомъ краю, въ которомъ люди замѣчательны крѣпостью тѣлосложенія и отличаются умѣренностью въ жизни ; но что ему однажды удалось видѣть примѣръ такой долголѣтности, какого, вѣроятно, никто и нигдѣ не встрѣчалъ. Наслѣдовавъ послѣ отца небольшое имѣніе въ Рязанской Губерніи, онъ ѣздилъ осмотрѣть его ; и такъ-какъ въ немъ не было господской усадьбы, то ему и отвели у одного зажиточнаго крестьянина, по прозвищу Генварева, простую свѣтёлку. У самой квартиры встрѣтили его два

старика, съдые, какъ лунь, но еще довольно-бодрые, судя по ихъ лѣтамъ, и, по обычаю, нали на колѣни и кланаясь въ землю, просили принять хлѣбъ — соль. Я» продолжалъ Улыбышевъ «удивился почтенной наружности и благообразію этихъ стариковъ, и тотчасъ началъ съ ними ласковый разговоръ: «Вы здѣшніе хозяева?» — «Да, кормилецъ». — «А велико у васъ семейство?» — «Да всѣхъ-то душъ съ пятьдесятъ будетъ». — «И живете нераздѣльно?» — «Нераздѣльно, отецъ родной». — «Какъ же вы это умѣщаетесь?» — «Да вонъ въ трехъ избахъ, а четвертая, свѣтлица, для свадебокъ». — «Много ли жь тебѣ лѣтъ, старикъ?» — «Кому, государь, мнѣ или сынку-то?» — «А это развѣ сынокъ твой?» — «А какъ же, кормилецъ; вишь ему только восьмидесятый съ петрова-дня пошелъ». — «Да тебѣ-то сколько жь?» — «Безъ двухъ годковъ сто будетъ». — «Хорошо, старина; благодари Бога, что сподобилъ пожить столько. Если въ семьѣ старшій есть, такъ и порядокъ есть и дѣло спорится». — «Вѣстимо, родимый, безъ старшдго какой урядъ? Вотъ и я остался послѣ родителя-батюшки чуть не малолѣтний, годковъ тридцати; и кабы не дѣдушка — дай Богъ ему здравствовать — то проку было бы немного». — «А дѣдушка-то долго жилъ?» — «Да онъ и теперъ еще здравствуетъ, только

ноги плохо двигаются, все больше на полатяхъ пребываетъ». Я обомлѣлъ и поскорѣе вошелъ въ избу, въ которой жило семейство этихъ Маеусиловъ. «Здорово, дѣдушка» сказалъ я, входя въ избу, довольно-громко: «какъ поживаешь?» — «А ты кто такой?» откликнулся съ полатей голосъ довольно зычный». — «Вишь, молодой баринъ пріѣхалъ» сказалъ ему внукъ: «у насъ въ свѣтлицѣ стоять будетъ». — «Ну что жь, на здоровье» проговорилъ старикъ. «Надо барана зарѣзать, али птицу какую, да выломать медку». — «Все есть» отвѣчалъ я: «не тревожься, старикъ. Да скажи, не помѣшалъ ли я тебѣ; а если нѣтъ, такъ вотъ хотѣлъ бы спросить тебя кой-о-чемъ». — «Ну что жь, почему и не спросить: лѣтъ съ десять ничего ужь не дѣлаю, на одномъ мѣстѣ лежу». — «А много лѣтъ тебѣ?» — «Да Господь вѣдаетъ. Какъ наряжали подъ подводы государю Петру Алексѣевичу, какъ въ Воронежѣ ѣхалъ, въ ту пору было годковъ шесть-десять». — «И ты видѣлъ государя и помнишь его?» — «Ну, какъ не помнить? Такой былъ дюжій да здоровенный; а ужь любопытный какой — и Господи упаси! Чего самъ не спрашаетъ, такъ другимъ спрашать велить. Вишь, провѣдалъ, что намъ было наказано отмалчиваться передъ нимъ, такъ, бывало, черезъ другихъ и норовить о чемъ-нибудь у насъ допытаться....»

« Я послѣ справился по ревизской сказкѣ о лѣтахъ этого старика : ему показано было 142 года, но всѣ думаютъ, что въ-сущности онъ былъ старѣе. У меня недостало духа поближе взглянуть на эту развалину чело-вѣческую.»

Обжегся на молокѣ будешь, дуть и на воду, говоритъ пословица. Повѣривъ рассказамъ о рыбьемъ сукнѣ и домашнемъ шампанскомъ, я, прежде чѣмъ повѣрить рассказу о долговѣчномъ крестьянинѣ, справился кой-у-кого о самомъ рассказикѣ — общій голосъ въ его пользу : 25 лѣтъ извѣстенъ въ Москвѣ за скромнѣйшаго и правдивѣйшаго чело-вѣка, который, что называется, лишняго слова не выпуститъ на вѣтеръ.

21-го февраля, среда.

Сегодня пріѣхалъ генерал-адъютантъ государя, Уваровъ, а на-дняхъ прибудетъ и князь Багратионъ. Ждутъ также Александра Львовича Нарышкина для окончательнаго устройства и принятія театра въ вѣдѣніе императорской дирекціи. Надобно видѣть, въ какомъ восхищеніи актёры, и особенно тѣ, которые доселѣ были крѣпостными. Пора была подумать объ участи этихъ бѣдныхъ людей. Директоромъ, говорятъ, назначенъ будетъ Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій. Нельзя было

сдѣлать лучшаго выбора : богатъ, живетъ на роскошную ногу, знакомъ съ цѣлой Москвой, гостепріименъ и привѣтливъ, имѣеть свой отличный оркестръ—словомъ, настоящій директоръ императорскаго театра. Думаютъ, что это званіе введетъ его въ большія издержки; но что жъ въ томъ худаго, если богатый человекъ употребитъ въ пользу службы свои избытки? Это похвальнѣе, чѣмъ живиться и крохоборничать отъ службы, какъ то дѣлаютъ многіе.

23-го февраля, пятница.

Надъ нашей Катериной Ивановной Яковлевой учреждается опекунство; только не такое нѣжное опекунство, подъ какимъ была она у маменьки и дядюшекъ до своего совершеннолѣтія — нѣтъ, это опекунство будетъ тягостное, стѣснительное, жестокое, и стражемъ интересовъ доброй вѣтренницы назначается строгій и расчетливый генераль Струговщиковъ. Увы! ее разлучаютъ съ магазинами и магазинщицами, съ мадамъ Шалме, Дюпарэ и прочими отъявленными разбойницами; запрещаютъ забирать въ долгъ на Кузнецкомъ Мосту всякое тряпье и подписывать счета разныхъ усердныхъ услужниковъ, не взглянувъ на итогъ. Увы! увy! А между-тѣмъ имя и званіе искателя приключеній, увозившаго ее,

сдѣлалось извѣстнымъ : это какой-то пожилой полковникъ, или генераль, Дембровскій.

Князь Д. А. Хилковъ, не только незнакомый съ Катериною Ивановною, но и никогда ее не видавшій, однажды играя въ бостонъ у тѣтки ея, М. И. Суровщиковой, услышалъ, что пріѣхала какая-то дама и въ другой комнатѣ громко разговариваетъ и поминутно хохочетъ, вдругъ положивъ карты на столъ, сказалъ: «Ахъ, Боже мой, какіе у этой дамы, или барышни, прекрасные зубы!» — «А почему вы такъ заключаете?» спросилъ Жеребцовъ. «Да все хохочетъ» отвѣчалъ Хилковъ: «а не имѣя прекрасныхъ зубовъ, женщина хохотать не станетъ». И въ-самомъ дѣлѣ, у ней зубы чѣмъ твои перлы, и рыжій князь Волконскій увѣряетъ, что онъ далъ бы за каждый по мужику. Бѣдный князь ! видно, его собственные плохо жуютъ.

Говорятъ, что эта перлозубая вѣтренница чуть-ли не выходитъ замужъ за какого-то Шереметева. Пора, пора !

25-го февраля, воскресенье.

Вчера вечеромъ у князя Сибирскаго

Я познакомился съ одною
Распрепочтенною княжною
Елизаветой Трубецкою,

которая съ будущаго года намѣр на издывать модный журналъ для женщинъ, подъ заглавіемъ: *Амуръ*. Не знаю, кто могъ надумать сіятельную издательницу просить меня совѣта насчетъ эпиграфа къ будущемуея журналу, только она выбрала совѣтника невпопадъ. Я сказалъ ей, что къ такому журналу, который называется *Амуръ* и будетъ издаваться дамою, пріискать эпиграфъ очень-нелегко, и что, помнѣнію моему, для полного успѣха въ столь важномъ дѣлѣ ей слѣдуетъ обратиться за совѣтомъ къ князю Шаликову, какъ лучшему специалисту въ столицѣ по части эпиграфовъ, мадригаловъ и всего, что касается до *амурной* литературы. Княжна осталась очень-довольна моимъ указаніемъ на князя Шаликова и хотѣла непременно посоветоваться съ нимъ при первой встрѣчѣ — на *Пръсенскихъ Прудахъ*! Въ добрый часъ!

При семъ случаѣ я узналъ, что князь Юрій Трубецкой, переводчикъ съ французскаго небольшой комедіи, подъ заглавіемъ «Платъе безъ галуновъ», близкій родственникъ будущей издательницѣ «Амура». Видно, таланты наследственны въ этой фамиліи.

Вотъ и еще одна дама, г-жа фон-Фрейтагъ (Марія Франциска Регина, урожденная Pfundheller), переводчица комедіи Гингера: *Нашъ пострѣль вездѣ пострѣль* и знаменитой ифландовой драмы «Охотники» (скорѣ стрѣлки —

die Jäger), разрѣшилась оригинальною драмою въ пяти дѣйствіяхъ: *Великодушная женщина*. Мнѣ случилось прочесть ее и — грѣшный человекъ! полагаю, что зрители слишкомъ будутъ великодушны, если при представленіи досидятъ до окончанія перваго дѣйствія.

26-го февраля, понедѣльникъ.

Вотъ романъ, такъ романъ, которымъ снабдилъ меня добрый Платонъ Петровичъ Бекетовъ. Впервыхъ, одно имя героя уже приводитъ въ трепеть: *Дон-Коррадо де-Геррера!* А эпиграфъ? *Посмотрите, посмотрите! всѣ законы свѣта нарушены, узы природы прерваны, древняя вражда изъ ада возникла!* У-у! у-у! такъ морозъ и подираетъ по кожѣ! и однакожь, этотъ романъ — сочиненіе очень-добраго, миролюбиваго и умнаго человека, бывшаго нашего студента, — *Гипдича*. Нѣкогда въ университетѣ его называли l'étudiant aux échasses, или, просто, *ходульникомъ*, потому-что онъ любилъ говорить свысока и всякому незначительному обстоятельству и случаю придавалъ какую-то важность. Между-прочимъ, онъ замѣчательнъ былъ неутомимымъ своимъ прилежаніемъ и терпѣніемъ, любовью къ древнимъ языкамъ и страстью къ нѣкоторымъ трагедіямъ Шекспира и Шиллера, изъ которыхъ наиболѣе восхищался «Гамлетомъ» и «Заго-

воромъ Фіеско». Х. А. Чеботаревъ очень уважалъ его, и когда, во избѣжаніе припадковъ подагры, или хирагры, долженъ былъ, по предписанію врачей, рѣшаться на сильный моціонъ, то одного только Гнѣдича приглашалъ съ собою играть въ бабки. Въ «Гамлетѣ» особенно нравились Гнѣдичу сцена привидѣнія, а въ «Фіеско» — монологъ Веррины, въ которомъ этотъ беспощадный заговорщикъ (карикатура Катона) говоритъ, что онъ «готовъ распороть себѣ брюхо, вымотать кишки, свить изъ нихъ веревку и на ней удавиться!» Не бойсь не вѣрится? Не угодно ли взглянуть? трагедія напечатана у стараго знакомца нашего Гари въ 1803 году и продается по цѣнѣ неслыханной. И вотъ результатомъ этой страсти къ «Гамлету» и «Фіеско» появился *Дон-Коррадо де-Геррера, или духъ мщенія и варварства испанцевъ!*

А Бородулинъ тутъ-какъ-тутъ: вышелъ романъ, какъ обойтись безъ эпиграммы?

Коррадо говоритъ,
Что штуку онъ такую сотворить,
Что лопнетъ адъ со смѣху.
Онъ сдѣлаетъ потѣху:
Всѣ грѣшники лишатся ада,
Кромѣ читателей Коррада.

Натянулъ, злодѣй, крѣпко натянулъ, да какъ быть! подѣ-часъ обмолвишься и, вмѣ-

сто умной глупости, скажешь глупость и пошлю.

Гнѣдичъ, который увлекался всѣмъ, что выходило изъ обыкновеннаго порядка вещей, который три раза прочиталъ «Телемахиду» отъ доски до доски и даже находилъ въ ней безподобные стихи, предпринялъ было сочиненіе какой-то драмы въ 15-ти дѣйствіяхъ, но не успѣлъ, по случаю отъѣзда своего въ Петербургъ. Когда пріятели его, въ-особенности сметливый Алексѣй Юшневскій, стали издѣваться надъ его намѣреніемъ, онъ доказалъ, что большія пьесы, въ которыхъ сюжетъ раздѣляется на нѣсколько сутокъ, совсѣмъ не диковина; что, не говоря уже о народных нѣмецкихъ представленіяхъ, каковы, напри- мѣръ, «Русалка», и проч., состоящихъ изъ трехъ и болѣе частей, есть у Шиллера трагедія «Валленштейнъ» въ двухъ частяхъ, также, какъ и у Шекспира «Король Генрихъ» въ трехъ; а наконецъ, въ подтвержденіе своей мысли, онъ откопалъ въ какой-то старой, завалявшейся книгѣ, что въ Италиі (помнится, въ Генуѣ) была представлена пьеса: «Генрихъ IV» въ 15-ти дѣйствіяхъ и 3-хъ частяхъ; ее давали по три дня сряду и каждую часть подъ особымъ названіемъ: 1) *Генрихъ, король наварскій, при французскомъ дво-*

**

рь ; 2) *Генрихъ въ лагерь, или сраженіе при Иври* и 3) *Генрихъ IV на престоль, или торжественное вступленіе его въ Парижъ*.

А для чего вся эта театральная эрудиція, если не для извиненія безразсуднаго литературнаго предпріятія ?

27-го февраля, вторникъ.

Бывшій тамбовскій губернаторъ Александръ Борисовичъ Палицынъ, съ сыномъ котораго я учился въ пансіонѣ Ронка, затащилъ меня къ себѣ, по старому знакомству съ тамбовскими моими родными. Преинтересный старикъ! Онъ кой-что пописывалъ и во время своего губернаторства, а теперь сдѣлался литераторомъ не на шутку : ни на часъ безъ дѣла, и занимается переводами сочиненій бѣльшею частью серьезныхъ. Перевелъ и издалъ : «Макартнея» делилевъ диэирамбъ, «На безсмертіе души», «Твореніе Жирандена о составленіи Ландшафтовъ» и «Новую Элоизу» Руссо. Кромѣ-того, я видѣлъ у него въ манускриптахъ почти уже изготовленныя къ изданію поэмы : «Времена года» ст. Ламбера, и «Сады» аббата Делиля, и еще очень-любопытное «Посланіе къ Привѣтѣ, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ россійскихъ писателяхъ его времени». Вотъ каковъ! Кажется, этотъ эксгубернаторъ съ бѣль-

шею пользою употребляетъ свое время, чѣмъ эксгубернаторъ добрѣйшій Маркловскій, составитель новой собачьей породы.

У Палицына встрѣтился съ Алексѣемъ Дурновымъ, роднымъ племянникомъ земляка твоего Александра Воейкова, который задаетъ такіе славные литературные вечера и попойки Мерзлякову, Жуковскому, Измайлову, Мартынову, Сумарокову, Каченовскому и многимъ другимъ, у себя въ домъ, на Дѣвичьемъ Полѣ. Дурновъ, отлично-играющій на скрипкѣ и флейтѣ и вообще величайшій охотникъ до музыки, съ энтузіазмомъ рассказывалъ объ изобрѣтеніи какимъ-то парижскимъ часовщикомъ Лораномъ необыкновенной флейты изъ хрусталя, издающей такіе очаровательные звуки, что, слушая ихъ, какіе бы кто крѣпкіе нервы ни имѣлъ, а непременно разразится рыданьемъ. Но это изобрѣтеніе ничто въ сравненіи съ тѣмъ, о которомъ рассказывала, возвратившаяся изъ чужихъ краевъ, извѣстная здѣшняя богачка Шепелева. Въ бытность ея въ Парижѣ выдумали и ввели въ большую моду какія-то прозрачныя рубашки, о которыхъ путешественница отзывалась съ восторгомъ такимъ образомъ: «Не можете представить себѣ, что это за прелестныя сорочки: какъ надѣнешь на себя, да осмотришься, ну такъ-таки все насквозь и виднѣхонько!»

23-го февраля, среда.

Утромъ заѣзжалъ къ саратовскому откупщику Устинову, который иногда снабжаетъ меня, по переводу отца, деньжонками — почиваетъ! Заѣзжалъ къ нему во второмъ часу — почиваетъ! заѣзжалъ вечеромъ — и отвѣтъ тотъ же, только во множественномъ числѣ: «почиваютъ». Ахъ, ты Господи! Со мною чуть-ли не дѣлается то же, что съ однимъ путешественникомъ, который, пріѣхавъ въ Астрахань, тотчасъ отправился къ тамошнимъ индійцамъ смотрѣть ихъ идоловъ. «Можно видѣть пагоду?» спрашиваетъ онъ у привратника. «Нельзя» отвѣчаетъ привратникъ: «идолы почиваютъ!» — «А когда же ихъ видѣть можно?» — «Когда проснутся». — «Когда же они проснутся?» — «А когда всѣ въ городѣ започиваютъ».

На что же тутъ ученье, если надобно къ разбогатѣвшему цаловальнику ѣздить три раза въ день изъ собственныхъ своихъ ста-пятидесяти рублей, а онъ все почивать будетъ?

Разсказывали объ одномъ помѣщикѣ Долговѣ, большомъ ревнивцѣ, которому, по его мнѣнію, измѣнила молодая жена. Сутки двои, или трои разъѣзжалъ онъ по роднымъ и знакомымъ своимъ разсказывать постигшее его бѣдствіе и объяснять всѣ подробности измѣны и случая, по которому онъ будто-бы узналъ о ней. Ни-

какія увѣщанія и представленія этихъ родныхъ и знакомыхъ и всѣ ихъ доводы къ извиненію поступка жены — какъ, на примѣръ, что онъ могъ ошибиться, что ненадобно принимать такъ горячо къ сердцу маленькаго кокетства молодой женщины и проч. — не могли успокоить несчастнаго мужа, и онъ все оставался безутѣшенъ и хотѣлъ завести процессъ, пока мѣстъ не попалъ на Михайла Константиновича Рѣдкина, очень-хладнокровнаго, очень-добраго и чрезвычайно-здравомыслящаго и начитаннаго старика съ сократовской фізіономіей. «А вотъ, изволишь видѣть, мой любезнѣйшій другъ» говорилъ Рѣдкинъ Долгову: «если и въ-самомъ-дѣлѣ приключеніе такое съ тобою послѣдовало и тебя не обманули глаза, такъ, по мнѣнію моему, все-таки печалиться очень не имѣется достаточной причины. Случалось ли тебѣ читать «Премудрость Соломоню», сирѣчь его «Притчи?» Если не случалось, такъ вотъ прочитай, чтó онъ, величайшій изъ всѣхъ мудрецовъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ, глаголетъ въ главѣ 30, стихи 18 — 20. Слѣдовательно, ужъ если великій Соломонъ почитаетъ невозможнымъ *уразумѣть* подлинность содѣянной невѣрности потому, что она не оставляетъ по себѣ слѣда, такъ ужъ намъ-то съ тобой и подавно нѣчего искать, съ позволенія сказать, *пустаго мьста*».

Вотъ что значитъ настоящее краснорѣчіе и кстати—приведенный примѣръ изъ древнихъ писателей! Мужъ подумалъ, утѣшился и теперь опять развѣзжаетъ по знакомымъ, но только для того, чтобъ каяться предъ ними въ слишкомъ—поспѣшномъ и напрасномъ обвиненіи жены своей.

2-го марта, пятница.

Вчера извѣздилъ Полмосквы съ поздравленіями именинницъ и насилу сегодня отдохнулъ. Будь это не по обязанности, извѣздилъ бы всю Москву и, конечно бы, вовсе не усталъ. Таковъ человѣкъ! Кончилъ день у Авдотьи Петровны Карамышевой, въ надеждѣ встрѣтить Петра Степановича Молчанова, котораго хозяйка завербовала къ себѣ въ племянники; но, вмѣсто этого любезнаго человѣка, встрѣтилъ брата ея, извѣстнаго кашея, Василья Петровича Нестерова, и нѣсколько другихъ вовсе—невзрачныхъ рождъ, которыя только и толковали, что о доходахъ да о количествѣ принадлежащихъ имъ душъ (вѣроятно, *des veritables ames en peine*). Тѣтушка очень сѣтовала на племянника: говорила прежде какими-то обиняками, а наконецъ, передъ ужиномъ, разразилась прямымъ и очень—яснымъ упрекомъ: «Нынче, батюшка, случайные родные неслучайныхъ родныхъ знать не хотятъ.

Вотъ и нашъ обер-прокуроръ не удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ». Нѣчего сказать, превеселый вечеръ! Да и по-дѣломъ: не умничай; и если тебѣ хорошо, то не ищи лучшаго. Отвечерялъ бы на Поварской, у Неболсиной, такъ нѣтъ: мы, видишь ты, прозираемъ въ будущее!

Получилъ письмо изъ Петербурга: просьба моя съ аттестатомъ представлены въ иностранную коллегію, и я вскорости опредѣленъ буду. Зять Лабата, лейб-хирургъ Иванъ Петровичъ Эйнбродтъ, просилъ министра Будберга, который далъ приказаніе не медлить опредѣленіемъ. Альбини же пишутъ, что они въ концѣ апрѣля будутъ въ Москвѣ и надѣются, что я провожу ихъ въ Липецкъ, а за то, по окончаніи сезона водъ, они проводятъ меня въ Петербургъ. Schwester Dorchep отъ себя прибавляетъ, что, по принятымъ мѣрамъ, я, несмотря на опредѣленіе въ службу, могу до осени пожить на свободѣ, подъ предлогомъ пользованія липецкими минеральными водами. Кажется, все улаживается по желанію, какъ-нибудь-лучше.

Благодаря покровителямъ моимъ, я попалъ въ число гостей на завтрашній обѣдъ въ англійскомъ клубѣ; слѣдовательно, увижу героя Багратиона лицомъ къ лицу; а праздникъ долженъ быть на-славу: у садовниковъ Лебедева и Соко-

лова подряжено однихъ цвѣтовъ, для уборки лѣстницы, и померанцевыхъ деревьевъ, для украшенія стола, на двѣсти рублей.

4-го марта, воскресенье.

Гость. — Благодарю за угощенье,
За ласку и за все-про-всё.

(Въ сторону).

Мысль хороша, но исполненье,
Мнѣ кажется, ни то ни сё.

Изъ оперы «Откупщикъ-алъбосоль».

Конечно, князь Багратионъ не только сказать, но и подумать этого не можетъ. Приемъ торжественный, радушіе необыкновенное, энтузіазмъ неподдѣльный и угощеніе подлинно на-славу—вотъ что вчера встрѣтилъ желанный гость въ англійскомъ клубѣ.

Столъ накрытъ былъ кувертовъ на 300, т.-е. на все число наличныхъ членовъ клуба и 50 человекъ гостей; убранство великолѣпное; о провизіи нечего и говорить: все, что только можно было отыскать лучшаго и рѣдчайшаго изъ мясъ, рыбъ, зелени, винъ и плодовъ—все было отыскано и куплено за дорогую цѣну; а тѣ предметы, которыхъ, по раннему времени года, у торговцовъ въ продажѣ не было, доставлены богатыми владѣльцами изъ подмосковныхъ оранжерей бесплатно: всѣ наперерывъ старались оказать чѣмъ-нибудь свое усердіе и участіе въ угощеніи.

Ровно въ два часа пополудни, обыкновенное время обѣдовъ въ клубѣ, пріѣхали : князь Багратіонъ, градоначальникъ и генерал-адъютантъ Уваровъ, и вмѣстѣ вошли въ большую гостиную. Члены клуба, жадничая видѣть ближе героя, такъ столпились вокругъ его и въ дверяхъ, что старшины, предшествовавшіе ему и градоначальнику по обязанности, въ качествѣ хозяевъ, насилу могли проложить имъ дорогу. Князь Багратіонъ имѣетъ фizioномію чисто-грузинскую : большой съ горбиною носъ, брови дугою, глаза очень-умные и быстрые, но въ тѣлодвиженіяхъ онъ показался мнѣ неочень-ловкимъ.

Лишь только отворили двери въ столовую, оркестръ заигралъ тотъ же вѣчный польскій, которымъ всегда начинаются танцы въ благородномъ собраніи : *Громъ победы раздавайся!* а старшины поднесли князю на серебряномъ подносѣ привѣтные стихи и тотчасъ же потомъ начали раздавать, или, вѣрнѣе, совать ихъ въ руки прочимъ присутствующимъ. Мнѣ досталось три экземпляра этого высокопарнаго произведенія Николева, въ которомъ разумѣется, не обошлось безъ Тита, Цезаря, Алкида и прочихъ нехристей. Вотъ послѣдніе стихи :

Славь тако Александра вѣкъ
И охраняй намъ Тита на престолѣ,

Будь купно страшный вождь и добрый человекъ,
Ришей въ отечествѣ, а Цесарь въ бранномъ полѣ;
Да счастливый Наполеонъ,
Познавъ чрезъ опыты каковъ Багратіонъ,
Не смѣетъ утруждать Алкидовъ русскихъ боля.

За обѣдомъ князь сидѣлъ между двумя Александрями: А. А. Беклешовымъ и А. Л. Нарышкинымъ, а противъ нихъ двое старшинъ, для угощенія. За Нарышкинымъ особенно ухаживали князья Циціановъ и Грузинскій и В. А. Всеволожскій, подчивая его то тѣмъ, то другимъ, и надобно отдать ему справедливость, что онъ не обижалъ ихъ отказомъ. Съ Уваровымъ не разставался красавецъ генераль князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, племянникъ Суворова, командующій здѣсь какимъ-то полкомъ (чуть-ли не нашенбургскимъ).

Съ третьяго блюда начались тосты, и когда дежурный старшина, бригадиръ графъ Толстой, вставъ, провозгласилъ: «Здоровье государя императора!» всѣ, начиная съ градоначальника, встали съ мѣстъ своихъ и собраніе разразилось такимъ громогласнымъ «ура», что, кажется, встрепенулся бы и мертвый, еслибъ въ толпѣ этихъ людей, одушевленныхъ такою живою любовью къ государю и отечеству, могъ находиться мертвецъ. За симъ послѣдовалъ тостъ въ честь князя Багратіона, и такое же громкое «ура» трижды опять огласило залу. Но, вмѣстѣ съ этимъ

«ура»; грянул хоръ пѣвчихъ, и вотъ раздалась наконецъ кантата Павла Ивановича Кутузова:

Тщетыи россамъ всѣ препоны:
Храбрость есть побѣдъ залогъ.
Есть у насъ Багратионы:
Будутъ всѣ враги у ногъ!

Впродолженіе пѣнія этихъ куплетцовъ, какъ называлъ ихъ умный циникъ З. Н. Посниковъ (вмѣсто куплетцовъ), сочинитель по минутно выскакивалъ изъ-за стола, подбѣгалъ то къ градоначальнику, то къ князю Багратиону и къ другимъ почетнымъ лицамъ и одѣлялъ всѣхъ, кто только попадался подъ-руку, экземплярами своей кантаты. Простодушный старикъ Бабеновъ, которому достался также экземпляръ этой кантаты, прочитывая ее нѣсколько разъ, никакъ не могъ вразумиться, кому именно принадлежатъ эти ноги, у которыхъ будутъ враги, упоминаемые въ послѣднемъ куплетѣ, и адресовался ко многимъ съ просьбою разрѣшить его недоумѣніе. «Тутъ нѣчего и думать» переважно замѣтилъ ему красноносый весельчакъ Дружининъ, «смыслъ этого стиха: «будутъ всѣ враги у ногъ» есть тотъ, что всѣ враги будутъ побѣждены нами, т. е. русскими. Конечно, авторъ могъ бы сказать это яснѣе: «будетъ врагъ у нашихъ ногъ». но, какъ быть!

въ пылу поэтическаго вдохновенія немудрено ошибиться выраженіемъ». Ай-да толки! Вотъ, что называется пересыпать изъ пустаго въ по-рожнее!

Между-тѣмъ тосты продолжались: сперва въ честь почтеннаго начальника Александра Андреевича, А. Л. Нарышкина и генерал-адъютанта Уварова, потомъ нѣкоторыхъ почтенныхъ москвичей: князя Долгорукаго, Апраксина, Валуева и многихъ другихъ, и наконецъ старшинъ клуба и всѣхъ его членовъ. Эти тосты были причиною, что многіе нечувствительно понаклюкались. По окончаніи объѣда гости перешли въ гостиную, и тамъ старшины объявили князю Багратиону, что онъ единогласно и безъ балотировки избранъ членомъ клуба въ воспоминаніе того дня, въ который онъ осчастливилъ клубъ своимъ посѣщеніемъ. Этой церемоніи я не видалъ, потому-что въ гостиную попасть не могъ — *et pour cause*.

Многіе утверждали, что генералъ Уваровъ присланъ отъ государя съ секретнымъ порученіемъ: узнать мнѣніе московской публики насчетъ несчастнаго аустерлицкаго сраженія и дѣлаемыхъ приготовленій къ новой войнѣ съ французами. Не думаю: это просто пустая разглагольствія. Государь, вѣроятно, знаетъ и безъ того, что мнѣніе Москвы состоитъ единственно въ томъ, чтобъ не имѣть никакого

мнѣнія, а дѣлать только угодное государю, въ полной къ нему довѣренности.

7-го марта, среда.

Нейкомъ написалъ прелестную музыку на двѣ небольшія комическія интермедіи, сочиненія Гунниуса: *Der Schauspiel-Director und Ehestand Wehestand*. Какой разнообразный и вмѣстѣ какой трудолюбивый талантъ этотъ Нейкомъ! Не проходитъ недѣли, чтобы онъ не попотчивалъ публику чѣмъ-нибудь новымъ: то сочинить сонату, то симфонію, то квартетъ, и вотъ, *roug changer*, написалъ въ одно почти время двѣ интермедіи! Теперь оканчиваетъ хоры для элегическо-драматическаго представленія, которое будетъ дано въ воспоминаніе усопшаго Штейнсберга. Это «*Elegisch-dramatische Vorstellung*» сочинилъ Гейдеке. Начало неслишкомъ-поэтическое:

*Auch hieher jagt das ruhelose Herz
Verfolgend unbesiegbar mit herbem Schmerz —*

т. е. какъ водится у нѣмцевъ: гдѣ *Herz*, тутъ и *Schmerz* —

*Entflohne Lust
Aus Freundes Brust —*

и опять, разумѣется, гдѣ *Lust*, тутъ и *Brust*; однакожь умный пробстъ скоро поправляется:

Der Liebe Thränen,
Der Freundschaft Sehnen,
Ist alles nicht genug die Vorsicht zu versöhnen,
Den Menschen Werth durch Menschen Todt ver-
höhnen ?

Но дѣло не въ стихахъ, а въ музыкѣ. Я слышалъ нѣкоторые хоры — прелесть! Передъ пьесой исполненъ будетъ небольшой реквиемъ, сочиненія также Нейкома : есть аккорды, раздрающіе душу.

По смерти Штейнсберга какъ-то пропадаетъ охота ѣздить къ нѣмцамъ. Ни скромная прелестница *Шредеръ*, ни болтливая кокетка *Кафка*, однѣ, не въ-состояніи поддержать тѣхъ пьесъ, въ которыхъ играли онѣ съ Штейнсбергомъ ; устоять развѣ однѣ только большія оперы, по милости Соломони, Гальтенгофа и Гунніуса.

Въ два съ небольшимъ года Штейнсбергъ «Русалками», «Чортовою мельницею» и «Духовидцемъ» (Das neue Sonntagskind) приобрѣлъ тысячь до 20 рублей, которые оставилъ женѣ своей, доброй, безталанной нѣмочкѣ. Будетъ ли она умѣть сохранить ихъ? Едва-ли. Чудное дѣло! Кажется, вдова Штейнсберга должна была бы въ своемъ кругу внушать къ себѣ уваженіе, а между-тѣмъ этого вовсе нѣтъ. Вотъ ужъ она и сбегается въ Петербургъ вмѣстѣ съ Кистеромъ. Добрый путь, милая Anastasia ! Мы не забудемъ

демъ вашего супруга, а снѣгирь Нето не забудеть васъ и вашей полнолѣсной пощечины.

8-го марта, четверкъ.

Штейнсбергъ былъ не только отличный актёръ, но и отличный поэтъ, хотя поэзія его, какъ поэзія и всѣхъ нѣмецкихъ студентовъ, воспитывавшихся подъ вліяніемъ кантовой философіи, нѣсколько отвлеченна и туманна; но за-то недостатокъ этотъ искупается необыкновенною энергіею мыслей и выраженій. Рифмы Штейнсбергу ни почему и нисколько его не затрудняютъ. Какъ хороши его октавы, къ которымъ прибранъ имъ такъ счастливо эпиграфъ :

Si male nunc, non olim sic erit.

Der Gegenwart will sich der Geist entschwingen ! и проч.

Все стихотвореніе отъ начала до конца выдержано мастерски, а окончаніе его въ-особенности превосходно. На-дняхъ спишу его непременно цѣликомъ, на досугъ, переведу и посвящу Мерзлякову. Это, вопервыхъ, будетъ сильная дань моей къ нему благодарности, а вовторыхъ, небольшой косвенный упрекъ за то, что онъ не любитъ нѣмецкихъ поэтовъ.

10-го марта, суббота.

Послѣ клубнаго обѣда князю Багратиону и послѣ частныхъ угощеній, которыми Москва чествовала дорогога гостя и другихъ петербургскихъ прїѣзжихъ, она отдыхаетъ. Пора! Надобно же веселой старушкѣ, Москвѣ, переварить всѣ съѣденныя стерляди и выпитое шампанское. Теперь настоящій постъ: тихо и смирно, ни обѣдовъ, ни новостей.

Говорятъ, что обязанности скучны; но я начинаю находить, что скучно и безъ обязанностей. Рѣшился опять таскаться по лекціямъ, что очень утѣшаетъ моего Петра Ивановича; а между-тѣмъ продолжается переписка насчетъ моего опредѣленія въ службу. Не знаю, какъ благодарить моихъ добрыхъ покровителей за всѣ хлопоты, которыя они на себя по сему случаю принимаютъ.

У князя Ивана Сергѣевича Гагарина встрѣтилъ я знаменитаго живописца Тончи. Онъ женатъ на старшей дочери князя. Съѣдъ какъ лушь. Судя по виду, ему должно быть лѣтъ около шестидесяти, но, по живости разговора, нельзя дать ему и сорока. Онъ занималъ всю бесѣду. Удивительный человѣкъ! кажется, живописецъ, а стѣитъ любаго профессора: все знаетъ, все видѣлъ, всему учился. Толковалъ о политикѣ, наукахъ, современныхъ открытіяхъ, рассказывалъ разные анекдоты, одинъ

другаго занимательнѣе. Я слушалъ разиня ротъ, и не видалъ какъ пролетѣло время. Между прочимъ, онъ сказывалъ, что когда въ Луккѣ захотѣли образовать муниципалитетъ, то одинъ острякъ изъ слова *municipalita* сдѣлалъ прекрасную анаграмму, которая можетъ идти за эпиграмму: *Carī mal uniti*. Разсуждая о сходствѣ латинскаго и итальянскаго языковъ, онъ разсказалъ слѣдующій анекдотъ. Нѣкоторые богатые жители въ Веронѣ, построивъ часовню Богоматери, захотѣли украсить ее приличною надписью; но вышло затрудненіе: одна половина строителей желала, чтобъ надпись сдѣлана была на латинскомъ языкѣ, а другая настаивала, чтобъ она была на итальянскомъ. Долго продолжался споръ, покамѣстъ одинъ находчивый академикъ не помирилъ обѣ стороны, сдѣлавъ слѣдующую надпись:

*In mare, in terra, in subita procella
Invoquo te Maria, benigna Stella.*

Всѣ были удовлетворены: для однихъ надпись была латинская, для другихъ итальянская. Въ примѣръ необыкновенной гибкости латинскаго языка, Тончи написалъ одну фразу, которую читай какъ-хочешь, съ начала или съ конца, буква въ букву, и она сохраняетъ свой смыслъ:

In giram imus noctu ut consumimur igni.

Что за любезный человекъ, и съ какимъ многосложнымъ образованіемъ этотъ Тончи! Послѣ всего, что я слышалъ о немъ и отъ него, не удивляюсь, что русская княжна вышла за итальянскаго живописца. Онъ страстно любитъ литературу и самъ пишетъ стихи: Микель-Анджело и Сальваторъ-Роза были также поэты; въ альбомѣ одной изъ его свояченицъ я читалъ написанные имъ стихи; не ручаюсь, чтобъ они были его сочиненія, но, во всякомъ случаѣ, выборъ дѣлаетъ честь его вкусу.

*Il passato non è, ma se lo finge
La vana rimembranza.
Il futuro non è, ma se lo pinge
L' indomita speranza.
Il presente sol è, ma in un baleno
Passa del nulla in seno.
Dunque, la vita è appunto
Una memoria, una speranza, un punto.*

Тончи теперь мало занимается живописью и пишетъ иногда только портреты съ родныхъ жены своей. Портретъ, написанный имъ съ стараго князя — произведеніе образцовое: кромѣ необычайнаго сходства, какая работа и какой колоритъ! Точно живой, такъ и выходитъ изъ полотна; но, говорить, что этотъ портретъ, какъ онъ ни превосходенъ, ничто въ сравненіи съ портретомъ Державина, писаннымъ въ Петербургѣ. Тончи ни за что не хотѣлъ пред-

ставить поэта въ парикъ, а Державинъ не соглашался писать себя плѣшивымъ, и потому художникъ придумалъ надѣть на него русскую соболью шапку. Сказываютъ, что это верхъ совершенства.

14-го марта, среда.

Здѣшній губернскій предводитель, князь Дашковъ, сынъ знаменитой княгини Екатерины Романовны, получилъ александровскую ленту. По сему случаю князь, несмотря на великій постъ, хотѣлъ дать огромный балъ и пировать на славу, но главнокомандующій отсовѣтовалъ; говорить: «неприлично; лучше дай обѣдъ, или подожди до Пасхи». Князь согласился съ радостью, а между-тѣмъ беретъ четырехъ сиротъ изъ бѣдныхъ дворянъ на свое воспитаніе. Добрякъ!

А. С. Черепановъ рассказывалъ, что сосѣди его, здѣшніе откупщики, попростонародному «компанейщики», перессорились между собою изъ пустяковъ. Пріѣхавъ вечеромъ съ какого-то обѣда на засѣданіе въ контору, одинъ изъ трехъ присутствовавшихъ расхвастался предъ товарищами объ услугахъ его общему дѣлу, утверждая, что, еслибъ не онъ, то не миновать бы убытковъ, и вся бы компанія къ чорту. Это задѣло за-живое твоего beau frèге, Прокофья Михайловича Семенова, который не безъ

основанія полагалъ себя посмышленѣе, и вотъ онъ, пріосанившись, отвѣчалъ: «Можетъ быть, и такъ, Петръ Тимоѣевичъ. Конечно, ты мудрѣнъ, а все-таки загадки моей не разгадаешь». — «Ну-ка, попробуй загадать; такъ увидишь, что разгадаю». — «Нѣтъ, не разгадаешь». — «Да ужь разгадаю» живо отвѣчалъ Бородинъ. — «Ну, слушай, Петръ Тимоѣевичъ, да слушай обоими: эйнъ, цвей, дрей — что это такое?» Бородинъ призадумался, понасунился и вспыхнулъ. — «Ну, слушай же ты меня, Прощка! этой загадки, конечно, я не разгадаю, да ужь и обиды такой тебѣ не спущу: откупь лопни хоть сейчасъ, а я тебѣ не дольщикъ!» Съ этими словами онъ вскочилъ съ кресла — и былъ таковъ! На другой только день хромой *Соловей* успѣлъ помирить товарищей.

21-го марта, лазарева суббота.

Гулянье на-славу! Погода прекрасная. Небольшой морозъ осушилъ площадь. Щегольскихъ экипажей множество. Были кавалькады, въ которыхъ отличался князь Касаткинъ и Зотовъ; первый на какомъ-то арабскомъ или турецкомъ жеребцѣ, который все время прыгалъ подъ своимъ всадникомъ. Сѣдло и сбруя турецкія, облитыя золотомъ и украшенныя драгоценными камнями — очень-картинно; но было бы еще картиннѣе, еслибъ всадникъ самъ

былъ въ турецкомъ костюмѣ, а то убранство лошади не согласовалось съ синимъ фракомъ и чернымъ спенсеромъ : точно какъ-будто и сѣдло и мунштукъ взяты были на-прокатъ у Лухманова. Другой выѣхалъ настоящимъ английскимъ джентльменомъ : на рыжемъ жеребцѣ съ проточиною во весь лобъ; сбруя новенькая, только-что изъ мастерской Шульца, легонькій мунштукъ съ серебряными удилами. Самъ всадникъ въ черномъ фракѣ и сапогахъ съ отворотами : просто, красиво и нарядно. Княжны Щербатовы изъ новой зеленой кареты своей глазъ съ него не спускали, да видишь, не то время!

Обѣдалъ у Катерины Александровны и, къ великому моему удовольствію, встрѣтилъ, наконецъ, почтеннаго Якова Ивановича Булгакова, котораго такъ давно мнѣ хотѣлось увидѣть поближе. Онъ живетъ неподалеку отъ Катерины Александровны и называетъ ее милой сосѣдушкой. Яковъ Ивановичъ находился въ дружескихъ связяхъ съ покойнымъ ея мужемъ, и оба были близки къ князю Потемкину. Булгаковъ имѣетъ замѣчательную наружность : лицо умное и серьезное, однакожь не безъ пріятности ; довольно-тучень, но въ движеніяхъ свободенъ и ловокъ ; говоритъ какъ книга. Гдѣ онъ не былъ, чего не видалъ и чего не испыталъ въ своей жизни! Трудолюбіе — от-

личительное его качество. Говорятъ, что онъ не можетъ ни минуты оставаться празднымъ : не пишетъ, такъ читаетъ. П. Н. Страховъ сказывалъ, что онъ подарилъ ему свой переводъ первой части «Анахарсиса» и склонилъ его переводить послѣднія. Непостижимо, какъ этотъ человекъ, при дѣятельности ума своего, живетъ безъ службы! Очень любитъ Москву. Онъ утверждалъ, что для людей, окончившихъ почему бы то ни было служебное поприще, нѣтъ лучшаго пріюта въ мірѣ, какъ Москва. При этихъ словахъ мнѣ пришли на память прекрасные стихи Карамзина :

Кто въ мірѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ;

а Булгаковъ, кажется, находилъ это счастье повсюду, даже и въ Семибашенномъ Замкѣ, куда онъ заточенъ былъ турецкимъ правительствомъ : оставаясь тамъ въ заключеніи болѣе двухъ лѣтъ, онъ умѣлъ не соскучиться и перевелъ «Всемірнаго Путешественника», первую книгу гражданской печати, которую я читалъ въ моемъ дѣтствѣ. Я думаю, оттого-то я съ такимъ любопытствомъ смотрѣлъ на Булгакова и слушалъ его съ такою жадностью.

4-го апрѣля, среда святой-недѣли.

Христось воскресе.

Праздничные визиты мои кончены: я обрыскалъ весь городъ. Мнѣ показалось, что нѣкоторые изъ самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ какъ-будто на меня дуются. Не знаю причины, что я имъ сдѣлалъ. Не за то ли, что рѣдко у нихъ бываю? Да что имъ во мнѣ? Чувствую, что съ каждымъ днемъ я становлюсь ничтожнѣе и скучнѣе. Они называютъ меня, какъ-будто въ шутку, нѣмцемъ; но это не шутка, а намѣкъ, который я понимаю, хотя и безотчетно. Чтобъ отмстить имъ, я и въ самомъ-дѣлѣ отправился къ нѣмцамъ. Милая малютка Шредеръ въ первый разъ играла послѣ тяжкой своей болѣзни. Мать была такъ рада ея выздоровленію, что все представленіе проплакала отъ удовольствія. Эта чувствительность меня тронула; да и со времени пропѣтой ею мнѣ русской пѣсни почти у самага смертнаго одра бѣднаго Штейнсберга, я какъ-то очень полюбилъ эту хорошенькую женщину, несмотря на то, что она актриса, которыхъ я не великій поклонникъ. Въ управленіи нѣмецкаго театра замѣтна большая переменна: по всему видно, что Штейнсберга нѣтъ, умнаго добраго Штейнсберга, котораго обыкновенная поговорка была:

Ein jeder lerne seine Lection
So wird es wohl im Hause flohn.

Теперь всякій дѣлаетъ, что́ хочеть. Нехудо бы А. Муромцеву заняться попристальнѣе своимъ дѣломъ ; иначе, оно идти не можетъ, и ему предстоитъ худой конецъ : закрытіе театра, чего очень опасаются актёры. Куда имъ дѣваться ? Не всѣ имѣютъ талантъ мамзель Штейнъ, вышедшей замужъ за Гебгарда, и тотчасъ же опредѣленной на театръ петербургскій. Впрочемъ, для меня теперь все-равно : я и самъ скоро уѣду ; но жаль старыхъ знакомцевъ : разбредутся Богъ-вѣсть куда. Сказывали, что Арресто уѣхалъ въ Вѣну и что роль маркиза Позы, въ «Дон-Карлосъ», играть теперь Кудичъ, который его не стоитъ.

7-го апрѣля, суббота.

Пишутъ изъ Петербурга, что непременно скоро опредѣленъ буду. Дай Богъ ! Столько молодыхъ людей, не старѣе меня лѣтами, давнымъ-давно не только опредѣлены, но, по какому-то слѣпому счастью, имѣютъ уже и чины : кто переводчикъ, кто коллежскій ассессоръ, а есть нѣкто, Горяиновъ, который еще въ пансіонѣ у Ронка былъ надворнымъ совѣтникомъ. Не знаю какъ это дѣлается, только, признаюсь, хотѣлось бы того же и мнѣ ; да видно не всякому на роду написано быть тѣмъ, чѣмъ кто хо-

четь, а только тѣмъ, чѣмъ Богъ весть.
Такъ будь же Его святая воля! Дарья Егоровна приписываетъ:

Weine nicht, es ist vergebens,
Jede Freude dieses Lebens
Ist ein Traum der Phantasie.
Mühe dich es zu vergessen,
Dass du einst ein Glück besessen,
Denke, du besasst es nie.

Это легко сказать, но трудно выполнить.

Года два назадъ, генераль Чесменскій завелъ прекрасную фабрику разныхъ машинъ и орудій земледѣльческихъ. Теперь вошло въ моду ѣздить на обозрѣнiе этой фабрики; и если бы дорога была лучше, то вся Москва поскакала бы любоваться заведенiемъ. Устройство на англiйскiй манеръ и много рабочихъ людей изъ англичанъ. Скептикъ Демидовъ утверждаетъ, что москвичи ѣздить на фабрику не смотрѣть и не учиться, а сытно пообѣдать и попить хорошаго вина. Это легко можетъ быть, да зачѣмъ же придумывать все въ худую сторону?

Соученикъ мой, Николай Федоровичъ Грамматинъ, получившiй золотую медаль и остающiйся еще въ пансионѣ для полученiя степени кандидата, задумалъ состязаться съ профессоромъ своимъ, И. А. Геймомъ, въ изданiи французско-русскаго лексикона. Нѣтъ сомнѣ-

нія, что Грамматинъ знаетъ порусски лучше Гейма, но за-то чрезвычайно смѣшонъ съ своими логическими выводами. Напр., слово *assoucheur* онъ переводитъ словомъ «повивальный дѣдъ». — «Да почему же *assoucheur* повивальный дѣдъ?» спрашивалъ его Проташинскій. «А потому, что если есть повивальная бабка, такъ почему же не быть и повивальному дѣду? вѣдь ремесло одно и то же». Ну какъ не вспомнить Эмина :

Коль есть въ планетахъ раки,
Такъ почему жь не быть тамъ и моей собакѣ?

11-го апрѣля, среда.

Съ нынѣшняго дня русскій театръ поступилъ въ казенное вѣдомство, и въ первый разъ актёры играли подъ названіемъ актёровъ императорскихъ. Давали драмму: «Бѣдность и благородство души», и комедію: «Слуга двухъ господъ». Каждый изъ дѣйствующихъ лицъ выросъ на пол-аршина, кромѣ Плавильщикова и Сандуновыхъ, которые нѣкогда уже были придворными актёрами. Впрочемъ, какъ эти господа ни скрываютъ свое удовольствіе, а оно написано на лицахъ ихъ. Бездѣлица! имъ зачитаютъ все время бытности ихъ при частномъ театрѣ для полученія пенсіоновъ; но для нѣкоторыхъ другихъ это событіе еще важнѣе: они приобрѣтаютъ желанную букву г. къ сво-

имъ фамиліямъ, и, сколько я замѣтить могъ, Кураевъ, Волковъ, Лисицыны, и tutti quanti съ театровъ Столыпина и К. Волконскаго ходить уже съ возвышенными главами, а нѣкоторые даже и съ отяжелѣвшими. Лисицынъ, на радости, безпрестанно пѣлъ изъ какой-то оперы, въ которой онъ играетъ роль слуги-дурака:

У насъ деревня близъ Китая,
Гдѣ очень, очень-много чая!

«Слава-Богу, что нѣтъ рому» сказалъ ему Зловъ, а то бы ты съ чаемъ-то разомъ его выпилъ. Нашъ Петръ Васильевичъ очень-смѣшонъ: за словомъ въ карманъ не полѣзеть. Гр. Растопчинъ очень любитъ Злова и приглашаетъ его иногда къ себѣ.

13-го апрѣля, воскресенье.

Обѣдалъ у Антонскаго съ Страховымъ, протоіереемъ Малиновскимъ, Мерзляковымъ, Буле, Двигубскимъ, Буринскимъ и Петромъ Ивановичемъ, которому онъ поручилъ непременно привезти меня. «Своего-та привезите» сказалъ онъ Петру Ивановичу: «мы съ нимъ жили-та не въ большомъ ладу, надобно помириться-та». Сверхъ чаянія моего, обѣдъ былъ очень-веселый и очень-сытный. Говорили, большею частью, о новыхъ университетахъ: харь-

ковскомъ и казанскомъ, открытыхъ въ прошедшемъ году; хвалили очень выборъ кураторовъ: графа Потоцкаго и Румовскаго. Страховъ утверждалъ, что они отлично знаютъ свое дѣло. Превозносили государя, который такъ печется о распространеніи просвѣщенія, и удивлялись, какъ въ такое безпокойное военное время, онъ успѣваетъ всѣмъ заниматься. Страховъ спрашивалъ Буле и Двигубскаго, готовятъ ли они что-нибудь къ торжественному акту. Буле отвѣчалъ: что онъ намѣренъ написать диссертацию *о лучшемъ способѣ сочинить исторію народовъ, населявшихъ Россію прежде IX вѣка*; а Двигубскій объявилъ, что будетъ говорить *о нынѣшнемъ состояніи земной поверхности*. Слава Богу! это ужь не прежнія сухія разсужденія, никого неинтересующія; слѣдовательно, на актѣ будутъ говорить и слушать дѣльное. Отецъ Θεодоръ сказывалъ, что и онъ, на старости лѣтъ, хочетъ произнести, можетъ-быть, въ послѣдній разъ, написанное уже имъ слово о томъ, что *милость есть главная обязанность, достойная человека, и вѣсть собственное его благополучіе*. Пилъ за здоровье государя, министра просвѣщенія, куратора и Страхова, какъ ректора университета, а при концѣ обѣда хозяинъ предложилъ выпить и заупокойную чашу въ воспоминаніе почтеннаго Харитона Андреевича, скончавша-

гося въ началѣ прошлаго года. Между прочимъ, Страховъ объявилъ, что мы, наконецъ, будемъ имѣть краткую исторію университета, которою занимается Павелъ Афанасьевичъ Сахацкій, по давнему желанію куратора, М. Н. Муравьева.

18-го апрѣля, среда.

Наши опять будутъ жить лѣтомъ въ Липецкѣ и поручили мнѣ закупить запасъ вина. Я неочень-радъ этой коммисіи, потому-что вина вздорожали. Я боюсь сдѣлать имъ пренепріятный сюрпризъ: они не ожидаютъ такихъ цѣнъ. Говорятъ, что еще будетъ дороже съ возвышеніемъ курса на серебро и золото. Серебряный рубль ходитъ уже 1 руб. 31 коп., имперіаль — 13 руб. 30 коп. и червонецъ 3 руб. 98 коп. Цѣна вину лучшихъ сортовъ слѣдующая: шампанское 3 руб. 50 к. бут., венгерское 3 руб., рейнвейнъ 2 руб. 50 коп., малага 1 р. 25 коп., мадера 1 р. 50 коп., медокъ ведро 9 р., францвейнъ 8 руб., водка бордоская 3 руб. 50 коп. штофъ. Но пусть уже это вина французскія, и возвышеніе на нихъ цѣны можетъ имѣть причину въ возвышеніи курса на золото и серебро; да за чтѣ же вина и водки русскія также въ цѣнахъ возвышаются? на примѣръ, бутылка горскаго стоитъ 1 руб. 50 коп., цимлянскаго 1 руб.,

и кизлярской водки штофъ 2 руб. Очень-не-приятно, а между-тѣмъ дѣлать нечего, и купить надобно.

Если опредѣленіе мое въ службу замедлится, то я и самъ уѣду въ Липецкъ, и тогда снабди меня однимъ изъ Дураковъ моихъ. Впрочемъ, все должно рѣшиться недѣли черезъ двѣ. Въ первыхъ числахъ мая Альбини будутъ проѣздомъ въ Москвѣ, и я достоверно узнаю, чего мнѣ ожидать должно.

25-го апрѣля, воскресенье.

Сегодня на нѣмецкомъ театрѣ «Das neue Sonntagskind», а на русскомъ *Крестянинъ маркизъ, или колбасники*, Паэзіелло. Меня подмывало и туда и сюда, но я рѣшился измѣнить нѣмцамъ для Сандуновой и Волкова — и раскаялся: въ нѣмецкомъ театрѣ проболталъ бы, по-крайней-мѣрѣ, за кулисами съ нѣмецкими чечотками и поохоталъ надъ уморительнымъ Коропомъ, въ роли нашего брата, недоученаго студента; а то просидѣлъ три часа на партерной лавкѣ съ какимъ-то купцомъ, который не давалъ мнѣ слушать музыки своими вопросами, примѣчаніями и замѣчаніями: «Выдетъ ли на сцену Сандунова — вопросъ: «вѣдь это, батюшка, Сандуника?» — «Да-съ.» — «Вишь какая

здоровенькая!» — «Да-съ.» — Появится ли Волковъ: «Вѣдь это, батюшка, тотъ, что Тарабара-то представляетъ?» — «Да-съ.» — «Вишь какой красноносый! А зачѣмъ же, батюшка, онъ въ парикъ?» — «Такъ надо-съ.» — «А отчего же, батюшка, онъ какъ-будто пособачьи лааетъ?» — «Такъ надобно-съ». — «Этакой Маркобрунъ! А позвольте спросить, мой отецъ, вѣдь это комедія что ли?» — «Нѣтъ-съ, опера.» — «Такъ-съ!» Словомъ душу вытянулъ, злодѣй, надобѣлъ до смерти!

Сказывали, что цѣны на ложи и кресла будутъ прибавлены, но партеръ останется въ прежней цѣнѣ.

При выходѣ изъ театра встрѣтилъ генерала Петра Семеновича Муравьева, пріѣхавшаго изъ деревни нарочно для скачекъ, которыя начнутся съ 6-го мая. Онъ привелъ трехъ скакуновъ для состязанія съ лошадьми графа Орлова, и говорить, что надѣется обскákatъ ихъ. Немудрено: въ прошломъ году выигралъ жеребецъ его *Травлеръ*; правда, что онъ былъ выписной, а лошади графа Орлова и другихъ охотниковъ—доморощенныя. Петръ Семеновичъ обѣщался свозить меня на Донское Поле, посмотреть на приготовленіе лошадей его къ скачкѣ. Не знаю, сдержитъ ли слово, но, признаюсь, поѣхалъ бы съ нимъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Онъ далъ мнѣ печатное объ-

явленіе объ этихъ скачкахъ, съ котораго вотъ и списокъ.

«Назначаются на Донскомъ Полѣ скачки по 500 руб. каждая, съ подпискою за каждую лошадь по 100 рублей. Каждая скачка съ перескачкою.

		Для лошадей.		Дистанція.		Вѣсъ.	
6 мая	5 лѣтъ	6	верстѣ	3	пуд.	15	фун.
14 —	4 —	4	—	3	—	6	—
21 —	5 —	6	—	3	—	15	—
27 —	3 —	2	—	3	—	6	—
3 іюня	3 —	2	—	3	—	6	—
10 —	5 —	6	—	3	—	15	—
17 —	4 —	4	—	3	—	6	—
25 —	5 —	6	—	3	—	15	—
		6	—	—	—	3	—
		7	—	—	—	3	—
						23	—

«Если трехлѣтки поскачутъ съ старшими лошадьми, то имъ имѣть 2 п. 20 ф.»

27-го апрѣля, пятница.

По случаю помолвки Луизы Эренталь съ майоромъ Безсоновымъ, пасторъ Гейдеке послалъ ей черный вуаль при прекрасныхъ стихахъ. Перевожу ихъ буквально прозою: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

«КЪ ГРѢШНИЦѢ.»

«Какъ бываетъ сладостно сердцу, когда случается встрѣтить такое доброе и милое существо, какъ ты, Луиза, хотя доселѣ и была ты опутана страстями! Но если Богъ милосердствуетъ къ бѣднымъ грѣшникамъ, если прощаетъ Богъ, то какъ смѣешь не простить человѣкъ?»

«Не отчаивайся ты, слабая дѣва: въ искренности покаянія твоего заключается твое искупленіе. Тому, кто прибѣгаетъ къ раскаянію, Всемогущій внезапно испосылаетъ лучшей изъ даровъ своихъ : святую, многожеланную надежду.»

«А я, твой вѣрный, почти-отжившій уже другъ, посылаю тебѣ печальное покрывало покаянія: прикрой имъ все твое прошедшее, всѣ бѣдственныя случайности твоей жизни.»

Разумѣется, что это слабая копія съ прекраснаго оригинала. Гейдеке изъ всякаго случая всегда выведетъ поэтическое и вмѣстѣ христіанское заключеніе.

Былъ у Всеволожскихъ. Сказывали, что будто-бы въ Москву назначается другой губернаторъ и что самъ Александръ Андреевичъ просится въ отставку. Не думаютъ, однакожь, чтобъ его отпустили, а развѣ дадутъ другое назначеніе.

Обер-прокуроръ Боборыкинъ рассказывалъ, что онъ опредѣлилъ къ себѣ въ канцелярію одного пріѣзжаго изъ Орла, бѣднаго гимназиста, вотъ по какому случаю. Этотъ гимназистъ,

Корнильевъ, сынъ какого-то орловскаго канцелиста, по прїѣздѣ, остановился у извѣстнаго стряпчаго Григорьева, великаго поклонника Бахусу, который началъ его образованіе тѣмъ, что повелъ въ Кремль взглянуть на Ивана-великаго, царь-пушку и большой колоколь. Проходя по Тверской мимо трактира мадамъ Шню, Григорьевъ приказалъ Корнильеву подождать его на улицѣ, а самъ забѣжалъ въ трактиръ выпить рюмку водки. По возвращеніи Григорьева, юноша спросилъ его, что это за домъ, куда заходилъ онъ. — «Домъ сумасшедшихъ» возразилъ безъ запинки Корнильевъ. — «Да какъ же васъ оттуда выпустили?» — Боборькинъ узналъ объ остромъ отвѣтѣ мальчика и взялъ его на свое попеченіе. Бѣднякъ удачнымъ словомъ проложилъ себѣ дорогу, а то, можетъ-быть, и долго проштался бы безъ опредѣленія въ службу.

2-го мая, среда.

Вчера проштался цѣлый день на гуляньѣ въ Сокольникахъ и видѣлъ почти всѣхъ знакомыхъ. Что-то многіе опять начинаютъ толковать о войнѣ, а нѣкоторые и нетерпѣливо ее желаютъ. Въ палаткѣ главнокомандующаго было пропасть гостей, но самъ онъ не былъ, по случаю нездоровья. Поѣздъ графа Орлова такъ же былъ наряденъ, какъ и въ прошломъ

году; но въ нынѣшній разъ онъ не сдѣлалъ на меня такого уже впечатлѣнія: люди одни и тѣ же, одинъ и тотъ же порядокъ и то же убранство; самыя лошади тѣ же; впрочемъ, ко всему присмотрѣться можно, даже современемъ и къ жизни. Nil admiragi. Это, можетъ-быть, и очень-покойно, но чтобъ весело было — не думаю.

Въ палаткѣ Е. Е. Ренкевича дымъ коромысломъ: весь городъ, начиная отъ губернатора и обер-полицеймейстера до вральмана Бородулина. Кушаютъ мороженое, пьютъ шампанское и закусываютъ бисквитами. Не токмо всякому приходящему, но и мимо-идущему предлагается чашка чаю, рюмка вина, или какое-нибудь лакомство. Палатка Ренкевича точно пріемная трапеза какого-нибудь древняго боярина: милости просимъ всякаго безъ разбора.

Ренкевичъ сказывалъ, что тесть его, Пашковъ, великій охотникъ до разныхъ рѣдкихъ птицъ, получилъ недавно изъ Англии пару черныхъ лебедей, которые въ самой Англии считаются еще рѣдкостью; они привезены чуть-ли не изъ Австраліи, а теперь плаваютъ по садовому пруду противъ дома Пашкова, на Моховой, гдѣ всякій день можно ихъ видѣть. Завтра непременно взгляну на нихъ.

Мамзель Соломони-старшая, которая такъ

хорошо играетъ на скрипкѣ, выходитъ замужъ за известнаго каретника купца Петрова, который получилъ недавно золотую медаль на голубой лентѣ, мимо всѣхъ медалей низшаго класса. Чтò сдѣлалъ этотъ Петровъ и какія оказалъ услуги — это для меня покрыто мракомъ неизвѣстности; но знаю только, что онъ будетъ имѣть хорошенькую, умную и талантливую жену, и что я буду пировать у него на свадьбѣ, потому-что всѣ Соломони меня приглашали. Младшей я не совѣтовалъ бы выходить замужъ, чтобъ не потерять прекрасный, рѣдкій талантъ, который требуетъ еще развитія; а оно едва-ли возможно при домашнихъ хлопотахъ и заботахъ супружеской жизни. Я увѣренъ, что старшую сестрицу черезъ годъ мы не узнаемъ: забудетъ скрипку и фортепьяно, обопьется чаю, растолстѣетъ, облѣнится — и мамзель Соломони поминай, какъ звали! Итальянская Сильфида превратится въ жирную купчиху.

6-го мая, воскресенье.

Сейчасъ со скачки. Скакали восемь лошадей; выигралъ рыжій жеребецъ *Витязь*, принадлежащій Мосоловымъ и собственнаго ихъ завода. Славная лошадь! отъ *Юби*. По окончаніи перваго гита, когда стали звѣшнвать ѣздока и обгирать лошадь, графъ Орловъ схо-

диль съ эстрады и долго любовался побѣдителемъ. Послѣ перескачки, которую Витязь опять выигралъ легко, графъ Орловъ подозвалъ къ себѣ Мосоловыхъ и поздравлялъ ихъ. Сказывали, что онъ только съ ними держитъ завлады на деньги, съ другими же охотниками бьется на одни калачи. Братья Мосоловы очень умные люди, знающіе охотники и ведутъ дѣла свои акуратно. И въ этотъ разъ цыгане также пѣли и плясали, а на послѣдокъ былъ и кулачный бой. Побѣдителемъ явился курятникъ изъ охотнаго рада *Сычовъ*, съ трехъ ударовъ уничтожившій своего противника. Ему накидали денегъ чуть не полную шляпу и понли виномъ; но и побѣжденный не былъ забытъ: достались и ему пригоршни двѣ серебряныхъ рублей. Князь Хилковъ, секретарь скачекъ, сказывалъ, что цыгане записаны были прежде крѣпостными крестьянами графа Орлова и единственно его попеченію обязаны были тѣмъ, чѣмъ теперь сдѣлались; а до того времени были, какъ и всѣ кочующіе цыгане, просто, гадки. Графъ, по возвращеніи уже изъ чужихъ краевъ, даровалъ имъ свободу и записалъ въ мѣщане.

8-го мая, вторникъ.

Нынѣшнею ночью былъ такой морозъ, что хоть бы въ октябрь. Думаю, что пострадають

всѣ фруктовыя деревья, и Москва останется безъ яблокъ, грушъ и вишенъ.

Вчера ѣздилъ въ русскій театръ. Давали «Наталью, боярскую дочь», Глинки. Я скучалъ и зѣвалъ: никакъ не могу привыкнуть къ этимъ драмамъ, взятымъ изъ повѣстей Карамзина. Эти повѣсти сами-по-себѣ восхитительны, а на сценѣ до крайности утомительны и скучны. Отчего же? — право, не понимаю. Кроме неискusstва передѣльвателей, должна быть и еще какая-нибудь другая причина. И «Лиза» Федорова скучна, а «Наталья», по-моему, еще скучнѣе. Персонажи всѣ на ходуляхъ, несутъ такую пошлость, что мѣчи нѣтъ. Какой-то остроловь поподчивалъ автора эпиграммою, которую повторяютъ всѣ, хотя она вовсе не задорна :

«Наталью» видѣлъ ли? — «Изрядная шовинка».

«Фарфоръ или фаянсъ?» — «О, нѣтъ! простая глинка».

Я небольшой охотникъ до эпиграммъ, но не люблю и ничего неестественнаго и напыщеннаго, не люблю этихъ сценическихъ проповѣдей, которыя, никого не трогаютъ и не исправляютъ. Вотъ, на примѣръ, такъ драма: «Отецъ семейства», въ которой такъ превосходень Померанцевъ. Нравоученіе произтекаетъ изъ дѣйствія и потому трогаетъ и врѣзывается въ душу; морализировать на сценѣ

безполеано: не будешь моралистомъ лучше Саломона и Сираха. Кто захочетъ учиться, тотъ будетъ читать ихъ, и нашимъ драматургамъ и во снѣ не меуталось такого знанія сердца человѣческаго.

14-го мая, помедальникъ.

Сегодня опять скачка. Какъ ни хочется видѣть ее, но я не поѣду. Петербургскіе гости мои прибыли и завтра отправляются въ Липецкъ; а сегодня повезу ихъ въ нѣмецкій театръ, на которомъ даютъ маленькую оперу «Der Schatzgräber». Послѣ спектакля иллюминація въ саду, воксаль и балъ.

Иванъ Николаевичъ проѣхалъ на-дняхъ, а длинный Иванъ Кузьмичъ давно уже распоряжается на водахъ. Я выѣду дней черезъ десять въ деревню, а оттуда, вмѣстѣ съ своими въ Липецкъ. Альбини сказывалъ, что опредѣленіе мое послѣдуетъ непремѣнно чрезъ мѣсяць, а много, недѣль чрезъ шесть. Эйнбродтъ хлопочетъ, и тесть его, почтенный гасконецъ Лабать, не даетъ ему покоя. Добрые люди! Къ 10-му будущаго мѣсяца пришли мнѣ въ Липецкъ одного Дурака, какого хочешь — для меня все-равно, а за это вотъ тебѣ вчерашній анекдотъ.

Алябьевъ, поссорившись за картами съ Яковлевымъ, вызвалъ его на дуэль. «А на чемъ

ты хочешь драться?» спросил послѣдній. «Разумѣется, на сабляхъ» отвѣчалъ Алябьевъ. — «Не могу». — «Почему же не можешь? Я обиженъ и имѣю право назначать оружіе». — «Воля твоя, не могу». — «Ну, такъ на шпагахъ». — «О, ни за что не могу! Я наследовалъ отъ короля Іакова І-го, отъ имени котораго фамилія моя происходитъ, врожденную антипатію къ обнаженному оружію, и не могу смотрѣть на него». Всѣ засмѣялись, Алябьевъ также — и шампанское примирило противниковъ.

18-го мая, пятница.

Вотъ послѣднее мое донесеніе и послѣднія сплетни изъ Москвы. Не хотѣлось и пера брать въ руки, а пришло время ложиться спать, такъ и потянуло къ конторкѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ. Альбини сказывали, что въ Петербургъ только и разговорѣвъ, что о войнѣ, и думаютъ, что фельдмаршалъ графъ Каменскій будетъ начальствовать войсками. Въ петербургскомъ обществѣ господствуетъ самый воинственный духъ и явное нерасположеніе къ французамъ. Это замѣтно, кажется, еще болѣе здѣсь. Тѣ охотники до новостей, которые не разѣхались еще по деревнямъ, бѣгаютъ, рыщутъ и толкуютъ о какомъ-то проектѣ для составленія многочисленной арміи. Я слышалъ,

что всѣ отставные генералы и офицеры, бывшіе нѣкогда въ походахъ и сраженіяхъ, будутъ приглашены вступить опять въ службу. И. И. Дмитріевъ утверждаетъ, что государь не допуститъ Россію до униженія и, во что бы ни стало, начнетъ новую борьбу съ Наполеономъ; но, впрочемъ, говоритъ: «заботиться не о чемъ: нужна только довѣренность къ правительству». Онъ совѣтовалъ мнѣ заняться въ деревнѣ чѣмъ-нибудь серьезнымъ. Я самъ давно объ этомъ думалъ и рѣшился приступить къ сочиненію трагедіи. Сюжетъ у меня есть: изъ исторіи древнихъ персовъ. Имя героя громкое — «Артабанъ». Иной насмѣшникъ превратитъ его въ барабанъ; но къ этому готовиться должно, и насмѣшекъ не избѣжишь. Впрочемъ, надобно точно написать что-нибудь путное, чтобъ было съ чѣмъ пріѣхать въ Петербургъ. Рекомендательныхъ писемъ у меня будетъ немного, и тѣ, которые на нихъ вызывались прежде, вѣроятно, откажутся, когда придется приняться за перо. Но пусть будетъ, что будетъ: во всякомъ случаѣ, лучше надѣяться на себя. Петръ Ивановичъ радуется моей рѣшимости и увѣряетъ, что трагедія выйдетъ превосходная. Хорошая душа! Онъ не можетъ привыкнуть къ мысли, что мы скоро разстанемся; и въ случаѣ, еслибъ я долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ одинъ, то непременно

хочетъ проводить меня и пожить со мною хотя недѣлку въ новомъ городѣ.

Быль въ Иславскомъ у И. П. Архарова: веселый пріютъ! Чтò за добрыйшее семейство! радушно, привѣтливо, ласково, а о гостепрѣимствѣ нечего и толковать. Кокоскинъ снаряжаетъ у нихъ домашній спектакль — драму «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», и самъ играть будетъ Мейнау. Предлагали мнѣ роль простака Петруши, да мнѣ не до того: рѣчь идетъ о подмосткахъ другаго рода. Славное село подмосковное Иславское! Впервыхъ, на рѣкѣ, садъ боярскій, аллеи съ трехъ концевъ, оранжереи и пропасть разныхъ затѣй. Иванъ Петровичъ обѣщалъ мнѣ дать нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ нѣкоторымъ петербургскимъ своимъ знакомымъ: надѣюсь, что они не будутъ заключать въ себѣ такой же рекомендаціи, какою снабдилъ онъ одного своего сосѣда. Вотъ она:

«Любезный другъ, Петръ Степановичъ! добраго сосѣда моего И. А. А. сынъ Николай отправляется для опредѣленія въ статскую службу. Онъ большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный другъ, на моемъ дуракѣ, запиши его въ свою канцелярію и, при случаѣ, не оставь наградить чинкомъ, или двумя, если захочешь — мы за

это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому-что онъ его не стѣитъ, да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому-что живетъ свиньей.»

Вслѣдствіе этой рекомендаціи юноша былъ опредѣленъ и въ-теченіе трехъ лѣтъ получилъ три чина.

25-го мая, среда.

О высылкѣ Дурака я къ тебѣ писалъ, но совсѣмъ забылъ упомянуть о ружьѣ: снабди меня своимъ широкодульнымъ старбусомъ.

«Впродолженіе шести недѣль мы видѣлись съ Дарьей Егоровною ежедневно» говорилъ Граве: «вмѣстѣ играли, рѣзвились, шутили, болтали всякій вздоръ, а я ни разу не замѣтилъ, чтобъ она когда-нибудь покраснѣла». — «И не мудрено» отвѣчалъ старикъ Рѣдькинъ: «она до-сихъ-поръ едва-ли знаетъ, когда ей краснѣть должно».

Сказано умно и справедливо: для невинной души все невинно.

Завтра выѣзжаю и, къ-сожалѣнію, одинъ. Прошлогодніе товарищи мои сбились съ толку: Литхенсъ публиковалъ свой отъѣздъ въ чужіе края; да я увѣренъ, что не поѣдетъ,

Потому-что очарованъ

И къ ногамъ ея прикованъ;

а на Федора Павловича нашла страсть заниматься въ своей экспедиціи. «Mais de quoi

s'occupe t'on chez vous?» спросилъ его Затрапезный. «Mais on ne fait rien, ou on fait des riens» отвѣчалъ Граве, и это, кажется, сущая правда. Спасибо, что не умничаютъ, подобно другимъ, которые, переписавъ какую-нибудь бумагу, думаютъ, что они уже предѣловые люди, на которыхъ должно быть обращено вниманіе цѣлой Россіи.

29-го мая, вторникъ. Тула.

Тула городокъ — Москвы уголокъ. Это такъ же справедливо, какъ справедливы большею частью и всѣ народныя замѣчанія и поговорки. Тула точно можетъ назваться Замоскворѣчьемъ, по своимъ каменнымъ зданіямъ, красивымъ улицамъ, по движенію на нихъ народа, по своей торговлѣ и промышленности; одинъ оружейный заводъ стѣитъ инаго города. Я ходилъ взглянуть на этотъ заводъ. Начальникъ его, генералъ Чичеринъ, ласковый и привѣтливый, далъ мнѣ въ проводники заводскаго пристава, Капитона Карловича Шультена, который все показалъ мнѣ въ-подробности и обстоятельно, стараясь меня вразумить въ заводское производство. На заводѣ встрѣтилъ и директора П. Г. Цвиленева. Онъ, между прочимъ, сказывалъ, что мастеровые, работающіе на этомъ заводѣ, составляютъ какую-то особенную касту, такъ-что всякаго изъ нихъ всегда отличить можно

отъ другихъ мастеровыхъ по ухваткамъ, походкѣ и по образу изъясненія. Цвиленевъ утверждалъ, что тульскіе оружейники отличаются неимоверною бойкостью въ поведеніи и смыслѣностью въ своемъ дѣлѣ; необыкновенно-понятливы и переимчивы: имъ стѣить одинъ разъ только взглянуть на какую бы то ни было вещь, чтобъ ее сдѣлать; но за-то съ ними надобно умѣть ладить и держать ухо вострѣ, иначе тотчасъ сядутъ тебѣ на голову. «Конечно» присовокупилъ Цвиленевъ: «они не дошли еще до степени плутовства вошанскихъ ямщиковъ¹, однакожь есть изъ нихъ такіе, которые, какъ говорится, въ одно ухо влѣзутъ, а въ другое вылѣзутъ, такъ-что и не услышишь; такъ, поэтому, не даромъ одинъ проѣзжій, выведенный, видно, изъ терпѣнія медлительною починкою своего экипажа и вынужденною за нее огромною платою, написалъ къ нимъ на стѣнѣ *общественнаго* трактира, гдѣ я останавливался, слѣдующія вирши:

О вы, мастеровые Тулы!

Вы настоящія акулы:

Мнѣ съ вами времени и деньгамъ лишь изъять.

Всѣ молодцы вы на посулы,

А только смѣтрите въ карманъ.

В. Б—ъ.

¹ Село Вошаны, близъ Тулы, извѣстное въ тогдашнее время удалыми и плутоватыми своими ямщиками.

Позднѣйшее примѣчаніе.

Желалъ бы я знать, кто этотъ В. Б—ъ, и подозрѣваю близкаго сосѣда.

Нѣкоторые купцы, давно-знакомые съ нашимъ домомъ, приглашали меня къ себѣ и, между-прочимъ, знаменитый нѣкогда торговецъ лошадьми и поставщикъ ихъ ко двору, старикъ Гаврила Рожковъ, котораго я посѣтилъ съ удовольствіемъ, пилъ у него чай и пуншевалъ съ нимъ; «въ благодарность за *компанію*» какъ онъ выразился «и въ воспоминаніе моего дѣтства» подарилъ онъ мнѣ прекрасную старинную голландскую картину, изображающую конный заводъ, и заставилъ старшаго сына Ивана трахнуть стариной, то-есть, спѣть нѣсколько русскихъ пѣсенъ. Этотъ сынъ его, Иванъ, проживавшій прежде по торговлѣ своей въ Петербургъ, былъ славенъ въ свое время прекраснымъ голосомъ. Онъ до такой степени былъ мастеръ пѣть русскія пѣсни, что вошелъ въ пословицу: «поетъ какъ Рожковъ», говорили про пѣвца, котораго похвалить хотѣли. По этому случаю многія знатныя особы приглашали его на аѳинскіе вечера; онъ бывалъ еженедѣльно у кн. Безбородко, или у пріятельницы его, которая послѣ вышла замужъ за статскаго совѣтника Ефремова. Но даръ пѣсенъ былъ только второстепеннымъ качествомъ Рожкова, а главнымъ были необыкновенныя удалство и смѣлость, которыя доставили ему покровительство тогдашнихъ знаме-

нитыхъ гулякъ, графа В. А. Зубова и Л. Д. Измайлова. Они держали за него извѣстный огромный закладъ, въ тысячу рублей, состоявшій въ томъ, что Рожковъ верхомъ на сибирскомъ своемъ иноходцѣ взѣдетъ въ четвертый этажъ одного дома въ Мѣщанской; и Рожковъ не только взѣхалъ, но, выпивъ залпомъ бутылку шампанскаго не слѣзая съ лошади, тою же лѣстницею съѣхалъ обратно на улицу. Тысяча выигранныхъ рублей были наградою Рожкова. Бѣдный Иванъ Гавриловичъ не можетъ забыть этого подвига и, несмотря на свои 45 лѣтъ и почти лысую голову, съ такимъ энтузіазмомъ описываетъ прелести гостепріимной Аспазіи, что невольно возбуждаетъ въ васъ любопытство. «Когда я взѣхалъ къ ней въ фатеру; окружили меня гости, особъ до десяти будетъ, да и кричатъ: «браво Рожковъ! шампанскаго!» И вотъ ливрейный лакей подаетъ мнѣ на подносѣ налитую рюмку; но барышня сама схватила эту рюмку и выпила не поморщась, примолвивъ: «Это за твое здоровье, а тебѣ подадутъ цѣлую бутылку».

Здѣшній губернаторъ Н. П. Ивановъ человѣкъ преобходительный, и его очень любятъ; а прокуроръ Василій Петровичъ Гурьевъ человѣкъ чрезвычайно-свѣтскій и большой острякъ. У него жена красавица, очень образована и, кажется, большая кокетка. Мнѣ слу-

чилось обѣдать съ ними у губернскаго предводителя князя Петра Сергѣевича Вадбольскаго, тестя Александра Матвѣевича Муромцева, содержателя нынѣшней въ Москвѣ нѣмецкой труппы : предобрый и прекрасный человекъ, очень сожалѣть, что зять его взялся не за свое дѣло.

4-го іюня, понедѣльникъ. С. Ивановское.

Сижусь-себѣ на балконѣ да почитываю разсужденіе Шлѣцера «О причинахъ безпрерывно-возрастающей въ Россіи дороговизны на произведенія сельскаго хозяйства и о средствахъ къ ограниченію возвышенія на нихъ цѣнности». Вотъ, думаю, еслибъ я прочиталъ это разсужденіе до покупки своихъ винныхъ запасовъ, то не спрашивалъ бы, отчего русское вино возвысилось въ цѣнѣ наравнѣ съ французскимъ. Причины, изложенныя профессоромъ, по-мбему, основательны; но справедливы ли предлагаемые способы къ отвращенію возвышенія цѣнъ на наши продукты — этого рѣшить не умѣю. Я слышалъ, что министръ коммерціи, графъ Румянцевъ, не того мнѣнія, чтобъ изыскивать средства къ уменьшенію цѣнности на произведенія сельскаго хозяйства, а, напротивъ, радуется, если цѣны на нихъ возвышаются, потому-что тогда, говоритъ онъ, оплачивается трудъ сельскаго хозяина, помѣщика или крестьянина — все-равно, а сверхъ-того,

возвышается и цѣна на земли. П. С. Молчановъ отзывается о графѣ Румянцовѣ, какъ о необыкновенно-умномъ и просвѣщенномъ человѣкѣ и, сверхъ того, настоящимъ патриотѣ.

У насъ дымъ коромысломъ отъ сборовъ въ Липецкъ. Одинъ обозъ отправили, другой отправляется завтра, а сами выѣдемъ 8 или 9 числа. Еслибъ не совѣстно было оставить домашнихнихъ, я бы полетѣлъ сейчасъ.

Есть у насъ сосѣдка Пелагея Петровна Владыгина, мать моего соученика, который отличался въ пансіонѣ талантомъ рисованія. Она изъ крѣпостныхъ дѣвокъ, но такая хозяйка, какихъ нескоро встрѣтить можно. Доходы получаютъ огромные, а между-тѣмъ крестьяне въ наилучшемъ положеніи, и сама живетъ барынею, не скряжничая. Я удивился, когда взглянулъ на ея хозяйство : рогатаго скота много, и весь претучный ; мелкаго также пропасть ; при мнѣ загоняли птицу : вереницѣ гусей нѣтъ конца, утокъ стада, а индѣекъ и куръ, право, столько же, сколько на гумнѣ воробьевъ. Есть у ней про добраго гостя и бутылка хорошаго вина, и московское пиво, и домашнее шампанское изъ смородины — словомъ, все есть въ лучшемъ видѣ, а едва-ли она знаетъ грамотѣ. Мнѣ приходитъ иногда въ голову : на чтѣ же эта грамота ?

**

14-го іюня, четверкъ. Липецкъ.

Какъ ни хотѣлось мнѣ скорѣе быть въ Липецкъ, но я вѣхалъ въ него съ какимъ-то стѣсненіемъ сердца. Мы остановились попрежнему въ домѣ Вишневскихъ, и я попрежнему занялъ ту же прошлогоднюю свою камору, только на этотъ разъ одинъ и не такъ уже радостенъ :

Нѣтъ ни Литхенса, ни Граве,
Да и самъ я весь не свой :
Все мечтается о славѣ.
Путь къ безсмертью предо мной.
Голова моя въ туманѣ ;
Мысль одна : объ «Артабанѣ».

Кромѣ шутокъ, я желалъ бы написать что-нибудь путное, но едва-ли удастся, потому-что предвижу развлеченія непрерывныя. Впрочемъ, увидимъ : трудъ не пойдетъ на ладъ, такъ мы его и бросимъ.

Ежедневное наше общество составляютъ И. Н. Новосильцевъ съ неотлучнымъ своимъ Ивановомъ Кузьмичомъ, который также комплиментируетъ попрошлогоднему; Ф. Ф. Кернъ, одинъ изъ героевъ пражскаго штурма — прекрасный человѣкъ, умный оригиналъ, съ сократовской физиономіей; М. К. Рѣдькинъ, Ив. Егор. Штейнъ, И. Н. Лодыгинъ и Альбини. Домашніе мои утромъ ѣздятъ къ водамъ, но я не ѣзжу; за-то вечеромъ являюсь въ

галерею на отдыхъ отъ борьбы съ персидскимъ моимъ пострѣломъ и на болтовню съ милыми знакомками.

20-го іюня, среда.

Мы только-что возвратились съ Штейномъ съ охоты. Трои сутки прорыскали въ полѣ верстъ за 20 отъ Липецка, за крупною полевою дичью: стрепетами, драхвами, дикими гусями и журавлями. Брали съ собою большихъ ястребовъ, которые чрезвычайно насъ тѣшили. Привезли всякой птицы чуть не цѣлый возъ — словомъ, веселились напрапалую.

А между-тѣмъ и «Артабанъ» мой помаленьку подвигается впередъ. Остовъ готовъ; на добно облекать его въ тѣло и кожу. И съ этимъ надѣюсь сладить; но буду ли умѣть вдохнуть въ него душу — это дѣло другое.

Пріѣхавшій губернаторъ Д. Р. Кошелевъ получилъ извѣстія изъ Петербурга, что тамъ всѣ продолжаютъ толковать о войнѣ и что приготовленія къ ней дѣлаются въ огромныхъ размѣрахъ. Ему даютъ чувствовать, чтобъ онъ былъ дѣятельнѣе и, на всякій случай, предупредилъ помѣщиковъ своей губерніи, отъ которыхъ, вѣроятно, потребуются, по важности случая, многія пожертвованія. Все это не новость, потому-что и въ Москвѣ только о томъ и толку, и всѣ желаютъ войны; но жаль

одного, что Москва, кажется, лишится добраго своего начальника, который рѣшительно просить увольненія. Если это случится, то послѣдуютъ и другія перемѣны во властяхъ, которыя для ней чувствительны быть могутъ.

25-го іюня, понедѣльникъ.

Губернатору данъ былъ въ галереѣ великолѣпный обѣдъ по подпискѣ. Общій угодникъ Пріори распорядился мастерски, и ни въ чемъ не было недостатка. Мы заплатили по 5 рублей съ персоны и проводили почетнаго гостя съ честью. Онъ поѣхалъ въ Лебедянскій Уѣздъ осматривать деревню, которую купить намѣренъ, село Кузьминку, принадлежащее Петру Петровичу Бибикову; оно будетъ продано съ аукціона за долги. Имѣніе устроенное и отличное во всѣхъ отношеніяхъ. Я бывалъ въ Кузьминкѣ еще въ дѣтствѣ и помню прекрасное ея мѣстоположеніе и барскій домъ.

Жду—не дождусь своего опредѣленія въ службу. Альбини утверждаетъ, что непременно все скоро сдѣлается и чтобъ я не тревожился; но, зная, что *man versucht in der Welt so manches und es gelingt einem nicht*, не могу не тревожиться. Хорошо, что есть еще добрые люди, которые пекутся обо мнѣ, какъ родные, и почитаю великимъ счастіемъ, что ѣду въ Петербургъ не одинъ, а съ Альбини,

и что есть уже у меня тамъ знакомое семейство старика Лабата, а то, пожалуй, пришлось бы сказать вмѣстѣ съ Бородулинымъ :

Пріѣхалъ въ городъ новый:
Ну, точно лѣсъ сосновый,
И запахъ непріятный.
Какой народъ невнятный!

Я встрѣтилъ старика Созонова, который коротко былъ знакомъ съ преосвященнымъ Тихономъ задонскимъ. Онъ много рассказывалъ о подвигахъ святителя, о его трудахъ, смиреніи, кротости и милосердіи. Созоновъ говорилъ, что преосвященный былъ простосердеченъ какъ дитя, и что онъ не допускалъ мысли, чтобъ кто-нибудь могъ обмануть его, или солгать передъ нимъ. Живя въ Задонскѣ на покоѣ, онъ не имѣлъ никакихъ доходовъ и былъ бѣденъ, однакожь никто изъ нищей просящей братіи не отходилъ отъ него не получивъ чего-нибудь : если не имѣлъ денегъ, то давалъ просвиру, ломоть хлѣба, лоскутъ холстины или сукна ; а однажды, зимою, отдалъ одному юродивому свое полукафтанье, чтобъ сколько-нибудь согрѣть бѣдняка. Преосвященный Симонъ рязанскій былъ другомъ Тихона и нерѣдко снабжалъ его многими вещами для раздачи бѣднымъ. *Таковъ подобаше намъ архіерей !*

30-го июля, суббота.

Вотъ примѣръ дружбы въ прежнее время. Въ 1771 году двадцати-трехлѣтній майоръ, красавецъ Александровъ, женился по любви и противъ воли родителей своихъ на дочери небогатаго помѣщика Чурикова. Молодые супруги жили счастливо цѣлый годъ, то-есть дотѣхъ-поръ, покамѣстъ было чѣмъ жить; но небольшія средства ихъ скоро истощились; наступило время жестокой нужды, тяжкихъ заботъ и лишеній всякаго рода; а между-тѣмъ Богъ даровалъ имъ дочь, и недостатокъ въ потребностяхъ жизни сталъ еще ощутительнѣе. Горе овладѣло юною четою; а отъ сильнаго горя до тяжкой болѣзни — одинъ шагъ. Молодая женщина занемогла; мужъ не зналъ что дѣлать; писалъ къ отцу и къ матери, умолялъ ихъ о пособіи, но письма оставались безъ отвѣта. Къ кому прибѣгнуть и на что рѣшиться въ такой крайности? Вступить опять въ службу — не было случая, да и могъ ли служить онъ, вовсе не зная службы? Чины получалъ онъ, живучи дома: будучи еще въ пеленкахъ записанъ сержантомъ гвардіи въ преображенскій полкъ; лѣтъ черезъ восемнадцать произведенъ въ прапорщики и тотчасъ выпущенъ въ армію капитаномъ, а чрезъ годъ уволенъ отъ службы съ чиномъ секунд-майора. Дѣлать онъ ничего не умѣлъ, а женить-

ба противъ воли родителей лишила его уваженія и всякаго довѣрїя въ цѣлой губерніи — словомъ, положеніе Александрова было безвыходное и ужасное.

Но вотъ бывшій школьный его товарищъ и другъ Нетунахинъ, служившій въ Петербургѣ въ генерал-прокурорской канцеляріи и очень-любимый начальствомъ за свою грамотность, расторопность по службѣ и незазорное поведение, узнавъ о бѣдственномъ состояніи Александрова, выпросилъ себѣ кратковременный отпускъ и отправился въ Тамбовскую Губернію навѣстить своего друга. Онъ нашелъ его въ отчаяніи, а жену изнемогавшую отъ изнурительной болѣзни. «Милые друзья мои» сказалъ онъ имъ: «не время разсуждать намъ о причинахъ бѣдственнаго вашего положенія: прошедшее невозвратимо; но вспомните, что отчаяніе — смертный грѣхъ и что у Бога милости много! Вотъ нѣсколько сотенъ рублей, скопленныхъ мною на дѣятельной службѣ. Ты, Петръ, начни съ того, чтобъ поскорѣе добыть все нужное для больной жены твоей и бѣдной малютки: эти хлопоты тебя разсѣять. А вы, сударыня, вмѣсто того, чтобъ день и ночь крушиться и плакать, займитесь, хотя черезъ силу, маленькимъ хозяйствомъ нашимъ: устройте такъ, чтобъ мы въ свое время пили чай, обѣдали и ужинали, а тамъ, недѣльки черезъ

двѣ, когда Богъ порадуетъ меня вашимъ спокойствіемъ, я предложу вамъ средство избавиться навсегда отъ зависимости нуждъ и всѣхъ скорбей, которыя неразлучны съ ними. Итакъ, за дѣло! Чтò было, тò прошло; чтò будетъ — увидимъ!»

Сказано — сдѣлано. На деньги, данныя Нетунахинымъ мужъ исправилъ всѣ домашнія потребности, а жена слегка озаботилась хозяйствомъ. Прошло нѣсколько дней — надежда оживила увядшія лица молодой четы: она стала спокойнѣе. Время проходило въ дружескихъ бесѣдахъ; когда изсякли разговоры о прошедшемъ, стали толковать о будущемъ и дѣлали разныя предположенія. Мужъ хотѣлъ идти въ управители къ какому-нибудь богатому помѣщику другой губерніи, не имѣя ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ. Жена его совѣтовала лучше искать какой-нибудь губернской должности. Нетунахинъ молчалъ и давалъ волю ихъ предположеніямъ, а между-тѣмъ тайно написалъ письмо къ родителямъ Александра, въ которомъ, изложивъ все бѣдственное положеніе ихъ сына, заключилъ тѣмъ, что хотя между родителями и дѣтьми можетъ быть судьбою одинъ только Богъ, но что онъ, руководимый челоувѣколюбіемъ, принялъ на себя обязанность ходатайствовать передъ ними за провинившагося сына; что

всякому гнѣву есть предѣлъ, и что въ этомъ отношеніи нехудо вспомнить выраженіе священнаго писанія, которымъ общается *судъ безъ милости не сотворешу милости*. Въ ожиданіи же отвѣта на свое письмо, онъ продолжалъ жить съ друзьями своими попрежнему и скоро имѣлъ несказанное удовольствіе замѣчать иногда улыбку на лицахъ молодыхъ страдалцевъ и рѣшительное, хотя и постепенное, возвращеніе здоровья молодой женщины.

Наконецъ, ожидаемый отвѣтъ полученъ. Старики Александровы рѣшительно объявили, что они не хотятъ слышать объ ослушномъ сынѣ и что онъ можетъ почитать себя счастливымъ, если дотолѣ они не предали его проклятію за неблагодарность и ослушаніе. Такая жестокость очень огорчила Нетуахина, но онъ скрывалъ огорченіе отъ друзей своихъ и на другой же день, за чаемъ, объявилъ имъ, что онъ составилъ планъ будущей ихъ жизни: что они должны ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ, гдѣ онъ найдетъ имъ занятіе; и хотя для майорскаго чина нелегко найти соответственную должность, но что онъ надѣется чрезъ своихъ покровителей уладить все къ лучшему, а до-тѣхъ-поръ они будутъ жить съ нимъ вмѣстѣ. Ахнули бѣдные супруги отъ такого рѣшенія ихъ друга! Ѣхать въ Петербургъ! но какъ, съ чѣмъ и зачѣмъ? «Это не

ваше дѣло, мои милые» возразилъ Нетунахинъ: «тотъ, кто внушилъ мнѣ мысль прїѣхать сюда къ вамъ, внушитъ мнѣ и средства устроить васъ. Въ Петербургѣ или въ Америкѣ — все равно, только я твердо вѣрю, что добрыя намѣренія не остаются безъ исполненія. Будьте покойны и собирайтесь въ дорогу.

Сборы были непродолжительны: старый чемоданъ съ платьемъ, небольшой ларецъ съ бѣльемъ и узелъ съ дорожными припасами составляли весь скарбъ семейства эмигрантовъ. Они отправились въ простой ямской повозкѣ. Мать, съ дочерью на рукахъ, сидѣла внутри, а молодые люди расположились по облучкамъ. Такъ ѣхали они всю дорогу до Петербурга, въ который прибыли послѣ пяти-недѣльнаго путешествія.

Первымъ дѣломъ Нетунахина, по возвращеніи въ Петербургъ, было явиться къ своему начальнику и откровенно объяснить ему несчастное положеніе своего друга. «А чтѣ же онъ думаетъ дѣлать?» спросилъ его начальникъ. «Искать какой-нибудь должности» отвѣчалъ Нетунахинъ. «Должности? Но человѣка въ его чинѣ, который нигдѣ не служилъ, куда опредѣлить можно?» Нетунахинъ молчалъ. «Еслибъ онъ, по-крайней-мѣрѣ, былъ маломальски расторопенъ, то, конечно, нашлась бы ему должность; но, сколько я изъ словъ

твоихъ понять могъ, онъ едва-ли на что другое способенъ, какъ только обниматься съ женою, и потому я едва-ли буду умѣть придумать, куда и какъ приютить его». Нетунахинъ молчалъ. «Развѣ въ директоры экономіи, если онъ человѣкъ честный?» Нетунахинъ все молчалъ. «А ручаешься ли ты за его честность?» — «О! что касается честности» подхватилъ Нетунахинъ, «то я за него ручаюсь, какъ самъ за себя». — «Ну, хорошо, ступай съ Богомъ и прикажи своему пріятелю читать всѣ узаконенія и постановленія, касающіяся должности директора экономіи. Послѣ увидимъ».

Словомъ, Александровъ вскорѣ былъ определенъ въ должность директора экономіи, которую, при содѣйствіи Нетунахина, исправлялъ семь лѣтъ въ Тамбовской Губерніи, къ полному удовольствію начальства. Успѣхи его по службѣ обратили къ нему сердца престарѣлыхъ его родителей, которые не только простили его, но и отдали ему все принадлежащее имъ имѣніе. Онъ вышелъ въ отставку, а чтобъ не сидѣть поджавши руки, вошелъ въ откупа, разбогатѣлъ, нажилъ въ короткое время огромное состояніе, изъ котораго половину отдалъ своему другу, который, служа въ-рой и правдой, съ безкорыстіемъ примѣрнымъ, достигъ до званія сенатора, но, въ заботахъ

о чужихъ дѣлахъ, забылъ собственныя свои и ровно имѣлъ столько, чтобъ не умереть съ голоду. Вотъ копія съ дарственной записи, подаренная мнѣ старикомъ М. К. Рѣдкинымъ, который коротко зналъ обоихъ друзей и разсказалъ мнѣ ихъ исторію.

4-го іюля, среда.

Петръ Ивановичъ порадовалъ меня письмомъ въ два листа. Увѣдомляетъ, что публичное торжество въ университетѣ было самое блистательное, и что всѣ диссертации и рѣчи необыкновенно-любопытны; обѣщается доставить мнѣ ихъ тотчасъ по напечатаніи и чрезвычайно хвалить слово Малиновскаго, которымъ торжество было открыто. Страховъ остается ректоромъ и на слѣдующій годъ. Слава Богу! Послѣ Харитона Андреевича назначеніе всякаго другаго ректоромъ было бы чувствительно для всего университета, для студентовъ и профессоровъ. Между-прочимъ, мой Петръ Ивановичъ, ни съ того ни съ другаго, вдругъ вздумалъ безъ меня ѣздить въ театръ, и 22-го іюня былъ въ «Русалкѣ», которую играла Насова. Пишетъ, что ея фізіономія ему очень приглянулась, и что, смотря на нее, онъ вспоминалъ обо мнѣ. Вотъ онъ каковъ, нашъ цѣломудренный Іосифъ! Пишу къ нему, что напрасно онъ лучше не съѣздилъ, въ мое воспо-

минаніе, въ нѣмецкій театрѣ ; пошелъ бы за кулисы и поболталъ съ мадамъ Шредеръ, или съ Кафкою: тогда бы на опытѣ увидѣли стоицизмъ его.

9-го іюля, понедѣльникъ.

Вотъ прекрасные стихи, присланные изъ Петербурга молодымъ Элизеномъ къ сестрѣ. Онъ пишетъ, что актёръ Кудичъ говорилъ ихъ на сценѣ и произвелъ восторгъ неописанный:

Für seinen König muss das Volk sich opfern,
Das ist das Schicksal und Gesetz der Welt,
Nicht swürdig ist die Nation, die nicht
Ihr alles freudig setzt an ihre Ehre!

Этотъ восторгъ доказываетъ общее желаніе борьбы съ западнымъ исполиномъ. А вотъ игра въ вопросы и отвѣты, которая въ нѣкоторыхъ петербургскихъ обществахъ входитъ въ моду. Она производится такимъ образомъ, что одна половина участвующихъ въ ней лицъ пишетъ на лоскуткахъ бумаги вопросы, а другая отвѣты, по произволу. Эти вопросы и отвѣты скатываются и кладутся каждые въ особый ящикъ, корзинку, хоть, пожалуй, въ стаканъ—все-равно. Затѣмъ всѣ поочередно вынимаютъ прежде вопросъ, а послѣ отвѣтъ и читаютъ ихъ вслухъ. Нынче обыкновенно назначаютъ болѣею частью вопросы и отвѣты политическіе. Элизенъ пишетъ, что на вече-

ринкъ у придворнаго доктора Торсберга играли въ эту игру, и нѣкоторые отвѣты изумительно согласовались съ нынѣшними обстоятельствами. Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, которые я перевелъ для своихъ :

1.

Вопросъ. — Кто будетъ побѣдителемъ въ предстоящей войнѣ ?

Отвѣтъ. — Тотъ, кто добрѣе.

2.

Вопросъ. — Кто будетъ союзникомъ нашего государя ?

Отвѣтъ. — Мужество и терпѣніе.

3.

Вопросъ. — Много ли намъ нужно войскъ для побѣды ?

Отвѣтъ. — Россія.

4.

Вопросъ. — Можемъ ли мы твердо надѣяться на своихъ сосѣдей ?

Отвѣтъ. — Наша сила въ Богѣ.

А знаешь ли, что сдѣлалъ твой или, вѣрнѣе, нашъ Дуракъ ? Вчера, видно, отъ скуки, ушелъ одинъ къ озеру и, завидѣвъ посреди нѣ стадо утокъ, отправился за ними вплавъ. Лодыгинскіе люди, замѣтивъ, что фаворитъ ихъ поплылъ (Дуракъ — общій фаворитъ въ Липецкѣ)

однѣ, вышли на берегъ ожидать результата этой продѣлки. Что жь? Дуракъ, распугавъ старыхъ утокъ, которыя съ крикомъ улетѣли, давай гоняться за молодыми позднышами, и, передувивъ ихъ нѣсколько штукъ, благополучно возвратился на берегъ съ одною парою въ зубахъ, которую и принесъ домой, торжественно провожаемый и перевозносимый людьми Лодыгина. Что-то дѣлаетъ у тебя его братецъ?

15-го июля, пятница.

Кажется, Буало сказалъ, что писать стихи должно въ городѣ, а не въ деревнѣ, и я начинаю чувствовать справедливость словъ угрюмаго старика. Два дѣйствія «Артабана» почти готовы, а прочитатъ ихъ нѣкому и нѣ съ кѣмъ размѣняться мыслями. Я попробовалъ—было прочитатъ ихъ старшей сестрѣ, да не впопадъ: «Охота тебѣ, братецъ, душиться въ твоей каморѣ и заниматься пустяками, когда на дворѣ такая прекрасная погода! Лучше бы поѣхалъ прокатиться съ Дарьей Егоровной верхомъ. А вотъ и Михайло Константинычъ говоритъ: «надъ чѣмъ это вашъ философъ коптитъ такъ пристально? Этакъ онъ и съ ума спятить». Одолжила, голубушка! А чуть-ли она не права: въ лучшее время года сидѣть взаперти и низать рифмы, можетъ-быть, для

того только, чтобъ послѣ служить посмѣшищемъ людямъ — прекрасная будущность! Впрочемъ, безъ билета въ маскарадъ не пускають, а мой «Артабанъ» долженъ мнѣ служить билетомъ для входа въ маскарадъ свѣта; послѣ, пожалуй, его хоть въ печку — туда и дорога!

Сказывали, что сюда прибудеть на-дняхъ труппа актёровъ, принадлежащихъ лебедянскому помѣщику Танъеву. Если это именно та, которую я видѣлъ нѣкогда въ моемъ дѣтствѣ на лебедянской ярмаркѣ, то сердечно радъ буду взглянуть на нее и сравнить тогдашнія мои ощущенія съ нынѣшними. Эта труппа давала тогда въ Лебедянѣ оперу «Добрые солдаты», и я до-сихъ-поръ не могу забыть музыки одного хора:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно.
Наши зажегъ ты сердца,
Видимъ въ тебѣ мы отца.

Стишки какъ-будто нашего издѣлія.

Пишутъ изъ Москвы, что московскій французскій театръ съ будущаго ноября причисленъ будетъ, также какъ и русскій, къ дирекціи театральныхъ зрѣлищъ. Актёры получаютъ названіе «императорскихъ», и труппа будетъ пополнена. Нѣкоторые сюжеты уже пріѣхали и, между-прочимъ, какой-то monsieur Lanneau,

который имѣеть репутацію хорошаго актёра. Но мнѣ кажется, что не въ актёрахъ дѣло, а въ актрисахъ. До-сихъ-поръ на московской французской сценѣ мы видѣли только преужасныя женскія хари, съ которыми никакая пьеса не могла имѣть настоящаго успѣха. Дарованіе дарованіемъ, но въ женщинѣ красота, или, по-крайней-мѣрѣ, пріятная фізіономія—не послѣднее дѣло на сценѣ. Какая можетъ быть иллюзія, когда вдругъ какую-нибудь Агнесу играетъ сорокалѣтнее и красноносое пугало? Ужь, конечно, лучше видѣть бездарную, но хорошенькую мадамъ Кремонъ и слушать, какъ пропищитъ она :

Lorsque dans une tour obscure,

или

Jeunes filles qu'on marie. и проч.,

чѣмъ видѣть и слышать беззубую старуху, madame Lavandaise въ роли кокетки Селимены, или рыжую madame Duparai въ роли Нанины.

Кстати о безобразіи женщинъ. Разъ какъ-то въ театрѣ молодой Тютчевъ сдѣлалъ очень-смѣшное замѣчаніе. Онъ увѣрялъ, что изъ пожилыхъ женщинъ всѣхъ націй старыя французенки самыя безобразныя. «Возьмите» говорилъ онъ «нашу русскую старуху, нѣмку, англичанку, голландку, итальянку : всѣ болѣе или менѣе имѣютъ видъ неотвратительный; старыя же французенки, напротивъ, всякая

похожа на бабу-Ягу; разумѣется, есть исключенія, но они рѣдки». Поди ты съ нимъ!

17-го іюля, вторникъ.

Вчера у отца-протопопа пилъ я чай съ однимъ старикомъ, купцомъ Силинымъ, который былъ прежде крестьяниномъ Нарышкина, но внесъ за себя 5000 рублей, получилъ увольненіе отъ помѣщика, записался въ купцы и теперь торгуетъ лѣсами, скотомъ и саломъ на полмилліона. Это человѣкъ очень-здравомыслящій, но чрезвычайно-оригинальный въ своихъ объясненіяхъ. Какъ бы предметъ разговора ни былъ серьезень, онъ не можетъ удержаться, чтобъ не пересыпать его разными прибаутками на виршахъ своего издѣлія. Разсуждая о торговлѣ, онъ утверждалъ, что для русскаго малограмотнаго человѣка внутренняя торговля, и особенно сельскими хозяйственными произведеніями, есть самая благонадежная. «Если отъ ней» говоритъ онъ «не будешь милліонщикомъ въ одинъ годъ, то не будешь точасъ и банкротомъ, то-есть плутомъ. Торговать же съ нѣмцами у порта все-равно, что ловить за хвостъ чорта. Нѣмцы торговлю свою ведутъ по газетамъ, да по примѣтамъ, а намъ нѣтъ прибыли въ этомъ». Я спросилъ его: не помѣшаетъ ли война нашей торговлѣ и не ожидаетъ ли онъ себѣ убытковъ? «Ни-

чего, батюшка» отвѣчалъ онъ : « что война, что *миръ*, а купцу все *пиръ*. Вотъ изволишь видѣть, сударикъ ты мой, убытки-то нашему брату не отъ войны, а оттого, что иные или не по силѣ *забираются*, или не по карману *проживаютъ*, на войну только *ссылаются*; а на повѣрку выходитъ, что если *купецъ* не *глупецъ*, такъ не пустъ и *ларецъ*». Очень также забавны выходки его противъ Наполеона, доказывающія, какая глубокая ненависть поселилась къ нему во всѣхъ классахъ нашего народа. «На Москвѣ» говоритъ онъ «народъ больно ершиться сталъ: купцы въ городѣ калякаютъ, что мы—де лавки побросаемъ и всѣ поголовно пойдемъ, а ужъ этого *врага* прицѣпимъ чорту *на рога*». Нескладно, да ладно.

Отецъ—протопопъ сказывалъ, что онъ священствуетъ около 40 лѣтъ и въ продолженіе долгаго своего священства замѣтилъ, что во время военное бываетъ раждающихся болѣе, чѣмъ въ мирное, и, сверхъ—того, менѣе больныхъ и умирающихъ. «Это говорю я вамъ не облыжно» прибавилъ онъ «и намѣдни въ проѣздъ свой въ Москву останавливавшійся у меня помѣщикъ изъ Конь—Колодезя, Г. И. Сиявинъ, сказывалъ, что и онъ сдѣлалъ такое же замѣчаніе. Отчего это происходитъ — Господь одинъ вѣдаетъ ; только событіе не подвержено сомнѣнію.» Вотъ задача для физіо-

логовъ, если только эти люди чувствуютъ себя способными разрѣшать тайны провидѣнія. Но едва-ли!

22-го июля, воскресенье.

Почтенный старикъ Н. А. Алферьевъ разсказывалъ, что въ молодыхъ зажиточныхъ людяхъ, жившихъ въ Москвѣ въ совершенной праздности, было какое-то стремленіе къ разврату всякаго рода, и что онъ самъ вовлеченъ былъ этимъ потокомъ въ непростительныя шалости. «Какъ Богъ вынесъ изъ этой бездны, въ которую мы погружались» говорилъ старикъ, «я до-сихъ-поръ постигнуть не могу. Кто повѣритъ теперъ, любезный, чтобъ молодой человекъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно, или вовсе не принимался въ обществѣ своихъ товарищей, и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми; да и тѣ иногда — прости имъ Господи — бывало, суются туда же! Кто неразвратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ; а всему виною были праздность и французскіе учителя. Да и какъ было не быть празднымъ? Молодой человекъ, записанный въ пеленкахъ въ службу, въ двадцать лѣтъ имѣлъ уже чинъ

майора и даже бригадира, выходилъ въ отставку, имѣлъ достаточные доходы, жилъ бариномъ, привольно, и заниматься, благодаря воспитанію, ничѣмъ не умѣлъ. Такъ поневолю приходила въ голову какая-нибудь блажь». Алферьевъ рассказывалъ также много кой-чего объ иллюминатахъ—алхимикахъ, которыхъ секта была дѣйствительно вредна, потому-что состояла изъ явныхъ обманщиковъ. Эти плуты, подъ предлогомъ обогащенія другихъ, наживались сами, разоряя въ конецъ своихъ адептовъ. Иллюминаты—алхимики употребляли многіе не позволенные способы для достиженія своихъ цѣлей: они прибѣгали къ разнымъ одуряющимъ куреніямъ и напиткамъ и заклинаніямъ духовъ для того, чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать на слабоуміе ввѣрившихся ихъ руководству; но, что всего хуже и опаснѣе было: они умѣли привлекать къ себѣ молодыхъ людей оболещеніемъ разврата, а стариковъ возбужденіемъ страстей и средствами къ тайному ихъ удовлетворенію. Для этихъ людей ничего не было невозможнаго, потому-что не было ничего священнаго, и они не гнушались никакими средствами, какъ бы они преступны ни были, чтобъ исполнить свои преднамѣренія. Главою этихъ гнусныхъ и, къ-счастью, немногочисленныхъ въ Москвѣ людей, былъ французъ *Перрентъ*, мужчина лѣтъ сорока, видный

собою, ловкій, вкрадчивый, мастеръ говорить и выдававшій себя какимъ-то баярдомъ, великодушнымъ, щедрымъ, сострадательнымъ и готовымъ на всякое доброе дѣло; но это былъ лицемѣръ перваго разряда, развратившій не одно доброе семейство и погубившій многихъ молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій. Я былъ съ нимъ знакомъ. Этотъ молодець квартировалъ на Мясницкой въ домѣ Левашова, но только для виду, а настоящее его логовище было за Москвою-рѣкою, въ Кожевникахъ, въ домѣ Мартынова, или Мартьянова, куда собирались къ нему адепты обоего пола. Однакожь *Перренъ* не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ могъ продолжать свои операци и — благодаря ревнивому характеру одного богатаго мужа, слѣдившаго за своею женою — мошенничества его были наконецъ, открыты: лицемѣра изобличили, уличили и спровадили за границу со всѣми его соумышленниками и помощниками: Мезеромъ, Курбе, Гофманомъ, мадамъ Пикé и мамзель Шевато. Странное дѣло! нашлись люди, которые объ этихъ подлецахъ сожалѣли и даже хлопотали, чтобъ оставить ихъ въ Москвѣ.

Но это сказаніе слишкомъ-пространно, и я сообщу его когда-нибудь послѣ потому-что теперь зоветъ меня къ себѣ «Артабанъ». Свой своему поневолѣ другъ.

26-го іюля, четверг.

Пресмѣшное происшествіе ! Ф. Г. Вишневному собаку откусила носъ ! Это приключеніе составляетъ теперь предметъ разговоровъ цѣлаго Липецка и всѣхъ его окрестностей.

Ф. Г. Вишневскій, московскій баринъ, добрый, прекрасный, гостепріимный старикъ, имѣетъ страсть щупать все, что ни увидитъ, и что ни попадется ему подъ-руку : идетъ ли по улицѣ мимо какого-нибудь новаго дома, онъ ощупаетъ всѣ его углы и стѣны ; войдетъ ли въ домъ, ощупаетъ всѣ мѣбели ; увидитъ люстру, или на окнахъ гардины — подставитъ стулъ и ползетъ щупать гардины и люстру. Но съ этой страстью щупать вещи неодушевленные, онъ соединяетъ другую въ-отношеніи къ людямъ и животнымъ : онъ ихъ щупаетъ и целуетъ. Мужчины и пожилыя дамы не сердятся на него за эту привычку, но дѣвицы бѣгаютъ его какъ чумы. Чуть-только зазѣвается какая-нибудь барышня, Ф. Г. тутъ-какъ-тутъ : обхватитъ пальцами шейку и тотчасъ чмокъ въ затылокъ или въ плечо. Что же касается кошекъ и собакъ, то сколько бы ихъ ему ни встрѣтилось, онъ перещупаетъ и перецелуетъ всѣхъ, отъ первой до послѣдней. Не проходитъ дня, чтобъ жена его, старуха свѣтская и умная, не напоминала ему о неприличіи такихъ поступковъ, и чтобъ дочери его, дѣвицы

чрезвычайно-образованныя, не упрашивали его быть осторожнѣе и не заставлять ихъ краснѣть за него — не тутъ-то было: онѣ еще не успѣютъ кончить нравоученія, а Ф. Г — чѣ, смотри, и спрочазить что-нибудь.

Третьягодня въ галереѣ собралось пропасть посѣтителей. Ф. Г—чѣ, по обыкновенію, расхаживалъ и щупалъ все, что ни попало; ощупавъ галерейную мѣбель, забрался въ буфетъ и ощупалъ всю посуду; вышелъ въ садъ — ощупалъ всѣ деревья и всѣ камешки и кирпичи, приготовленные для садовыхъ дорожекъ; перещупалъ и перецаловалъ всѣхъ лошадей, привезшихъ матеріалы для нѣкоторыхъ построекъ—словомъ, онѣ былъ въ необыкновенномъ припадкѣ щупанья; наконецъ, попалась ему мордашка И. А. Лихонина, прекрасная, но и презлая собачонка, купленная имъ съ медвѣжьей травли и очень-привязанная къ своему хозяину. Ну, какъ же Ф. Г—чу обойтись безъ того, чтобъ не пощупать и не поцаловать такое сокровище? Вотъ онѣ и началъ ухаживать за нею. «Моська, моська, сюда, сюда!» Мордашка ни съ мѣста; но Ф. Г—чѣ не плохъ: набралъ въ буфетѣ бисквитовъ и давай приманивать мордашку бисквитами; бросилъ ей одинъ — съѣла, бросилъ другой — проглотила; третьимъ приманилъ къ себѣ и далъ ей съѣсть его изъ рукъ. Вотъ, кажется, и по-

знакомились. Ф. Г—чъ погладилъ мордашку — терпитъ; за такое снисхожденіе еще бисквитъ; онъ взялъ ее на руки сълъ съ нею на стулъ — мордашка расположилась на колѣняхъ и опять получила бисквитъ. Дѣло идетъ совсѣмъ наладь; остается только пощупать шейку да поцаловать въ мордочку и — подвигъ конченъ. Ф. Г—чъ обхватилъ шею и уже нагнулся, чтобъ поцаловать мордашку, но послѣдняя операція не удалась: неблагодарная вдругъ всею пастью впиалась ему въ носъ и, какъ пѣвка, повисла на немъ. Кровь брызнула фонтаномъ. Ф. Г—чъ заревѣлъ бѣлугой, и всѣ бывшіе въ галереѣ бросились на помощь къ паціенту. Лихонинъ схватилъ графинъ воды, и ну отливать свою мордашку — словомъ, шумъ и гамъ, кончившіеся тѣмъ, что бѣднаго щупателя, или щупальщика, ни живаго, ни мертваго, посадили въ карету съ истерзаннымъ носомъ и отправили домой въ сопровожденіи встревоженнаго его семейства. Удивительный оригиналь! Меньшая дочь его утверждаетъ, что это происшествіе нисколько не отучить ея папеньку отъ несчастной страсти къ щупанью и поцалуямъ. Прекрасная перспектива!

30-го іюля, понедѣльникъ.

Вотъ продолженіе исторіи о Перренѣ. Не подумай, чтобъ это былъ вымысль — нѣтъ; это

настоящее событіе, о которомъ, по свидѣтельству многихъ, не мало говорено было въ свое время. Я только сократилъ и выпустилъ нѣкоторыя грязныя подробности разсказа Алферьева; иначе, пришлось бы исписать цѣлую дѣсть бумаги.

Нѣкто Глѣбовъ, очень-богатый человекъ, будучи бездѣтнымъ вдовцомъ, немолодыхъ лѣтъ, скучалъ своимъ одиночествомъ. Въ карты играть онъ не любилъ, псовымъ охотникомъ не былъ, въ винѣ не находилъ никакого вкуса, а умственные занятія были не по его способностямъ; слѣдовательно онъ, естественно; долженъ былъ умирать со скуки. Въ тогдашнее время, публичныхъ развлеченій было немного: представленія на театрѣ были рѣдки, маскарады еще рѣже, да и новый содержатель театральной труппы Н. С. Титовъ (1776) не умѣлъ еще приманить публику въ головинскій театръ свой, стоящій на концѣ города: не всякому охота была тащиться такую даль и по такимъ сквернымъ дорогамъ, какія въ то время существовали, чтобъ позвѣвать на плохихъ актѣровъ.

Итакъ, Глѣбовъ скучалъ. Перренъ узналъ, что такой-то богатый баринъ сильно скучаетъ и, на этомъ основаніи, тотчасъ же задумалъ построить зданіе своего благосостоянія.

Въ этомъ намѣреніи онъ, чрезъ пріятеля

своего, молодаго князя, знакомится съ Глѣбовымъ и, при первомъ свиданіи, очаровываетъ его своею любезностью, рассказываетъ ему свои путешествія, смѣшитъ разными анекдотами и заставляетъ его удивляться такимъ событіямъ и принимать участіе въ такихъ приключеніяхъ, въ которыхъ не было ни на волюсь истины.

Послѣ двухъ или трехъ посѣщеній проворный французъ сдѣлался почти необходимъ Глѣбову. Послѣдній прежде скучалъ, а теперь вдвое сталъ скучать безъ Перрена — словомъ, по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, Перренъ совершенно овладѣлъ Глѣбовымъ, но за-то Глѣбовъ пересталъ скучать и, по совѣту своего друга, рѣшился вступить въ супружество.

Но на комъ жениться Глѣбову? Пожилой невѣсты онъ взять за себя не захочетъ, а молодая не будетъ любить его. «Мсье Перренъ, какъ помочь горю?» — «Мсье Глѣбовъ, вы должны жениться на дѣвушкѣ молодой, прекрасной собою, образованной и, главное, на сиротѣ, чтобъ не навязывать родныхъ жены вашей себѣ на шею. Такая дѣвушка есть: вы ее нѣсколько разъ видѣли и говорили съ нею у мадамъ Пикѣ, когда мы съ вами вмѣстѣ пили у ней чай. Скажу болѣе: по ея вопросамъ и разпросамъ о васъ, я замѣтилъ, что вы ей

приглянулись и, какъ я послѣ слышалъ отъ мадамъ Пикé, она точно къ вамъ неравнодушна. Чего же лучше? Отъ васъ зависитъ быть счастливымъ.

Глѣбовъ развѣсилъ уши. Дѣвушка была точно хороша собою, и хотя была иностранка, но могла объясняться нѣсколько порусски; а иностранное произношеніе придавало разговору ея особенную пріятность. «Но она не нашего вѣроисповѣданія» замѣтилъ Глѣбовъ. «Она такъ расположена къ вамъ, что завтра же, если захотите, приметъ вашу религію» отвѣчалъ Перренъ. Глѣбовъ задумался. «Мсьё Перренъ, я ревнивъ. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, я ревновалъ жену свою ко всѣмъ знакомымъ; но, женившись теперь, я могу сдѣлаться туркомъ! Мсьё Перренъ, я чувствую, что буду любить жену свою потому, что она мила; а любовь безъ ревности не существуетъ». — «И хорошо сдѣлаете, мсьё Глѣбовъ. Любите жену вашу и ревнуйте ее сколько хотите: это придастъ разнообразіе вашей жизни и вы не впадете въ апатію. Ревность молодитъ человѣка».

Черезъ недѣлю послѣ этого разговора Глѣбовъ поѣхалъ предложить руку мамзель Рабб, 19-ти лѣтней сиротѣ, уроженкѣ марсельской и крестницѣ мадамъ Пикé. Разумѣется, эта рука

* съ 40,000 руб. годоваго дохода была принята съ однимъ только условіемъ, чтобъ обращеніе въ православную вѣру мамзель Рабѣ оставалось для всѣхъ тайною, а вѣнчаніе происходило въ какой-нибудь деревенской церкви, въ которой, кромѣ священника и церковнослужителей, другихъ присутствующихъ при бракѣ никого не было. Причиною такого требованія была необыкновенная стыдливость невесты, которая прежде не могла безъ ужаса и отвращенія помыслить о бракѣ, и если теперь побѣдила этотъ ужасъ и отвращеніе, то единственно по какому-то невольному влеченію сердца. Къ этому требованію прибавлена была еще просьба: оставить у ней въ услуженіи ея горничную, мамзель Шеватѣ, къ которой она такъ привыкла, что не могла равнодушно подумать о разлукѣ съ нею.

Глѣбовъ согласился на всѣ условія; а чтобъ еще болѣе угодить своей невестѣ, принялъ къ себѣ въ должность дворецкаго, француза Курбѣ, рекомендованнаго ему Перреномъ. По крайней-мѣрѣ, думалъ онъ, въ первое время нашего супружества жена моя будетъ имѣть человѣка, съ которымъ объясниться можетъ.

Бракъ состоялся: мамзель Раба обращена въ Марью Петровну Глѣбову. Она была весела, довольна, счастлива, обнимала и цаловала безпрестанно своего мужа, не сходила у него

съ колѣнь, трепала его по щечкамъ, называла его самыми нѣжными именами: *mon tout, mon choux, mon bijou, mon ame, mon ange* и проч. и проч. — словомъ, забыла о своей застѣнчивости. Мужъ былъ въ восторгъ; но этотъ восторгъ продолжался недолго: на четвертый же день брака онъ сдѣлался, въ свою очередь, застѣнчивъ, задумчивъ, молчаливъ и даже равнодушенъ къ ласкамъ жены своей. Мсье Перренъ и мадамъ Пикѣ посѣщали молодыхъ почти ежедневно, но Глѣбовъ принималъ ихъ не съ такимъ уже удовольствіемъ, какъ прежде, и видимо избѣгалъ какого-то съ ними объясненія, хотя оно, казалось, и готово было сорваться у него съ языка.

Тѣмъ временемъ многочисленные знакомые Глѣбова, узнавъ о неожиданномъ его бракѣ, безпрестанно пріѣзжали къ нему; но, подъ предлогомъ болѣзни мадамъ Глѣбовой, они не были принимаемы, другіе принимаемы на короткое время и неочень-охотно, такъ-что любопытство москвичей видѣть молодую и узнать о подробностяхъ брака не могло быть вполне удовлетворено. Изъ этого, разумѣется, произошли толки, изъ толковъ развились предположенія и заключенія, а изъ этихъ послѣднихъ, какъ водится, родились сплетни, которыя чуть-чуть не остановились на томъ, что Глѣбовъ женился непременно на уродѣ и сты-

дится показать его своимъ знакомымъ ; но Перренъ опровергалъ эти слухи. « Помилуйте » говорилъ онъ : « кто могъ принудить Глѣбова жениться на безобразной женщинѣ ? Напротивъ, это ангелъ красоты и нѣжности. А какъ умна, какъ образована, какъ привлекательна, и какъ любитъ своего мужа ! Къ-несчастью, этотъ мужъ слишкомъ-ревнивъ, слишкомъ-самолюбивъ и себялюбивъ, и хочетъ наслаждаться своимъ счастьемъ въ тишинѣ уединенія одинъ, и даже меня, своего друга, допускаетъ къ себѣ рѣдко, и то на минуту, какъ-будто я въ-состояніи былъ похитить его сокровище ! » Вотъ Москва и загудѣла : Глѣбовъ ревнивецъ, Глѣбовъ тиранъ ; онъ держитъ въ заперти красавицу-жену, на которой женился по взаимной любви ; что это настоящее истязаніе для молодой женщины, и что Глѣбова надобно принудить жить открытѣе или отдать въ опеку.

А между-тѣмъ, пока Москва гудѣла, на сердцѣ Глѣбова лежала глубокая тайна : страшное подозрѣніе закралось въ его душу и не давало ему покоя ни днемъ ни ночью ; онъ безпрестанно вертѣлъ въ рукахъ записку, которую нашель въ комнатѣ жены своей, и какъ ни плохо разумѣлъ французскій языкъ, но столько понять могъ, что въ этой запискѣ заключались какія-то наставленія и разные способы...

Сейчасъ принесли съ почты пакетъ изъ С. Петербурга. Добрый старикъ Лабать премилымъ письмомъ, въ которомъ столько же нѣжностей, сколько и грамматическихъ ошибокъ, извѣщаетъ что 14-го числа сего мѣсяца я опредѣленъ въ коллегію и приглашаетъ пріѣхать скорѣе въ Петербургъ. Домашніе мои въ восторгъ; но есть и недомашніе, которые, сверхъ чаянія моего, столько же радуются. Итакъ студенчество мое, благодаря Бога, кончилось. Завтра у насъ большой обѣдъ для всего Липецка; скоро, можетъ-быть, отправятъ меня въ Москву, откуда, попрежнему, писать буду и доскажу окончаніе перреновыхъ плутней.

Умнаго Дурака отправятъ въ твое Никольское сохранно. Прости.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Цѣна 1 руб. 25 коп. сер.

COLUMBIA UNIVERSITY

0035467576

COLUMBIA UNIVERSITY

0035467576

